

Е-74 22273 4546

Ермолова

письма

~~4546~~

анкета

8/VI 22

8/XII

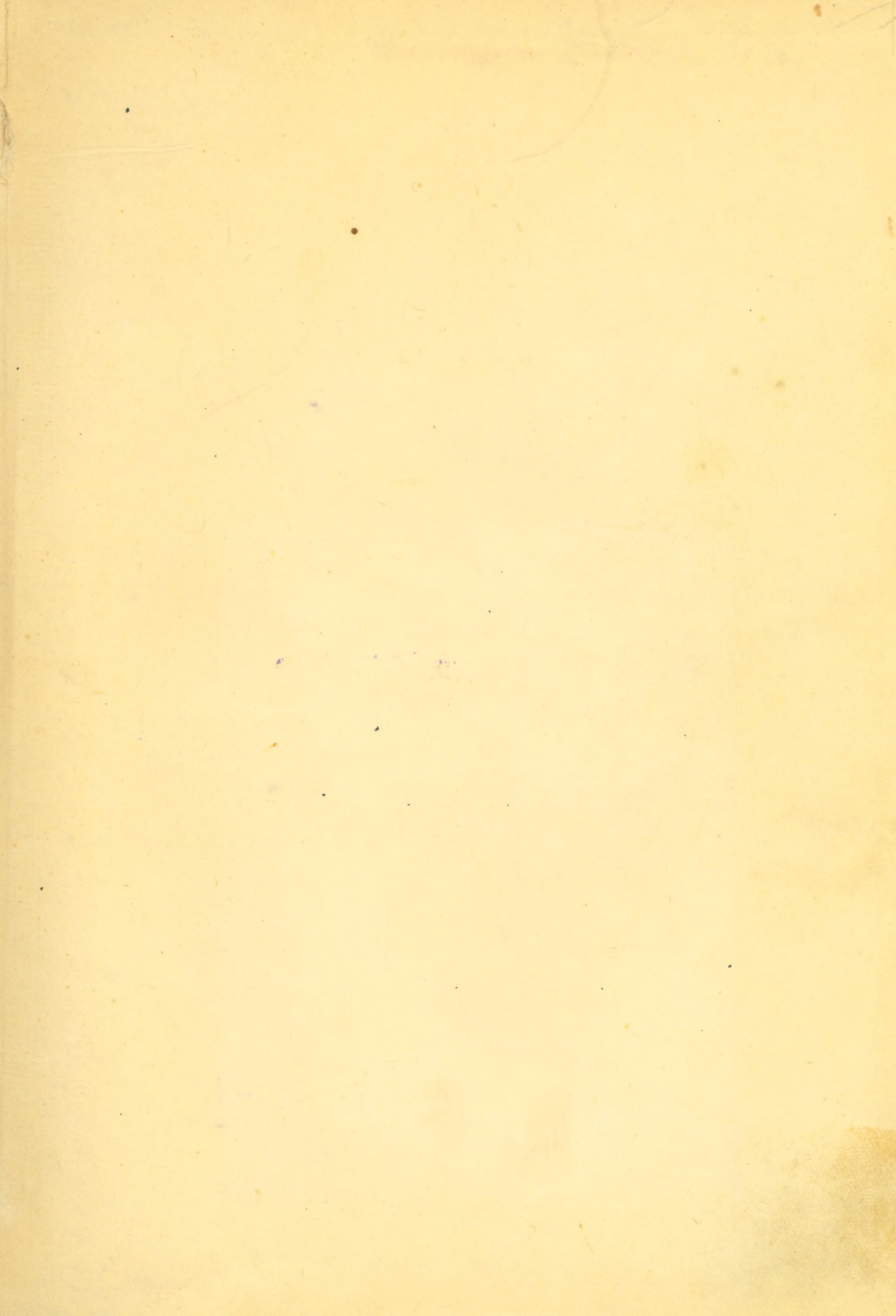
1843

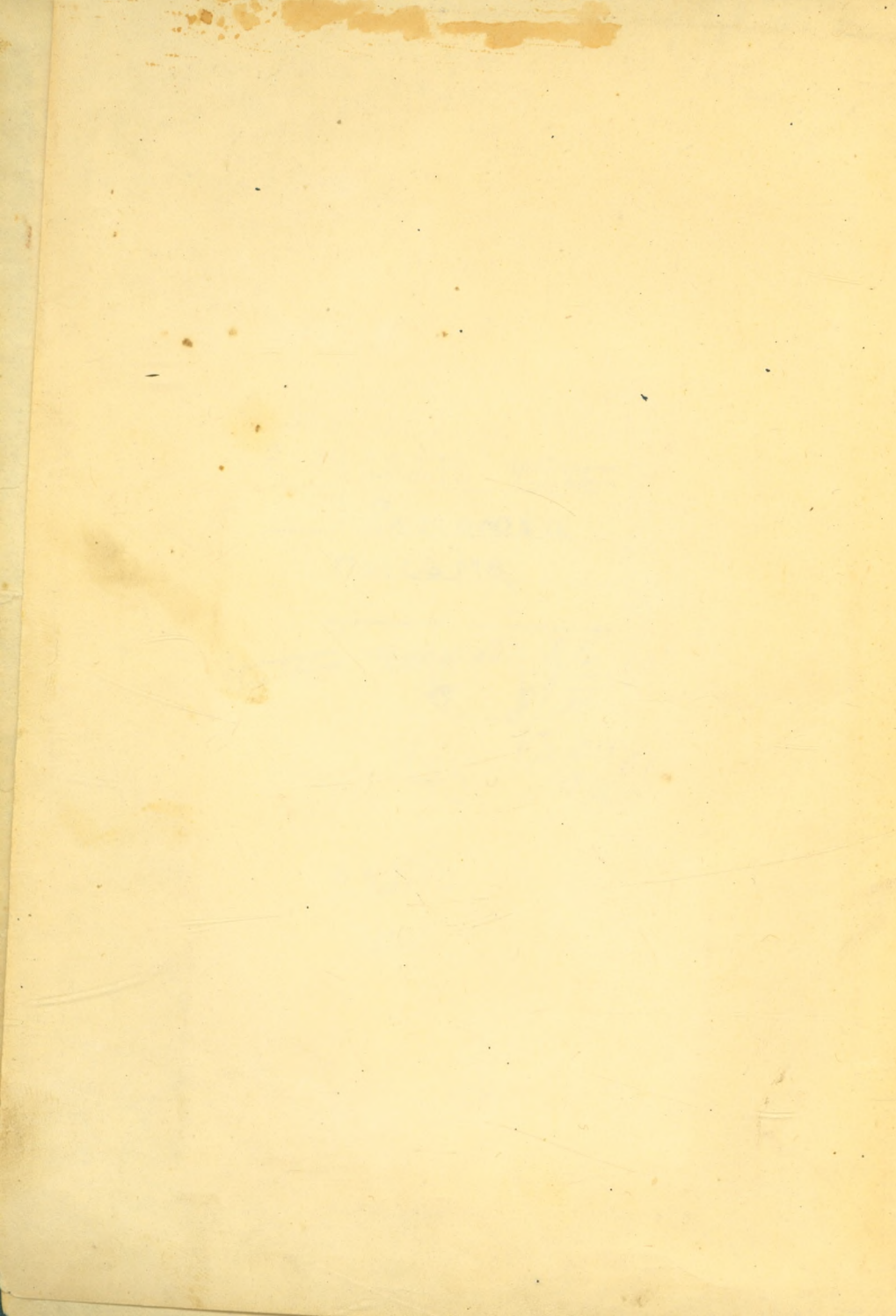
5.100001

19.02.72

22273

0/K

М. Н. Ермолова
С портрета художника В. А. Серова
1905

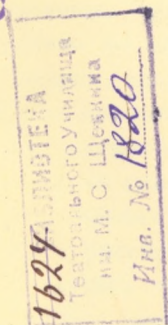
Всероссийское Театральное
Общество.

85.334.3

П35

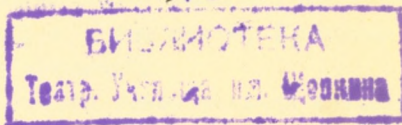
Письма

М. Н. ЕРМОЛОВОЙ

22273v

~~4546~~

Проверено

Москва—Ленинград

1939

Дружеское
1966
W
90

Вступительная статья и примечания
С. Н. ДУРЫЛИНА

1966
ДУРЫЛИНА

1966

1853-1928 г. т. т. т. т. т.

Имя выдающейся трагической артистки Марии Николаевны Ермоловой, оставившей глубочайший след в истории русского театра, пользуется в нашей стране огромной любовью и популярностью.

Еще в 1905 г., когда прекрасное дарование Ермоловой находилось в полном расцвете, А. И. Южин определил общественное значение ее творчества. „Много было, есть и будет отличных артистов на всех сценах мира,—писал Южин,—но только те артисты имеют право на общественное значение, которые, кроме таланта, носят в себе глубокую и неразрывную связь со своим народом, и, что бы они ни играли, их творчество должно глубоко корнями вращаться в родную почву. Только тогда их художественное значение имеет смысл и цель. Ермолова поняла это умом и сердцем, и вот почему Ермолова—знамя русского театра нашего времени“.

Память о силе художественного гения великой артистки бережно сохраняется и передается из поколения в поколение. 12 марта 1938 г. минуло десять лет со дня смерти Ермоловой, и театральная общественность Советского Союза широко отметила этот день устройством в лучших театрах страны торжественных заседаний, посвященных ее памяти.

Однако для глубокого изучения творчества Ермоловой пока сделано еще очень мало. Мы имеем лишь биографические очерки общего характера, ряд ценных воспоминаний современников, несколько статей, затерянных в различных сборниках и периодических изданиях.

Письма М. Н. Ермоловой к родным, друзьям и деятелям театра несомненно представляют большую биографическую, творческую и театрально-бытовую ценность. Публикуя наиболее значительную часть этих писем, собранных и комментированных С. Н. Дурылиным, Всероссийское театральное общество уверено в том, что эти письма помогут раскрыть новые черты как в личности, так и в творчестве великой артистки.

Всероссийское театральное общество

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ЕРМОЛОВА

I

„Мария Николаевна Ермолова — это целая эпоха для русского театра. Это — символ женственности, красоты, силы, пафоса, искренней простоты и скромности. Ее данные были исключительны. У нее была гениальная чуткость, вдохновенный темперамент, большая нервность, неисчерпаемые душевные глубины...

Внешние данные Марии Николаевны были не менее замечательны. У нее было превосходное лицо с вдохновенными глазами, сложение Венеры, глубокий, грудной, теплый голос, пластичность, гармоничность, ритмичность даже в метании и порывах, беспредельное обаяние и сценичность, благодаря которым самые ее недостатки обращались в достоинства... Ко всем этим достоинствам ей дана была от природы исключительная психологическая чуткость...

Как часто великая артистка заставляла зрителей спектакля, всех поголовно, держать платок у глаз и утирать лившиеся слезы. Чтобы судить о силе и заразительности ее воздействия, надо было постоять с ней на одних подмостках. Я удостоился этой радости, чести и блаженства, так как играл с ней в Нижнем-Новгороде роль Паратова в „Бесприданнице“, незабываемый спектакль, в котором, казалось мне, — я стал на минуту гениальным“.

В истории мирового театра трудно найти другую оценку актера, высказанную с таким же высоким преклонением перед его гением и вместе с тем сделанную с такою же полною достоверностью, как эта исключительная оценка Ермоловой.

Она принадлежит К. С. Станиславскому. В глазах этого неутомимого врага театральной лжи и страстного искателя прекрасной правды в искусстве, Ермолова была олицетворением всего истинного и прекрасного, что должно быть в искусстве актера.

Историк русского театра согласится со Станиславским: Ермолова—это не просто великое имя, это—целая эпоха в истории русского театра.

В те полвека (1870—1921), когда Ермолова была на сцене, в русском театре блистала целая плеяда славных артисток: Федотова, Стрепетова, Савина, О. Садовская, Лешковская, Коммиссаржевская. Какие имена, какие дарования!

Но в то время, как каждая из этих замечательных артисток вписала несколько прекрасных страниц в историю русского театра, Ермоловой принадлежит в ней целая книга. В Ермоловой было и благородное мастерство Федотовой, и нервный подъем Стрепетовой, и тонкое изящество Савиной, и мудрая правда О. Садовской, и умная ясность Лешковской, и искренний лиризм Коммиссаржевской—но в ней же было то, чего не было ни в ком другом за все столетие русского театра,—в ней была героическая сила трагической артистки.

То, что в современницах Ермоловой блистало отдельными вспышками цветных огней (изящество, ясность, лиризм и т. д.),—то все соединялось в прекрасный спектр ермоловского гения и великолепной радугой возносилось над унылой равниной русской действительности 1880—1890-х гг.

В свободном подъеме ввысь эта чудесная радуга ермоловского творчества была для лучших людей ее века символом победы над темными тучами жизни и истории, символом лучезарного порыва к освобождению, к бытию в свободе.

Убежав, шестьдесят восемь лет тому назад, на сцену Малого театра Эмилией Галотти, дрожащей от страха, оскорбленной девушкой, преследуемой высокопоставленным негодяем, никому неведомая шестнадцатилетняя „воспитанница Ермолова“ сразу же подчинила весь зрительный зал своему порыву, заставив его жить своими чувствами, трепетать своим отчаянием, протестовать своим протестом.

„Когда она выбежала из-за кулис на сцену и своим низким, грудным голосом, в котором чувствовались слезы, проговорила лишь первые слова: „Слава богу! Я дома! Я в безопасности!“—мурашки забегали у меня по спине. Я вся вздрогнула. Тут было что-то особенное. Сразу сказался громадный сценический темперамент... Талант! Сила!“

Вот один из отзвуков того впечатления, которое произвела юная Ермолова первым же своим появлением на сцене, мало того: первым звуком своего голоса.

Отзыв этот так свеж, так ярко своею непосредственностью, зрительница, его произнесшая, до такого потрясения отдалась под власть девочки Ермоловой, сделавшей буквально первый шаг на сцену, что всякий скажет: нет сомнений, что это отзыв какой-нибудь восторженной курсистки или студентки.

А между тем—это отзыв знаменитой артистки Н. М. Медведевой, участвовавшей в том же спектакле, в котором дебютировала Ермолова: опытная артистка была так же потрясена ее трагическим гением при первом же его явлении, как какой-нибудь юный зритель.

„В порывистом лихорадочном рассказе матери об оскорбительных преследованиях принца, Ермолова заставила нас забыть сцену“,—пишет тотчас же после спектакля проф. М. П. Щепкин, родственник великого актера.

Какие верные слова! „Забить сцену“. Это именно Ермолова заставляла делать всех в течение всего полувека своего вдохновенного служения театру.

Великий трагический гений этой артистки не знал себе равного в истории русского театра и вряд ли много знал равных в театре мировом. Когда приезжали в Россию Сальвини, Росси, Барнай, Поссарт и другие мировые артисты, мы покорялись им; равных им в России мы не видели. Но когда приезжали в Россию Режан, Тина ди Лоренцо, Сара Бернар, даже Дузэ, мы признавали их яркие дарования, их замечательное мастерство, но спокойно и гордо говорили: „Но у нас есть Ермолова“. Никто не мог равняться с нею по трагической силе, по несравненной мощи ее героического подъема, властно и безраздельно подчинявшего зрителя.

Трагический гений Ермоловой представляется могучим и чистейшим горным потоком, смывающим со своего пути тысячелетние валуны. В сравнении с ним даже дарование самой Дузэ казалось лишь глубоким, неумолкающим родником, изливающим свою скорбь под печальными кипарисами, а Сара

Бернар представлялась не более, как изящным фонтаном, мастерски играющим невысокою струею искусственного водоема.

Кого бы ни играла Ермолова — крестьянку Лауренсию, поднимающую односельчан против мучителя-феодала, или русскую провинциальную актрису Негину, Орлеанскую деву, героиню целого народа, или фру Альвинг („Привидения“), переживающую семейную драму, — Ермолова всегда вела наступление на зрителя и покоряла его. Она подчиняла его мысль своей мысли, она увлекала его волю в свой порыв, она делала его участником своей борьбы и победы.

„Вчера сыграли „Макбета“, — пишет Ермолова в одном письме. — Театр был полон. Сцена галлюцинаций сильно подействовала на публику, но я сама осталась ей недовольна. Я сама мало чувствовала тот ужас, который охватывал публику“.

А ужас этот был так велик, что зрители после того, как упал занавес, остались цепенеть в глубоком молчании.

Эта необычайная трагическая власть Ермоловой распространялась даже на актеров, игравших с ней.

„С нею чудесно и страшно было играть“, — говорила мне А. Ф. Грибунина, исполнявшая роль королевы Изабеллы в „Орлеанской деве“. — „Слушая потрясающие речи Ермоловой-Иоанны в 5 действии, когда она заточена в башне, я, по песне — ее тюремщица, ее врагиня, забывала свои реплики, и, обливаясь внутри себя слезами, внимала ее вдохновенным речам, и мне стоило величайших усилий совладать с собой, чтобы сколько-нибудь удержаться в образе злобной королевы-тюремщицы и не превратиться в пламенную сторонницу Орлеанской девы“.

Это далеко не предел трагической мощи и власти Ермоловой.

Ее героический пафос был так велик, так заразителен, так призывает, что Ермолову недаром называли трибуном свободы, объединяющим сердца и умы в общем освободительном устремлении.

Во время спектакля „Овечий источник“ Лопе де Вега (1876), где молодая Ермолова играла Лауренсию, призывавшую крестьян к восстанию, „по всей зрительной зале, — как вспоминает очевидец, — побегал электрический ток, сообщилось сильнейшее возбуждение, зритель, дрожавший как в лихорадке, кажется, готов был сорваться с места и побежать за этой девушкой-героиней и отомстить за поруганную свободу“.

После окончания этого спектакля молодежь расходилась из театра с вольными песнями, как с революционного собрания. Предупреждая демонстрации, полиция потребовала, чтобы Ермолова выходила после спектаклей не через артистический подъезд, где ее поджидала возбужденная молодежь, а всякий раз через другую дверь, с театральных задворков.

Один из этих студентов, испытавших на себе всю силу ермоловского гения, вспоминает: „После бурного триумфа в „Овечьем источнике“ Мария Николаевна становится кумиром молодежи, и революционная молодежь встречает в ней смелого сценического выразителя своих мечтаний и товарища, глубоко отзывчивого к ее нуждам“.

Этот студент—теперь народный артист СССР Вл. И. Немирович-Данченко, навсегда ставший одним из горячих почитателей гения Ермоловой.

Переводчик трагедии „Овечий источник“, старик С. А. Юрьев, писал Ермоловой: „Видно было, что вы на самом деле были проникнуты чувством, которое терзало душу Лауренсии и подняло ее до той ноты стихийной силы, против которой не могут устоять народные массы, и которая в силах одушевить и каменную душу. Это чувство передалось и нам, зрителям, оно было так сильно, что, кажется, готово было задушить нас“.

Чувство, пережитое Юрьевым, знакомо всем, видевшим Ермолову в героических ролях.

Она звала к освободительному подвигу, она слагала призывную песнь освобождения, — а ее зрители могли лишь повторить с поэтом:

К мечу рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.

Как „Овечий источник“ в исполнении Ермоловой превратился в призыв к народному восстанию, так драма Гудкова „Уриэль Акоста“, поставленная впервые на русской сцене в ее бенефис в 1879 г., превратилась у Ермоловой в страстную защиту свободы мысли и слова.

Через десятки лет помнился негодующий и властный крик Ермоловой-Юдифи, обращенный к раввину Сантосу, проклинающему мыслителя Акосту за его свободомыслие:

Лжешь, раввин!

Так же помнился пламенный вопль Юдифи вслед Акосте, идущему, под влиянием любви к матери и невесте, принести отречение от своих вольных идей:

Остановись... Акоста, воротись!

Я вспоминаю одного московского профессора, на которого в годы реакции сыпалось от начальства немало гонений за „вольномыслие“. Вспоминая эти годы, он говорил:

„—Бывало, читаешь какое-нибудь мнимо-философское „плетение словес“ в пользу „непознаваемости“ природы или в утверждение мнимого „бессилия“ науки,—и вдруг слышишь этот резкий, негодующий голос—голос Ермоловой—„Лжешь, раввин!“—и с отвращением отбросишь в сторону лживую книжку или лицемерную статью“.

Старый профессор добавлял:

„—Кто из нашего поколения, толкаемого реакцией вправо, не слышал этого властного, благородного окрика-призыва:

Остановись... Акоста, воротись!

Я, по крайней мере, постоянно слышал этот призыв и глубоко признателен той, от которой он исходил—М. Н. Ермоловой“.

Имя этого профессора—академик П. Н. Сакулин. Говоря так, Сакулин говорил это от лица целого поколения, которому Ермолова помогала освободиться от мыслительной лжи и умственного лицемерия.

Великий освободительный пафос преисполнял „Орлеанскую деву“—роль, в которой Ермолова не знала соперниц в мировом театре.

Внутренность средневековой, мрачной башни. Иоанна д'Арк, Орлеанская воительница-дева, прикована к стене. Она в плену у врагов. Там, за мшистыми стенами, кипит сражение. Там решается судьба родины: быть ли ей свободной или стонать под железной пятой чужестранцев-завоевателей и собственных изменников и предателей. Отторгнутая пленом от защитников родины, Иоанна зовет к ним из вражьего стана:

Вперед, мои бесстрашные, вперед!
Иоанна близко.

Иоанна изнывает в безысходной тоске: ее сердце истекает кровью. Она уже слышит ликующие крики врагов. Она бессильна поднять свое знамя и повести, как бывало, народные полки к победе. На ее руках предательские цепи.

Еще миг—и все будет кончено: родина падет, пораженная в сердце. Уже доносится злое ликование врага.

В неудержимом порыве Иоанна устремляется на помощь защитникам родины. В ее глазах—огонь любви к родине и пламя ненависти к ее врагам. Она вся—воля к победе. Для этой воли нет преград. Мгновение—и разорваны цепи, и она ринулась в бой.

С Иоанной пришла победа. С Иоанной пришла свобода.

Иоанна умирает под родными знаменами, венчающими от лица народа ее подвиг, ее бессмертную славу.

Я не знаю лучшего образа для великого трагического искусства Ермоловой, чем этот образ торжествующей героини народного освобождения.

Каждый из тех тысяч зрителей, которые смотрели „Орлеанскую деву“ Шиллера с Ермоловой в роли Иоанны, отлично знали, что чудес не бывает, что самые сильные девушки не могут разрывать железных цепей, что Иоанна д'Арк умерла не под знаменами победы на поле славы, а погибла на костре, преданная королем, сожженная, как колдунья. Но—такова сила гения. Эту скупую и сухую правду историков Ермолова заменила иной, высшей правдой искусства—и ей верили безраздельно.

В освободительный подвиг Иоанны Ермолова вкладывала такую глубину чувства, такую правду душевной чистоты, такую горячую любовь к страдающему народу, такой великий гнев к его поработителям, что не казалось чудом, а являлось простой неизбежностью, что эта героическая воля победоносно торжествует над всем злом и всей неправдой исторической действительности.

Искусство Ермоловой было апофеозом героической воли. Она знала это и видела в этом—в утверждении трагического героизма—верховную задачу своего служения искусству. Когда Ермоловой во время представления „Орлеанской девы“ поднесли однажды то, чего не подносили никогда ни одной актрисе, поднесли меч, как символ ее искусства, она писала поднесшему: „Я очень тронута вашим подарком и горжусь им. Только верному рыцарю искусства могла прийти в голову эта идея. Мне, современной жрице его, не под силу этот меч великих героев, но идею с восторгом принимаю“.

Ермолова—это героическая симфония русского театра.

С первой роли, исполненной Ермоловой, с „Эмилии Галотти“ (1870), с „Овечьего источника“ Лопе де Вега (1876),—

до „Орлеанской девы“ (1884), до „Марии Стюарт“ (1886), до „Измены“ (1903), до „Ричарда III“, игранного в советское время, звуки ермоловской героической симфонии—как звуки Бетховена, любимого композитора Ермоловой—потрясали сердца, возносили умы, устремляли волю нескольких поколений—к борьбе за новую жизнь.

Твоим огнем душа палама.

Этим стихом Пушкина, любимого поэта Ермоловой, каждый из ее зрителей мог бы передать то незабываемое воздействие, которое испытывал от ее героического пламени в „Орлеанской деве“, в „Звезде Севильи“, „Сафо“, „Равенском бойце“, „Эгмонте“.

В этом пламени была великая сила света и тепла, но не было ни шума, ни треска, ни неприятного запаха серы,—ничего из того, что бывает при трескучих мимолетных фейерверках пышной риторики и напыщенной декламации, выдающих себя за трагический пафос.

Ермолова всегда играла так, как требовал Шиллер от писателя: „Чтобы словам было тесно, а мысли просторно“. Сквозь „тесноту слов“, сквозь удивительную емкость речи и лаконичность игры, Ермолова давала великий простор могучим мыслям, необъятную свободу чувствам, захватывавшим зрителя своей правдой, глубиной и красотой.

В 1903 г. Ермолова с громадным успехом играла роль Зейнаб в трагедии А. И. Сумбатова „Измена“. Одной из самых потрясающих сцен была встреча этой бывшей царицы, ставшей наложницей завоевателя Грузии Солеймана, со стариком крестьянином Ананием Глаха (А. П. Ленский). Старик спас ее малютку сына, воспитал его вместе со своим сыном и вот теперь, через двадцать лет, привел к Зейнаб обоих юношей. Ей надо узнать, который из них ее сын, наследник ее дела—отмщения поработителям родины.

Не сводя горящих глаз именно с него, Ермолова протяжно, еле слышно, спрашивает: „Который?“

Но она уже узнала его, хотя не видела его двадцать лет.

В ее вопросе звучит и радость матери, нашедшей сына, и упование женщины, благословляющей в нем мстителя за ее поруганную честь, и надежда дочери своего народа, видящей в нем будущего предводителя восстания против угнетателей страны, и, наконец, мучительный страх за то, окажется ли

он достойным великих дел, вверяемых ему матерью, народом, родиной.

Всю эту бездну чувств, мыслей, надежд, ощущений, борений, радости и тревог Ермолова вмещала в одно слово: „Который?“ — и вмещала так, что зал был скован тем глубоким потрясением, вызвать которое в зрителях есть удел немногих великих художников.

Успех Ермоловой в „Измене“ был так велик, что дошел до Сары Бернар. Ознакомившись с трагедией Сумбатова, знаменитая артистка пожелала сыграть роль Зейнаб. В беседе с автором, осыпая комплиментами его пьесу, Сара Бернар заявила, что одного слова „Который?“ недостаточно для передачи тех сложных чувств, которые волнуют в это время Зейнаб, что здесь необходим большой монолог, так как простой вопрос, выраженный в одном слове, не дает материала для игры.

„Может быть и не дает, — любезно согласился вежливый автор „Измены“, — но Ермоловой, создавшей эту роль в Москве, этого одного слова было достаточно“, — и наотрез отказался дополнить пьесу.

Этот эпизод замечателен.

Он обнаруживает меру трагического гения Ермоловой, ее великую силу и покоряющую простоту.

Героическая сила Ермоловой была так могуча, а глубина, искренность и полнота ее переживаний так бездонны, что ей достаточно было одного слова, чтобы этим словом „ударить по сердцам с неведомой силой“, — с силой, оказавшейся вполне „неведомой“ и явно недоступной даже такой артистке, как Сара Бернар.

Недоступно оказалось ей и другое свойство Ермоловой — ее великая простота.

Правда и простота — вот то основное, что внесла Ермолова в искусство трагедии.

Внимательный летописец первых выступлений Ермоловой, М. П. Щепкин отметил, как драгоценное ее свойство, — „простоту внешнего выражения самых напряженных чувств“.

Разбирая третью роль, сыгранную Ермоловой, трудную роль Марфы в драме Л. Мея „Царская невеста“, он свидетельствовал:

„Ни одного лишнего актерского приема, ни одной фальшивой ноты и декламации в тоне голоса, все верно, просто до последнего звука... Наши артистки до того приучили нас

к театральности, что простота и непринужденность Ермоловой, отсутствие всякого наивничанья и задушевность ее интонаций представляется нам дорогим сокровищем“.

Героический пафос—и „простота внешнего выражения“, трагический подъем—и „простота до последнего звука“—это ли не „лед и пламень“, „вода и камень“, не терпящие никакого соединения? Так учила история театра, так учила практика актерского мастерства. Героический пафос Мунэ-Сюлли и трагический подъем Эрнесто Росси не соединялись и казались несоединимыми с этой простотой.

Ермолова соединила этот „лед“ и „пламень“.

Защищая искусство Шиллера против упреков в том, что оно „приподнято“, Ермолова писала в одном письме:

„Да, оно приподнято от земли, но не на ходулях, а на крыльях поэзии“.

Эти слова применимы к искусству самой Ермоловой. Ничто не было так ненавистно ей, как всякие „ходули“ в искусстве—ложь декламации, фальшь трескучих фраз, наигрыш мнимого пафоса—и ничто так не было свойственно ей, как „крылья поэзии“. На этих могучих и простых крыльях Шекспира, Лопе де Вега, Гёте, Шиллера поднимала великая артистка чувства, мысли и волю зрителя.

Величественная простота Ермоловой—есть та мудрая простота прекрасной правды, которую следует назвать пушкинской простотой.

Как Пушкин мудрую простоту своих маленьких трагедий, бездонных по глубине содержания и непревзойденных по поэтической силе, противопоставлял ложно-декламационным, обросшим словами, трагедиям Озерова, Кукольника и других и навсегда лишил их права на существование, так Ермолова мудрой простотой своей Иоанны, Марии Стюарт, Сафо навсегда лишила права на существование лже-трагическую приподнятость Каратыгина и пластико-декламационную декоративность позднейших трагиков.

Сила трагедии, как и вообще сила театра—в искренности чувств и в покоряющей истине действия.

Красота трагедии—в ее высокой правде и благородной простоте.

Таково было заветное убеждение Ермоловой. Таково было ее воззрение, которое раскрывалось в ее искусстве. С высоты этого воззрения Ермолова с гневом отвергала все формально-эстетическое, все условно-декоративное, все неправдивое и

фальшивое, что внесено было в русский театр в предреволюционные годы.

„Дорогое, милое искусство, что с ним теперь?“ — с отчаянием спрашивала Ермолова другую замечательную артистку Г. Н. Федотову в 1907 г. — „Все навыворот: порнография, безумие — вот литература и театр нашего времени. Я со страхом думаю, что надо опять итти на сцену. Зачем? Что делать? То, что бы я хотела, нет сил, а то, что хочет мода, я не хочу!“

Другого актера в те же хмурые предреволюционные годы Ермолова горячо приветствует за то, что в нем жив художник, „поклоняющийся свету, свету, свету, а не тьме, черной тучей покрывающей в настоящее время и искусство и жизнь. Ломание, шарлатанство, оплевывание идеалов, которым мы молились. — Страшно, страшно теперь жить!“ — отшатывается великая артистка от упадочного искусства, растерявшего правду и красоту.

В том же году она пишет Е. К. Лешковской, приветствуя ее по случаю 25-летия ее деятельности:

„На моих глазах вырос ваш чудный талант; без шума, без крика, спокойно и серьезно шли вы вашей дорогой; никогда ни малейшего эффекта и рисовки, одна правда, искренность и глубина чувства — это состав вашего чистого, как хрусталь, таланта“.

С еще большим правом эти слова могут служить характеристикой самой Ермоловой.

Мудрая простота в героическом, простота в трагедии, позволяла Ермоловой видеть героическое в простом, будничном, повседневном.

В поздние годы своего творчества Ермолова создала ряд женских образов, овеянных тонкою дымкой печали, — женщин, для которых их жизненная дорога оказалась узким и грязным тупиком без выхода. Какой выход у несчастной фру Альвинг („Привидения“ Ибсена), у которой отнята ее любовь, поругана ее молодость и обречен на гибель ее сын? Но в простых скупых тонах изображая трагедию женщины в буржуазном обществе, с суровым лаконизмом передавая чувства и внутренние движения своей героини, Ермолова тем ярче, тем шире раскрывала весь внутренний героизм этой женщины, ценою великих страданий приобретшей право на свободную мысль, на нелицемерный суд над жизнью и обществом.

В этих ролях последних десятилетий (к ним принадлежат

Беата в „Да здравствует жизнь“ Зудермана, Элла Рентгейм в „Джоне Габриэле Боркмане“ Ибсена, Вера Филипповна в „Сердце не камень“ и Кручинина в „Без вины виноватые“ Островского, графиня де Круси в „Израиле“ А. Бернштейна и др.) Ермолова—по прекрасному выражению Вл. И. Немировича-Данченко — „касалась самых скрытых струн женского сердца“,—усталого женского сердца, измученного жизнью, горько обиженного в своем благородном биении.

Ермолова находила самый короткий путь к этому женскому сердцу, — он же был и самый простой, и самый верный. Она заставляла зрителя общаться с этими женщинами так, как общаются со старыми, старыми друзьями. Для такого общения не нужно слов, а достаточно грустной шутки, редкой улыбки, внимательного взгляда, а то и просто—понимающего молчания.

Ермолова осуществила старый, но, увы, так редко осуществляемый принцип: „Высшее искусство состоит в том, чтобы не было никакого искусства“.

Таково было мудрое искусство Ермоловой.

„Ермолова, — сказал Станиславский, — это символ женственности, красоты, силы, пафоса, искренней простоты и скромности“.

В истории русского театра нет другого художника, которому удалось бы осуществить этот синтез. Это удалось только Ермоловой.

Когда в 1870 г. на подмостках Малого театра явилась впервые Ермолова, казалось, в ней воскрес великий Мочалов с его пламенным темпераментом, с его бурным вдохновением, с его потрясающим подъемом.

Ермолова так же безраздельно властвовала над сердцами нескольких поколений, как властвовал когда-то этот „безумный друг Шекспира“ над поколением Белинского и Герцена.

Но когда Ермоловой (в ее уборной в театре всегда висел большой портрет Мочалова) говорили с восторгом, что она—дочь Мочалова, что она его единственная преемница, она, отмахиваясь по своей скромности от этого родства с великим трагиком, возражала:

—Какая я дочь Павлу Степановичу! Уж если хотите найти мое родство с ним, пусть я буду его падчерицей, но тогда нужно непременно добавить: Ермолова—внучатная племянница Михаила Семеновича Щепкина и живет в „Доме Щепкина“.¹

¹ Эти слова я услышал от М. Н. Ермоловой в октябре 1914 г., на вечере бельгийской поэзии в Политехническом музее.

В этой шутке есть большая правда. Да, Ермолова была преемницей славного Мочалова, но она же была наследницей великого Щепкина. Как строгий и взыскательный художник, из года в год, упорно и незаметно, работая над собою, Ермолова от роли к роли обогащала свое мастерство, изо дня в день выковывая в тишине и тайне все новые и новые оружия своего великолепного искусства.

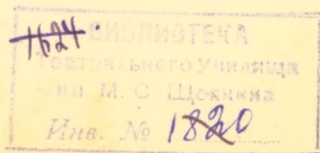
А. И. Герцен когда-то сказал, что Мочалов „был человек порыва, не приведенного в покорность и строй вдохновения“. Ермолова была человеком вдохновения, приведенного искусством в покорность и мастерством—в стройность. В этом она была наследницей и ученицей Щепкина. „Работая с Ермоловой в течение 40 лет,—говорил А. И. Южин,—я не могу иначе назвать ее работу, как работой подвижницы“.

Искусство Ермоловой—это вдохновенный труд, превратившийся в прекрасный подвиг целой жизни,—непрестанный и сознательный труд.

Обращаясь в одном из неизданных писем к молодым зрителям, которые были потрясены созданным ею образом „Орлеанской девы“, Ермолова писала: „Мне хочется написать вам несколько слов, которые бы остались на память обо мне. Куда бы ни бросила вас жизнь, в какие бы тиски она вас ни жала, как бы ни были впоследствии разнородны ваши души и стремления,—не покидайте веры в идеал. Веруйте в прекрасное, и будете верить в добро и правду. Если пламень, который горит теперь в ваших молодых душах, погаснет совсем, вы погибнете, помните это. Вы засушите себя и будете несчастны. Пусть от этого пламени останется хоть искорка, но пусть она горит неугасимо до конца ваших дней. Люди уйдут, заменятся новыми, но прекрасное вечно, и что бы ни говорили моралисты, не верьте—без него жизнь есть только скучный, а следовательно, и бесполезный труд“.

Свое служение „прекрасному“ Ермолова, как никто, умела неразрывно сочетать со служением добру, правде и свободе. В 1907 г., когда, по случаю вынужденного ухода Ермоловой с казенной сцены, общественные организации Москвы дали ей торжественный банкет, Вл. И. Немирович-Данченко говорил Ермоловой от лица нескольких поколений русского театра и общества:

„Когда мы вспоминаем ваши сценические создания, сотканые из тончайших страданий, мы называем вас певцом женского подвига. Этим песням нельзя научиться, но звуки

их остаются в душе. Когда мы вспоминаем другие ваши образы, палящие огнем, проникнутые безграничной любовью к свободе и ненавистью к гнету, нам хочется крикнуть историкам наши требования, чтобы в их книгах, рядом с портретами борцов за свободу, портрет Ермоловой находился на одном из почетных мест“.

Когда в 1920 г., в день пятидесятилетия служения Ермоловой, ей первой из советских актеров было присвоено звание народной артистки республики, не было сомнения, что великая артистка, чье искусство было пламенным, неумолчным призывом к свободе, больше всех имеет на него право.

Принимая звание народной артистки, Ермолова просто сказала, что она „всю душу отдала народу и всей душой принадлежит народу“.

В этих простых словах—лучшая оценка Ермоловой.

Актеры! Взгляните, как время молодо,
Пылают знамена, и нет им числа,
Да где ж она, новая наша Ермолова,
Которая вышла и всех потрясла?

Так взывает старый актер в пьесе Гусева „Слава“.

Почему неизменно и горячо рукоплещут этим словам не в одном Малом театре, где играла Ермолова, но всюду, во всех театрах СССР, где только произносятся эти слова?

Потому что имя Ермоловой дорого и близко нашему народному зрителю, как имя великой народной артистки: героическое искусство Ермоловой с несравненной силой и правдой выразило героический порыв русского народа к свободе.

II

„Ермолова—самый замечательный тип русской актрисы и женщины“,— писал по поводу смерти Ермоловой Вл. И. Немирович-Данченко. „Весь ее внутренний облик глубоко отличает ее от западных актрис... Если относительно Сары Бернар трудно сказать, чего в ней было больше—громдного сценического таланта или мастера собственной славы, то Ермолова, напротив, отмечена совершенно необыкновенной скромностью. С чисто театральными властями она держалась как обыкновенная и рядовая актриса. В театре ее чрезвычайно любили и относились к ней с огромной нежностью, но никто никогда не мог заметить по ее обращению, что он разгова-

ривает с великой русской актрисой. Она сохраняла свою поразительную скромность во встречах с самыми незначительными или, наоборот, очень знаменитыми людьми. Она никогда, до самой своей смерти, не ценила себя так, как она этого заслуживала“.

„При личном знакомстве с Марией Николаевной, — вспоминает К. С. Станиславский, — она удивляла непониманием своего величия. Она была до болезненности конфузлива, застенчива и скромна“.

После того как Ермолова с покоряющей силой и правдой сыграла необъятный репертуар мировой трагедии, включавший в себя шестнадцать ролей Шекспира, пять — Шиллера, четыре — Лопе де Вега и целую вереницу ролей в трагедиях и драмах Кальдерона, Расина, Лессинга, Гёте, Гюго, Гудкова, Грильпарцера, Ибсена, Теннисона, Бьернсона, Пушкина, А. Толстого, Островского (двадцать пять ролей), Тургенева, Писемского и др., — после того как великая артистка совершила этот художественный подвиг, не имеющий себе подобных в биографиях других знаменитых артисток, Ермолова с полнейшей искренностью уверяла своего биографа Н. Е. Эфроса, что у нее есть единственная заслуга перед русским театром — „Орлеанская дева“: „Сама не знаю почему, может, это и неверно, но исполнение этой роли считаю заслугой, повторяю, единственной“.

Однажды молодой А. А. Остужев (теперь народный артист СССР), участвуя в одном спектакле с Ермоловой, был так потрясен ее игрой, что бросился после спектакля в ее уборную и там, упав на колени, умолял великую артистку открыть ему, в чем тайна ее искусства, в чем секрет ее покоряющего мастерства. Ермолова с величайшим смущением отвечала ему:

— Да что ты, Саша! Да как ты вздумал? Да я ничего не знаю, ничего не умею. Как могу я учить? Да мне и сказать нечего! Я сама только учусь играть. Я ничего не знаю.

На лице Ермоловой выступила краска стыда.¹

Отличаясь необычайной скромностью, М. Н. Ермолова сделала все от нее зависящее, чтобы остаться перед лицом потомства только с одним трудом ее жизни, с ее великим искусством, — и без всякого автобиографического или биографического комментария к нему.

¹ Записано со слов А. А. Остужева.

Все, что Ермолова оставила по себе, — это созданные ею великие образы, около трехсот ролей, сыгранных ею за полвека.

Это безмерно много — и обидно мало: много для тех, кто имел счастье видеть и слышать Ермолову на сцене, мало для тех, кто Ермоловой не видел.

Ермолова не только не любила писать, но и говорить о себе. Она никогда и ничего не говорила для печати: вот почему при ее жизни не появлялось никаких ее высказываний о своем творчестве.

Все пять работ о Ермоловой ее первого биографа Н. Е. Эфроса написаны только на основании его личных наблюдений, и лишь в двух-трех местах этот летописец Ермоловой может сослаться на ее подлинные слова. Это значит, что и воспоминания об Ермоловой не дают и не дадут ее высказываний о себе, раскрывающих жизненные и творческие „труды и дни“ великой артистки.

Уже в советское время, когда Н. Е. Эфрос готовил два свои очерка об Ермоловой к ее полувековому юбилею, она, на его просьбы о новом материале, отвечала ему: „Все сожжено, что имело хоть какой-нибудь интерес. В дневнике остались только школьные глупости, которых никому не покажу, осталось 2—3 письма совершенно ничтожные“. Вот и весь „архив Ермоловой“. Мария Николаевна заключает письмо: „Остаюсь при своем твердом убеждении, что этого ничего не нужно, не интересно и для меня нежелательно“.

Письма Ермоловой — есть единственный вне-сценический след ее, оставшийся от ее жизни и творчества.

Но и на письма Ермолова была исключительно скупа.

Ее письма — никогда не превращаются в изящные произведения эпистолярной словесности, как это бывает у Савиной (см. ее письма к Тургеневу и Кони), или во вдумчивые размышления о сущности театрального искусства, как это было с письмами Щепкина. Письма Ермоловой — за единственным исключением писем к Л. В. Средину — не складываются и в целостную переписку с определенным лицом, тянущуюся в течение многих лет.

Письма Ермоловой — это прямое, непосредственное отражение ее трудов и дней, — отражение, исполненное предельной правдивости. Оно чуждо каких-либо забот о форме. Ермолова не пишет письма — ее письма пишутся: пишутся под живым биением сердца, под давлением прямой сердечной нужды или

горькой житейской необходимости. Повторяем: это — моментальные снимки ее трудов и дней, оставленные без всякой ретушировки.

В этом величайшая ценность писем Ермоловой, как документов для ее биографии и для истории театра ее времени.

Вот перед нами целая вереница записок Ермоловой, адресованных главному режиссеру Малого театра — С. А. Черневскому и его преемнику А. М. Кондратьеву. Все они написаны под диктовку прямой необходимости: артистка больна, — не может явиться на репетицию; артистка переутомлена работой, — просит внести изменения в текущий репертуар; артистка отказывается от роли, считая ее фальшивой или слабой самую пьесу, и т. д., и т. д. Все это — прямой отклик на факты, иногда на мелочи театральной жизни Малого театра. Но стоит только внимательно прочесть эти записки в их биографической последовательности, как перед читателем встанет глубоко волнующая картина борьбы великой артистки с тупым бюрократизмом казенного театра, с пошлой формалистикой его руководителей, с бездушием чиновников рампы. Из этих записок вырисовывается тот темный жизненный фон, на котором Ермолова совершала светлый подвиг своего искусства. Великая артистка перегружена работой над ничтожными пьесами бездарных авторов, покровительствуемых дирекцией. Дирекция не считается со здоровьем Ермоловой и не бережет ее сил: видя в ней главную приманку зрителя, ее заставляют играть почти через день (в сезон 1891—1892 гг. Ермолова сыграла 80 спектаклей из общего числа 191), выступая в ролях, требующих величайшего напряжения сил, как Иоанна д'Арк, Сафо, Федра, Мария Стюарт (в этот сезон Ермолова выступала в четырех пьесах Шекспира, двух — Шиллера, двух — Островского и по одной пьесе Расина, Гюго, Грильпарцера, Ибсена). Ермолова горячо отстаивает свое право относиться с глубоким уважением к созданиям мировой поэзии, добиваясь таких условий сценической работы, при которых было бы возможно действительно художественное воплощение образов Шекспира и Шиллера. Ей приходилось доказывать режиссеру Черневскому, что ей „не под силу играть три дня подряд, тем более, когда третьим спектаклем идет „Мария Стюарт“. Ермоловой, получившей недельный репертуар, где она оказывалась занята почти каждый день, приходилось отстаивать перед режиссером право на достойное исполнение ее любимой

роли: „Ведь я ног не потащу... Пощадите... После что хотите, только дайте сыграть „Орлеанскую деву“.

Вышла ли Ермолова победительницей из этих непрерывных стычек с чиновниками рампы?

Нет!

Она бесплодно растратила много сил на игру в пьесах, ничтожество которых ей было очевидно. Любимые ею создания мировой драматургии она могла проводить в репертуар Малого театра только через свои бенефисы и бенефисы близких ей по духу актеров-товарищей, а основной репертуар театра, устанавливаемый самой дирекцией, как правило, беспощадно отвлекал великую Ермолову от ее подлинного призвания трагической артистки.

Оглядываясь на свою работу в течение 28 лет, Ермолова определила ее в письме к управляющему московской конторой императорских театров Пчельникову, как — „каторжный труд, который она несла в продолжение 28 лет“.

От этого „каторжного труда“ Ермолова не освободилась и тогда, когда во главе управления Малым театром стал А. И. Южин-Сумбатов.

Вот один факт, не нуждающийся ни в каких пояснениях.

В ноябре 1911 г. Ермолова, которой было тогда 58 лет, репетировала одну из самых больших своих ролей последнего периода — герцогиню де Круси в драме А. Бернштейна „Израиль“ (преьера — 17 ноября). После генеральной репетиции, бывшей 15 ноября, А. И. Южин получил следующую телеграмму:

„Князь! Вы только на словах жалеете Марию Николаевну, а на деле довели ее до переутомления. Благодаря вашей слабости, нет дублера у Александра Алексеевича (Остужев. С. Д.) и ей пришлось репетировать лишних целую неделю. А знаете ли вы, как на нее должно подействовать морально то, что она забыла роль? Вообще очень мало бережете ее. К чему ей такое несметное число репетиций — две генеральные, хотя одна и без грима? Играть три раза в неделю с генеральной ей не под силу. Вы сами должны быть более чутким. А побережь ее нужно, ведь это — громадная и единственная величина в настоящее время“.

Подписано: „Присутствовавшие на генеральной репетиции“.¹

¹ Телеграмма от 15 ноября 1911, поданная в 6 час. 40 мин. веч. из 64 почтового отделения на Тверской.

Эта печатаемая впервые телеграмма—беспримерный документ в истории русского театра. Он неопровержимо свидетельствует, что „каторжный труд“ Ермолова продолжала нести вплоть до революции.

Этот каторжный труд раньше времени подорвал силы Ермоловой и непоправимо расстроил ее здоровье.

Величайшая артистка не только Малого театра и не только русского театра, но всего мирового театра конца XIX и начала XX столетия, Ермолова, как это впервые с полной ясностью обнаруживается из печатаемых ее писем, несколько раз вынуждена была делать решительные шаги к уходу из Малого театра под давлением не только глубокого утомления и упадка сил, вызванного „каторжным трудом“, но, главным образом, под давлением отвратительного отношения со стороны дирекции к ней, славе и гордости русского театра.

В 1898 г. Ермолова сама ставит вопрос о переходе из Малого театра в Художественный, куда ее зовет Вл. И. Немирович-Данченко. В 1900 г. ее „отпуск по болезни“ явился как бы прологом к ее уходу из театра. В 1901 г. Ермолова в письме к актеру Лаврову выражает зависть по поводу его ухода из театра. В 1907 г. наступает как бы первый акт ухода Ермоловой: она на целый год покидает Малый театр, и на этот раз ее „отпуск“, верно разгаданный общественностью, как вынужденный уход с казенной сцены, вызывает целую общественную демонстрацию сочувствия великой артистке, задыхающейся в удушливой атмосфере казенного театра.

Наконец, в 1916 г.—в последнюю осень существования казенного Малого театра,—Ермолова, „волнуясь, с громадной искренностью“, говорила Н. Е. Эфросу: „Охотно совсем ушла бы из театра. Но не позволяют. А у меня нет воли отстоять свое решение против противящихся ему. В меня много вложил бог, но не дал воли. И оттого я ничего не сделала для театра, была только актрисой. Если бы умела бороться, отстаивать свои идеи и взгляды на театр, может быть, и сделала бы что-нибудь для Малого театра, не дала бы ему, хотя отчасти, дойти до того, до чего он дошел“.

Из писем Ермоловой, обращенных к Пчельникову, Черневскому, Кондратьеву, Южину и др., слагается обвинительный акт казенному театру,—тем более беспощадный, чем менее, по самому своему характеру, Ермолова хочет кого бы то ни было обвинять. В ее письмах обвиняют самые неумолимые обвинители—обвиняют факты.

С горькой правдой изображая те тяжелые условия, в которых проходила творческая работа Ермоловой, ее письма вместе с тем являются единственным источником, по которому мы можем ознакомиться, хотя бы в кратких чертах, с самим процессом творчества Ермоловой, с ее отношением к работе актера. То, что открывает Ермолова в письмах к Л. В. Средину о своей работе над „Макбетом“ и „Идиотом“, о своем отношении к Шиллеру и его „Орлеанской деве“, то, что она пишет о своем творческом труде К. П. Щепкиной, А. И. Южину, Г. Н. Федотовой и немногим другим, — приподнимает перед нами ту сплошную завесу, которой Ермолова пыталась отделить от зрителя лабораторию своего творчества.

В этом отношении особенно драгоценны письма Ермоловой Л. В. Средину.

Письма эти обнимают короткий период времени (1898—1909 гг.), но они открывают Ермолову во всем богатстве ее натуры, во всей сложности и полноте самобытности ее интересов жизненных, театральных, художественных, литературных, они вводят чуткого читателя в утаенный от всех мир ее подлинных чувств и заветных мыслей. Эти письма не только единственный по значению источник для творческой биографии Ермоловой и ценнейший документ для истории театра, это — человеческий документ в тесном, подлинном и высоком значении этого слова.

Таковыми документами высокой человечности является и целый ряд замечательных писем Ермоловой к ее товарищам по театру.

На основании писем Ермоловой к Музилю (1891 г.), Кондратьеву, Федотовой (1906—1916 гг.), Южину (письма 1910—1920-х гг.), можно бы написать, — и, наверное, когда-нибудь напишут, — целый очерк на тему о том, как актеру должно строить свои отношения с товарищами по театру.

Если прочесть письма Ермоловой к Федотовой, не зная, кто к кому пишет, можно подумать, что это начинающая артистка, сознающая всю ограниченность своих артистических средств и всю слабость характера, пишет великой артистке, законодательнице театра: столько в этих письмах уважения к старшему товарищу по сцене, столько благоговения к его таланту, столько почтения к его жизненным достоинствам. А между тем эти письма писаны Ермоловой в эпоху, когда первенство ее гения над всем русским актерством было общепризнано. В замечательном письме к Музилю Ермолова

дает образец нравственной требовательности к себе и дружеского внимания и сердечности к товарищу. Два письма Ермоловой к режиссеру Кондратьеву: одно — о шубе для суфлера Яковлева — и другое, написанное в защиту сторожа, уволенного начальством за оплошность при передаче билетов на бенефис Ермоловой, могут служить примером того исключительного товарищеского отношения великой артистки к самым незаметным и — в царское время — совершенно бесправным работникам театра.

Из всех указанных и из многих других писем Ермоловой к работникам Малого и других театров (к А. А. Бренко, к А. Л. Вишневному) вырисовывается трогательный и глубоко поучительный образ Ермоловой, как исключительно чуткого товарища, радующегося чужим успехам, заботящегося о внутреннем дружестве в труппе, готового прийти на помощь товарищу в нужде, горе, обиде, полученной от начальства. Это отношение Ермоловой ко всем товарищам по работе, вплоть до сторожа, как свидетельствуют ее письма, присущее великой артистке с первых ее шагов до ее беспримерного юбилейного чествования в 1920 г. Слово „товарищ“ всегда, — и до Октябрьской революции, — звучит в ее устах и в письмах с исключительной лаской, во всей полноте своего глубокого и обязывающего ко многому содержания. Венцом и завершением этого отношения Ермоловой к своим соратникам по сцене являются два ее письма, писанные в связи с ее пятидесятилетним юбилеем.

Прося А. И. Южина непременно поставит в ее юбилейный спектакль 3-й акт из „Горя от ума“, Ермолова пишет: „Я хочу только одного, чтобы в этот вечер все мои товарищи были со мной вместе. Я есть только единица, а надо, чтобы было целое“.

„Целое“ — это Малый театр, весь товарищеский коллектив актеров. Принимая от советского правительства почетное звание „народной артистки республики“, Ермолова отвечала, что „всю свою душу Малый театр отдавал народу и всегда стремились к этому и он, и я“. Предельно скромная в оценке своих сил и заслуг, Ермолова поспешила разделить почетное звание, данное ей революционной властью, с коллективом, с которым была спаяна ее работа: звание „народной“ она перелагает на свой театр, связывая свое личное творчество с общей многолетней работой своих товарищей по Малому театру. В ночь после празднования своего 50-лет-

него юбилея Ермолова обращается к коллективу Малого театра с замечательным письмом: оно является классическим выражением истинного дружества, которое должно связывать каждого актера с товарищами по творческой работе.

Если вспомнить, что современник молодости Ермоловой, знаменитый И. В. Самарин по-барски говорил „ты“ заслуженным, пожилым актерам второго положения, которые отвечали ему „вы“, если припомнить важное „генеральство“ Медведевой в том же Малом театре или диктаторское „премьерство“ Савиной в Александринском театре, если припомнить бесчисленные подражания им в провинциальных труппах,—то письма Ермоловой к товарищам по сцене, писанные в 1890—1900-х гг., открывают перед нами новую страницу в истории актерских отношений внутри театра,—тех отношений, которые должны быть нормою для советских актеров.

С точки зрения профессиональной этики и законов товарищества в театре, письма Ермоловой представляют несравненный интерес.

Глубокая внимательность и чуткая любовность по отношению к чужому, соседнему творчеству, столь редко встречаемая в актерской среде, позволили Ермоловой дать в своих письмах вдумчивые, теплые характеристики ее товарищей по сцене—Федотовой, Лешковской, Никулиной, Ленского, Южина, Яблочкиной и многих других. Ни одна биография этих замечательных артистов не обойдется теперь без отрывков из писем Ермоловой.

Можно бы еще долго рассматривать и оценивать письма Ермоловой с разных точек зрения. Это и немудрено: в скупой и сжатой форме, в тревоге и заботе текущих „трудов и дней“ в них отражены жизнь и художественный труд великой артистки, всегда стремившейся достойно носить, по выражению любимого ею Жуковского, „святейшее из званий—Человек“.

Пока имя Ермоловой будет жить в летописях советского театра, ее письма останутся незаменимой и во многих случаях единственной тропой, подводящей к трудам и дням великой артистки.

III

Настоящее первое собрание писем Ермоловой не является полным их собранием. Такое полное собрание—дело более

или менее отдаленного будущего. Многие письма из числа обращенных к здравствующим адресатам еще не подлежат печати; местонахождение других писем еще не выявлено; наконец, редактору, стесненному размерами издания, приходилось делать жесткий отбор из числа писем, имевшихся в его распоряжении: так, пришлось оставить вне книги очень большое число записок к С. А. Черневскому и А. М. Кондратьеву; из числа писем к А. И. Южину, Г. Н. Федотовой и другим лицам опущены поздравительные и т. д.

Неизбежность подобного отбора могла бы быть устранена только с помощью значительного расширения размеров издания.

За исключением писем Ермоловой к Л. В. Средину, напечатанных мною в 1936 г. („Советский театр“, № 7 и 8), и трех писем к А. Л. Вишневному (1903 г.), А. И. Южину (1920 г.) и к актерам Малого театра (1921 г.), все письма печатаются впервые, с рукописных подлинников, хранящихся в Государственном театральном музее имени Бахрушина и в частных собраниях.

При издании писем Ермоловой особую—иногда непреодолимую—трудность представляет их хронология. Как правило, Мария Николаевна никогда не ставила на своих письмах никаких хронологических обозначений. В редчайших случаях, когда эти даты имеются на письмах, они напечатаны без скобок: в прямые скобки заключены даты, взятые с почтовых штемпелей, добытые при помощи афиш, показаний адресатов, сопоставлений биографических фактов и иных вспомогательных источников. Некоторая часть писем поддается хронологическому определению лишь условно, в пределах года, сезона, а немногие письма—только в пределах десятилетия. Группа последних писем помещается всегда в конце датированных писем данного десятилетия.

При указанных особенностях хронологии писем Ермоловой, в определении их дат неизбежны ошибки,—и составитель книги будет благодарен за их указания.

Письма Ермоловой насыщены фактами и вместе с тем так лаконичны по форме, что потребовали комментария гораздо более обширного, чем это хотелось бы его составителю. Он тешит себя надеждой, что комментарий этот не будет бесполезен будущему биографу Ермоловой, так как в значительной степени основан на материале, почерпнутом от непосредственных соучастников жизненного и творческого

пути великой артистки. Не поименовывая их здесь, приношу им глубокую благодарность.

В „приложении“ печатаются уцелевшие странички из записок Ермоловой, относящиеся к последнему времени ее пребывания в театральной школе (1862 — 1870), где из „воспитанницы Ермоловой“ упорно и жестоко пытались образовать третьестепенную балетную танцовщицу. Одна из страничек записок описывает знаменитый дебют Ермоловой 30 января 1870 г. в роли Эмилии Галотти, — дебют, ставший славной датой в истории русского театра.

Отрывок из записок Ермоловой печатается с подлинника, хранящегося у ее дочери — М. Н. Зелениной.

За содействие и помощь в деле издания писем Ермоловой приношу глубокую благодарность дирекции и сотрудникам Государственного театрального музея имени Бахрушина, народным артисткам СССР В. Н. Рыжовой и А. А. Яблочниковой, народной артистке РСФСР В. А. Мичуриной-Самойловой, Е. Т. Жихаревой, Е. Н. Музиль, М. Н. Зелениной, Н. В. Зеленину, А. А. Угрюмовой. С особой теплотою вспоминаю помощь, оказанную мне в этой работе покойной М. Н. Сумбатовой-Южиной.

В тексте писем слова, недописанные М. Н. Ермоловой, приводятся в полном виде. Прямые скобки [] с многоточием означают, что редакцией опущены слова, в настоящее время не подлежащие печати. Круглые скобки () в тексте писем принадлежат М. Н. Ермоловой.

В примечаниях инициалы М. Н. прописным шрифтом всегда означают Марию Николаевну Ермолову.

С. Дурылин.

Письма

М. Н. ЕРМОЛОВОЙ.

1. К. П. ЩЕПКИНОЙ¹

[Ноябрь 1872 г.]

Милая моя Калерия Петровна, вы, я думаю, очень сердитесь на вашу ленивую ученицу. Но, ей богу, мало время. Ко мне, как нельзя больше, идет пословица: не было ни гроша, да вдруг алтын. В одно прекрасное утро я получила две роли сразу, через неделю еще роль, а в настоящее время еще роль, да еще какую, в Аверкиевской пьесе, да еще мужскую. Роль князя Краснова. Вероятно, вы видели „Поэзию любви“; очень бы я хотела знать ваше мнение об пьесе, потому что ни о какой другой не слышать столько разноречивых толков. Если бы вы знали как меня ругают за эту роль! Отчасти и стоит, отчасти и нет. Судите сами: дают играть тридцатилетнюю светскую барыню, и говорят, что я не умею ни сесть, ни встать, ни слова сказать. Да не мудрено, потому кроме „Духовного завещания“ я ничего не играла почти целый год. Потом мне еще не было тридцати лет и я не знаю, что чувствует и как поступает женщина в тридцать лет. Играть старой молодую легко, потому что она была уже молодой, и уж тут все зависит от искусства актрисы. До сих пор я работаю над этой ролью, но никогда, вероятно, не выйдет того, что нужно. Ну, да я рада: по крайней мере, есть работа. Пьеса мне нравится, хотя, мне кажется, есть много нелепостей. А какова маленькая пьеса „Сын швей“, ² если только вы

видели ее? Каков у нас Решимов? Герой! спас всю Европу, как ни старались спасти ее до того четыре державы, и так как герою свойственно чувство благодарной скромности, то он даже отказался от венка, который ему хотели подать в его бенефис.

Еще я бы желала знать, произвела ли Нильсон³ на вас впечатление? Я просто целую ночь не могла заснуть. Досадно, что я оставила теперь немецкий язык, но что делать? Когда у меня есть роль новая, я сама не своя. Все эти удары, неудачи так кружат голову, что про все позабудешь. Сколько разнообразных ощущений приходится испытать! Вы все-таки не оставляйте меня, вы такая умная, к вам иногда так хочется обратиться за советом, спросить что-нибудь, вы мне можете помочь... Амалия Александровна,⁴ должно быть, очень рада, что я так скверно играла „Поэзию любви“, потому что никто не бранил меня так, как она.

Целую вас.

М. Ермолова.

¹ Калерия Петровна Щепкина — жена М. П. Щепкина (см. письмо 3) давала Ермоловой уроки немецкого и французского языка. Впоследствии Ермолова свободно читала на этих языках и даже перевела с французского (см. в ее переводе рассказ А. Терье — „Бугеро“ в сб. „Женщины“, изд. „Посредника“, М. 1906).

² В драме Д. В. Аверкиева „Темный и Шемьяк“ (17 декабря 1872 г.) М. Н. исполняла роль юного князя Дмитрия Юрьевича Красного. В пьесе Виктора Крылова „Поэзия любви“ (впервые — 17 ноября 1872 г.) М. Н. играла роль Варвары Сергеевны. Роль Кати в его же пьесе „По духовному завещанию“ (впервые — 19 ноября 1871 г.) перешла к Ермоловой после провала этой роли на премьере другой артисткой. Эта роль — бедной девушки, „выхваченной из трудовой обстановки и насильно втиснутой в иные условия жизни“, была одной из лучших ролей начинающей Ермоловой (Н. Эфрос, М. Н. Ермолова, М. 1896, стр. 92—93). Пьеса Н. Мецгерского „Сын швеи“, с М. Н. в роли Клары, шла 24 ноября 1872 г., в бенефис М. А. Решимова, прекрасного актера на роли фатов (в Малом театре с 1869 по 1887 г.).

³ Нильсон (род. в 1843 г.) — знаменитая певица, гастролировавшая тогда в Москве.

⁴ Амалия Александровна Шумская — жена знаменитого артиста С. В. Шумского (1820—1878).

2. К. П. ЩЕПКИНОЙ

[31 августа 1873 г.]

Милая Калерия Петровна, как я вчера обрадовалась, услышав о вас! Мне так давно хотелось вас видеть, да я была

М. Н. Ермолова
1870-е годы

М. Н. Ермолова
1876

вполне уверена, что вы больны, лежите и даже боялась посылать вам письма. Я бы нынче же пошла к вам да очень измучилась после вчерашнего спектакля, а нынче еще играть надо. Вы были вчера в театре и, верно, вместе с другими браните меня. Ах, милая, если бы вы знали, как меня ругают в театре! Все злы на меня, т. е. нет, не все,—а некоторые еще даже уверяют, что это было мое желание, мой собственный выбор! Ну, конечно, я ни перед кем не буду оправдываться, а только вам скажу, что то, что заставило меня играть „Парашу Сибирячку“, ¹ то заставило играть и теперь „Материнское благословение“. Я уговаривала отца дать что-нибудь другое, но он поставил на своем. Но с другой стороны все совершенно правы, ругая меня, и я, точно, заслуживаю жестокой брани. Мне только досадно то, что говорят, что я сама нарочно выбираю такие пьесы. Но довольно; об этом не стоит много говорить. Вы видели меня в „Грозе“ ² и говорите, что я хорошо играла, вот это меня очень радует. Вот это роль, которую я сама выбрала, и которую я играла со всей любовью. Когда мы увидимся, скажите мне, милая, о моих недостатках, откровенно заметьте все дурное, вас я послушаюсь, потому что очень люблю вас. Я вчера так обрадовалась, когда Анета ³ сказала, что вы меня зовете, а то я думала, что вы узнаете, какие гадости я играю, рассердитесь и злиться со мной не захотите. Если можно, я завтра утром приду к вам, если не будет очень гадкая погода.

Еще у меня ваших две книги. Немецкий язык я почти бросила, в начале лета занималась, а там уехала в Мазилово, а там некогда было.

До свидания, целую вас.

М. Ермолова.

¹ 30 августа, в бенефис отца М. Н., Николая Алексеевича Ермолова (1827—1886), суфлера (1846—1878) Малого театра, была представлена мелодрама „Материнское благословение“ (перевод Н. Перепельского — Н. А. Некрасова), с М. Н. в главной роли Марии. Выбирая устарелую мелодраму для своего бенефиса, Ермолов, человек старых литературных вкусов, полагал дать дочери возможность выступить в благодарной сильной роли, упуская из виду, что играть внутренне-фальшивые, мелодраматические роли для М. Н. всегда было мучением. Еще ранее, в 1871 г., Н. А. Ермолов сделал ту же ошибку, поставив в свой бенефис мелодраму Н. А. Полевого „Параша-сибирячка“. Один из критиков, высоко ценивший талант юной М. Н., писал тогда: „На сценическом поприще г-жи Е., первый камешек подставлен ее отцом. Твердо выступив перед театральным светом в грандиозной „Эмили Галотти“, молодая артистка принуждена была спотк-

нуться в тщедушной, истасканной „Параше-сибирячке“. Неужели почтенный суфлер, суфлируя многие годы, не мог сообразить, что для юного неокрепшего еще таланта напыщенная мелодраматическая роль может быть пагубна?“ (П. Акилов, Театральные заметки, „Развлечение“, 1871, № 37, стр. 185—186).

² В роли Катерины в „Грозе“ Островского М. Н. впервые выступила 10 июля 1871 г., заменив заболевшую Г. Н. Федотову.

³ Сестра М. Н. — Анна Николаевна, впоследствии по мужу Шереметевская.

3. М. П. ЩЕПКИНУ ¹

[Около 20 апреля 1874 г.]

Митрофан Павлович!

Как я давно не видала ни вас, ни Калерию Петровну! Как вы поживаете? Я бы сама непременно к вам пришла, да уж такое время пришло, что и я очень занята. В самом деле, я в ужасном волнении: учу роль Луизы Миллер к следующему понедельнику. „Коварство и любовь“ идет в бенефице моего отца. ² Две актрисы захворали, ну, вот меня и вытащили на сцену, я играла за Никулину „Блуждающие огни“ и была совершенно счастлива. ³ Простите меня, я вам уж очень про себя расписалась. Как бы мне хотелось видеть Калерию Петровну! Если ей можно будет, как сыграю „Коварство и любовь“, так приду к ней.

Поцелуйте от меня Калерию Петровну.

До свидания, крепко жму вашу руку.

М. Ермолова

¹ Профессор Митрофан Павлович Щепкин (1832—1908) — троюродный племянник знаменитого артиста Малого театра М. С. Щепкина, в 1860—1870-х гг. близко стоял к Малому театру, выступая в качестве театрального критика в „Русских ведомостях“, а в 1870—1871 гг. в издававшейся им газете „Русская летопись“. Щепкин был первым, кто в шестнадцатилетней М. Н., выступившей в „Эмилии Галотти“, сумел угадать будущее светило русского театра. М. П. Щепкину принадлежит цитируемый всеми биографами отзыв о дебюте М. Н., помещенный в „Русской летописи“ (№ 6, от 9 февраля 1870 г.) с подписью „А. К-ч“ и кончающийся обращением к молодой артистке: „Крепитесь, молодая дебютантка: добросовестное служение делу искусства, тяжелый неуклонный труд, работа долгая и многолетняя спасут вас от всех опасностей. . . Берегите эту дорожку боюю искру таланта и вдохновения и при помощи труда смело идите с нею вперед по тернистому пути русского артиста“.

Глубоко веря в великое будущее юной артистки, Щепкин старался помочь М. Н. в преодолении тех трудностей на ее пути, о которых гово-

рил в своей первой же рецензии. Пользуясь дружескими отношениями своими с ведущими артистами Малого театра, он старался выдвинуть М. Н., а в своих дальнейших рецензиях внимательно следил за развитием ее дарования. Сравнивая начинающую М. Н. с Федотовой, несшей весь драматический репертуар в Малом театре, Щепкин отдавал М. Н. решительное предпочтение, упрекая Федотову в том, что она впадает в неприятное наивничанье и театральность, на фоне которых так ярко выделяется простота и горячность М. Н. („Русская летопись“, 1870, 27 сентября, № 39).

В первое, самое трудное время своей работы, М. Н. встретила в доме М. П. Щепкина самое искреннее и теплое к себе отношение. У Щепкиных бывало много актеров, писателей, общественных деятелей и живо обсуждались волнующие вопросы искусства, общественности и политики. Все это питало мысль и расширяло кругозор молодой артистки.

² Луиза — первая роль М. Н. в пьесах ее любимого драматурга — Шиллера — была сыграна ею 26 апреля 1874 г. в бенефис Н. А. Ермолова.

³ Роль Лелички в пьесе Л. Н. Антропова „Блуждающие огни“ М. Н. играла вместо Н. А. Никулиной 9 апреля 1874 г.

4. К. П. ЩЕПКИНОЙ

[Ноябрь 1874 г.]

Милая моя душечка, как я вчера обрадовалась вашему письму, а я думала, что вы меня уж совсем забыли. Сколько времени мы с вами не видались! А мне смерть хотелось с вами повидаться, да летом вы уезжали, а осенью я стала играть и теперь вот уж почти месяц как я очень занята, что редко со мной случается. [...] О Петербурге я не могу вам ничего сказать. Наверное, есть слух только, что меня хотят туда перевести. Там, говорят, нет драматической актрисы. Если это правда будет, то вот вам и блестящая карьера: буду играть до одурения каждый день драматические роли, стало быть, буду занята, денег тоже вероятно будет много... Но говорю вам откровенно, что мне не хочется туда ехать затем, чтобы больше играть, — да конечно туда лучше не ехать, мне жалко будет бросить здесь людей, к которым я привыкла. Это говорю только вам, потому что знаю, что вы хоть и пожалеете меня за слабость воли, но не станете относиться к этому с насмешкой, как сделали бы другие.

При том же меня пугают Петербургские интриги и разговоры, которых, говорят, там неизмеримо больше наших.¹

На следующей неделе у меня будет, кажется, очень хорошая роль, чему я очень рада, так что пока вы будете наслаждаться Митрофанией,² я в это время буду играть, буду занята.

Вы были за-границей, стало быть, видели много интересного. Счастливая, как не позавидовать вам!

До свидания, милая Калерия Петровна, крепко целую вас, вашему мужу жму руку еще крепче, чем он мне.

М. Ермолова.

¹ Перевод М. Н. в петербургскую труппу не осуществился.

² В Московском окружном суде разбиралось дело игуменьи Митрофании („в миру“ — баронессы П. Г. Розен), обвинявшейся в подлогах вельселей. Обвинителем Митрофании выступил знаменитый адвокат Ф. Н. Плевако.

5. М. П. ЩЕПКИНУ

[Начало марта 1876 г.]

Митрофан Павлович!

Посылаю вам два билета на мой бенефис. Надеюсь, вы не обидите меня отказом и приедете посмотреть с женой „Овечий источник“ 7 марта, в воскресенье.

Пожалуйста, приезжайте. Помните ли, я обещалась вам написать, когда у меня будет хорошая роль? Исполняю свое обещание и пишу вам, что роль превосходная, но слажу ли я с ней?..¹

Взгляните и судите. Я очень боюсь, по правде сказать.

Передайте билет и поцелуй Калерии Петровне.

Всегда любящая вас

М. Ермолова.

¹ В свой первый бенефис — 7 марта 1876 г. — М. Н. с неслыханным успехом выступила в роли Лауренсии в драме Лопе де Вега „Овечий источник“. Спектакль превратился в событие, навсегда нашедшее себе место не только в истории русского театра, но и в истории русской общест-венности. „После бурного триумфа в „Овечьем источнике“ М. Н. становится кумиром молодежи. Героическим пафосом отмечено ее выступле-ние в „Овечьем источнике“ (В л. И. Немирович-Данченко, Ермо-лова, „Красная нива“, 1928, № 14).

6. Н. П. ШУБИНСКОМУ¹

(Отрывок)

[6 мая 1876 г.]

Вчера была в театре и видела Ленского в трех актах „Укро-щения строптивой“.² Он мне не понравился: разумеется, у не-

го нет ни силы, ни голоса, ни средств для этой роли, хотя и всю роль он ведет чрезвычайно живо и бойко, развязно, но все это напоминает филистера, желающего казаться студентом. Федотова хорошо играет, только слишком изящна и мило-капризна для такой „бешеной девки“. Знаете ли, какая мысль приходит мне в голову по поводу роли Катарину? Если б я только умела, я бы непременно написала бы об этом. Мне кажется, что у нас в театре и в критике Гервинуса³ существует совершенно ложный взгляд на Катарину. Дело в том, что и Гервинус, и Федотова, и наш режиссер Богданов изображают Катарину милым, капризным ребенком, задорным и острым существом... Я не помню хорошо статьи Гервинуса, но хорошо помню смысл ее. По его мнению, Катарина не есть та бешеная сварливая девка, о которой кричит вся Падуя, от которой, как от чумы, бегут прочь женихи... По его мнению, она только капризное неустановившееся существо... Спрашивается — что же за странные капризы были у этой девушки, что прославили ее на весь город. Очевидно, это были не капризы, а строптивость, злость, которые близко не подпускали к себе людей. Для того, чтобы унять капризного ребенка, давно бы нашлось двадцать Петруччо, которым бы вовсе не понадобилось прибегать к таким средствам, как прибегал Петруччо для усмирения ее. Петруччо является человеком с запасом громадной и физической и нравственной силы, с железной волей и с упрямым характером — и неужели же все это требуется для того, чтобы сломить капризы упрямой девченки? — Нет, по моему мнению, такая громадная сила нужна на то, чтобы сломать тоже силу большую, а не капризы! Будь Катарина только капризной девочкой, она бы, запуганная им, сразу перестала бы спорить с ним, и если она не так глупа, она сейчас же увидела бы, что капризы тут ничего не помогут и скоро бы подчинилась ему. Но чтобы сломить силу Катарину, нужно было прибегнуть ему почти к попытке, чтоб смирить ее, отнять у нее со всех сторон средства для защиты. Только истощенная физически и измученная нравственно, она покоряется ему и, покоряясь ему, она любит его, потому что видит в нем силу, превзошедшую ее во всех отношениях. Подчиняясь ему, она подчиняется силе в лице этого человека. Она любит в нем эту силу, которая обновляет ее, потому что не было до сих пор человека, который бы заставил ее задуматься. Люди, окружающие Катарину, слишком мелки. Находя их равными себе, она позволяет

себе с ними всякие дикие выходки, только потому, что они или подчиняются ей, или бегут от нее. И вдруг, она встречает человека, который не бежит от нее и не подчиняется ей, а ломает ее, напротив. Она уступает силе, любовь переставляет ее окончательно. Я не знаю, может быть я и ошибаюсь, но если бы мне пришлось ее играть, я бы играла ее таким образом, и тем, разумеется, раздражила бы любителей изящного...

¹ Николай Петрович Шубинский (1854—1920) — московский присяжный поверенный, впоследствии член Государственной думы, с 26 января 1877 г. муж М. Н. Ермоловой.

² Александр Павлович Ленский (1847—1908) — любимый актер М. Н., дебютировал в Малом театре 26 апреля 1876 г., а 5 мая выступил в роли Петруччо в комедии Шекспира „Укрощение строптивой“, заменив в ней И. В. Самарина. Роль Катарини исполнял Г. Н. Федотова. В „Укрощении строптивой“ М. Н. играла роль Бианки (впервые — 16 сентября 1871 г.); роль Катарини сыграть ей не пришлось.

³ Гервинус — известный немецкий критик, знаток Шекспира.

7. А. Н. ШЕРЕМЕТЕВСКОЙ¹

(Отрывок)

[Лето 1878 г.]

Вот уже несколько дней я в Петербурге и устроилась на даче в Павловске² довольно сносно. Вчера в первый раз играла „Овечий источник“. Пьеса совсем не понравилась здешней публике, хохотали при каждой патетической сцене (да и нельзя было не хохотать, глядя на игру павловских актеров). Но меня приняли отлично, чего я даже не ожидала, после первого акта. Публике я, кажется, понравилась. Монолог беспрерывно прерывали рукоплесканиями и по окончании сцены вызвали шесть раз. Но все пеняют, зачем я выбрала такую пьесу. Сбор был очень хороший по здешним сборам, хотя не полный. Но если здесь и приобретешь славу, то, кажется, не приобретешь денег, потому что я сама была свидетельницей ужасных сцен, каким образом здесь получают жалованье. Танеева чуть не избил, одна разъяренная дама; да его и побьют непременно. Сейчас была в Казенном театре на Каменном острове, зовут туда играть. Завтра буду у Федорова,³ не знаю, как это еще устроится. Завтра должен приехать муж. Да тут кажется без адвоката ничего не поделаешь...

¹ Анна Николаевна Шереметевская (1856—1921) — родная сестра М. Н., преподавательница естествознания в женских гимназиях.

² М. Н. гастролировала в летнем театре в Павловске (под Петербургом), где антрепризу держал С. В. Танеев (1841—1910), известный театральный предприниматель (Общедоступный театр в Москве 1873—1874, поездка в Париж с русскими актерами 1875 и т. д.).

³ Павел Степанович Федоров (1800—1879) — начальник репертуарной части императорских петербургских театров.

8. С. В. ФЛЕРОВУ ¹

[1882 г.]

Очень бы рада зайти к вам, добрейший Сергей Васильевич, да сама нахожусь в таком же виде, как и вы. Кашляю, хриплю и хоть играю по обязанности, но с грехом пополам. Думаю, что к святкам поправлюсь, и как-нибудь забегу к вам. Надо поговорить о прологе. ² А вы пока поправляйтесь, и берегите себя.

Крепко жму вашу руку.

Искренно уважающая вас

М. Ермолова.

¹ Сергей Васильевич Флеров (1841—1901), был видным театральным критиком (под псевдонимом: „С. Васильев“) 1870—1890-х гг., сотрудничал в „Русском вестнике“, „Московских ведомостях“, „Русском обозрении“ и др.

² „Пролог“, о котором идет речь в письме, — „пролог“ драматической поэмы Ф. Шиллера „Орлеанская дева“. С ранних лет мечтая сыграть роль Иоанны, М. Н. сделала шаг к осуществлению своей мечты, выступив 30 января 1883 г. в прологе „Орлеанской девы“ в спектакле, данном по случаю 100-летия со дня рождения В. А. Жуковского, переводчика драмы Шиллера.

9. И. В. ШПАЖИНСКОМУ ¹

[1882 — 1884 гг.]

Многоуважаемый Ипполит Васильевич,

я давно уже слышала о вашей пьесе и о том, что мне назначается главная роль, от А. А. Потехина. Я буду играть всю осень и может быть даже половину ноября, и с удовольствием помышляю о том, что предстоит новая работа. К 20-му я, конечно, буду в Москве, но мне бы хотелось познакомиться поскорей с пьесой, а потому прошу вас, заезжайте к нам в Москву на Молчановку, теперь там мой муж, и если можно

передайте ему пьесу, он мне ее привезет в деревню. Во всяком случае, не бойтесь за короткий срок. Я положу в роль все свои силы, которыми я располагаю.

Слыхала тоже от А. А. Потехина, что пьеса хорошая, что меня очень радует: он—человек понимающий.

Пока еще знакома с пьесой и с ролью только по рассказам, а потому заранее не могу вам ничего сказать, но обещаю, что буду работать как только могу, и добиваться верного изображения лица, в чем, как автор, вы должны помочь мне.

М. Ермолова.

¹ Ипполит Васильевич Шпажинский (1844—1917) — плодовитый драматург, чьи пьесы („Майорша“, „Кручина“, „Чародейка“, „В старые годы“ и др.) пользовались большим успехом в 1880—1890-х гг., благодаря их внешней сценичности. М. Н. играла во многих пьесах Шпажинского, который пытался писать главные роли в некоторых из них, приоравливаясь к особенностям дарования М. Н. (например, Поветова в драме „Две судьбы“).

10. А. Н. ШЕРЕМЕТЕВСКОЙ

[1884 г.]

Милый дружок мой, я давно собираюсь написать к тебе, но решительно не знала куда. От Сани¹ получила письмо, что вы уехали в Ялту. Послала ей телеграмму за адресом—только собралась писать в Ялту, как сегодня получаю твое письмо. Значит, пишу в Севастополь.

Итак начинаю: во-первых, отвечаю на вопросы: жива, здорова даже, жары нет, мошек также, комаров меньше чем в Москве, с этой стороны я благоденствую, но за то скука!!!!!! невыносимая! Правда, что верблюды!!! Представь себе, что я людей не вижу и провожу все дни с Машей! Представь меня без людей? Главное дело в том, что пришлось играть не каждый день, вот в чем дело, и поэтому в свободные дни я занимаюсь чтением сначала романов Вальтер Скотта, а потом читаю Путеводитель, в чем и состоит мое главное занятие. Я сначала его читаю с начала до конца, а потом с конца до начала, а потом поперек и еще у меня остается карта для отыскивания ближайшего пути к Москве. Я в положении теперь Колумба или Васко де Гама, который попал нечаянно не туда, куда хотел, и считает часы и минуты, чтобы

выбраться из неведомой страны. Относительно театра могу сказать, что Астрахань завоевана. Первые спектакли были небольшие сборы, а теперь уж пошли по тысяче рублей, чего еще не бывало здесь. Восторгам несть конца. Цветы, и даже поднесли медальон с бриллиантами (не крупными, не пугайся). Но несмотря на это — тоска, потому что никого знакомых. Не дождусь, когда вырвусь, а между тем меня упрасивают остаться и я, кажется, останусь... Чем объяснить это? Уж и не понимаю... Что касается до природы, то к сожалению, не могу написать тебе того же, что ты пишешь о Крыме... Харьков! Какое Харьков, Москва — рай земной, в сравнении с этой Азией! Весь сад, где мы играем, состоит из двух десятков акаций, трех засохших тополей и нескольких виноградников, — вот и вся растительность в Астрахани. Травы нигде. Растет какая-то желтая шерсть... и верблюды — вот эти есть. Бегают и резвятся около театра. Вообще веселенький городок! Но за то народ — интересно посмотреть. Есть такие, которых только на картинах видишь. Но за то Волга! Вот уж красота! Все можно перенести, чтоб поглядеть на нее. Я попала еще в разлив, в некоторых местах берегов не видно. О всех наших имею довольно смутные известия. Писать почти никому не пишу, потому что тут письма чуть не по году ходят. Прощай пока, крепко целую тебя и В.

¹ Александра Николаевна Ермолова-Кречетова 1858—1914) — сестра М. Н., артистка Малого театра (1877—1907).

11. Ф. Д. ГРИДНИНУ

[1885 г.]

Уважаемый Федор Дмитриевич,

вы сами были свидетелем того восторга, которым вдохновил меня Барнай¹ и потому я с наслаждением великим приму приглашение Сергея Андреевича Юрьева.² Одно, что меня смущает — я не знаю немецкого языка и не буду в состоянии говорить с ним. Спасибо вам за ваши восторженные дифирамбы мне, только зачем вы пропагандируете меня Барнаю? Мне будет грустно, если он посмотрит и не найдет того, что вы ему обещали.

Итак завтра приеду непременно.

М. Ермолова.

¹ Людвиг Барнай (1842—1924) — знаменитый немецкий трагик, несколько раз гастролировал в России, особенно славился исполнением ролей Гамлета и Уриэля Акосты.

² С. А. Юрьев (1821—1888) — известный писатель по вопросам театра и переводчик. Для бенефисов М. Н. он перевел драмы Лопе де Вега — „Овечий источник“, „Лучший алькад—король“ и „Звезда Сивильи“ (см. сборник — „В память С. А. Юрьева“, М. 1891).

12. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ ¹

[Начало февраля 1886 г.]

Сергей Антипович, если возможно еще, устройте так, чтобы „Разрыв“, который назначен на четверг, шел в среду, а „Друзья детства“ ² на его место в четверг. Мне бы хотелось посидеть дома еще среду, так как хрипота у меня все не проходит. Доктор сильно настаивал, чтоб я не играла и завтра, но я совершенно понимаю, что вам играть нечего и поэтому буду играть. Так, если возможно, сделайте маленькую перестановку.

Что касается бенефиса, то я буду просить его назначить на 12-е число в среду, день будничной, и надеюсь ни вы, ни Александр Николаевич не будете против этого. ³

А затем остаюсь уважающая вас

М. Ермолова.

Р. S. В среду прошу вас назначить репетицию „Марии Стюарт“.

¹ Сергей Антипович Черневский (1839—1901) с 1879 г. по день смерти занимал должность главного режиссера Малого театра, начав службу в этом театре с 1852 г. Режиссер-администратор, Черневский не был режиссером-художником спектакля: лишь с конца 1880-х гг., под влиянием Мейнингенцев, в его работе начинают появляться робкие элементы художественного почина (постановки „Димбелина“, „Макбета“ и др.). Из письма Черневского к А. П. Ленскому от 16 ноября 1891 г. (см. А. П. Ленский, Статьи, письма, записки, ред. В. А. Филиппова, М. 1935, стр. 596—597) явствует, что Черневский сетовал на засоренность репертуара Малого театра плохими пьесами и на отстранение режиссера и актеров от влияния на выбор репертуара театра. Благодаря энергичному характеру, работоспособности и неизменно хорошим отношениям с начальством, Черневский был в Малом театре влиятельнейшим лицом, от которого в сильной степени зависела работа и судьба каждого из его актеров.

² В пьесе П. М. Невежина „Друзья детства“ (первое исполнение — 6 января 1886 г.) М. Н. играла роль Лизы. В пьесе Н. Я. Соловьева „Разрыв“ М. Н. не участвовала.

³ Бенефис М. Н., для которого шла „Мария Стюарт“ Шиллера, состоялся в пятницу 14 февраля 1886 г. „Александр Николаевич“ — Островский (1823—1886), знаменитый драматург. С 1 января 1886 г. заведывал репертуарной частью Московских императорских театров. Островский был противником внедрения в репертуар пьес европейской классической драматургии и, в частности, с неохотой пошел на то, что М. Н. ставила в бенефис трагедию Шиллера. Мария Стюарт в исполнении М. Н. была одним из совершеннейших трагических образов не только русского, но и мирового театра.

„Мария Стюарт“ имела большой успех у демократической публики. А. Н. Островский записал в своем дневнике: „Мария Стюарт. Ермоловская публика: курсистки, студенты, присяжные поверенные“ (Островский, Дневники и письма, под ред. Вл. Филиппова, М. 1937, стр. 91).

13. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ

[Сезон 1886 — 1887 гг.]

Сергей Антипович,

у вас „Арказановы“¹ стояли на репертуаре один раз. Если было бы возможно освободить меня в понедельник, я была бы вам очень благодарна, в виду того, что мне необходимо, как вам известно, выучить роли. Нельзя ли поставить что-нибудь вроде Ревизора или Воеводы?² Но если этого нельзя... вы знаете, что я всегда готова делать то, что даже не по силам.

М. Е.

¹ В драме А. И. Сумбатова „Арказановы“, впервые поставленной 26 октября 1886 г., М. Н. играла роль Ольги Дмитриевны.

² „Сцены народной жизни XVII века“ — „Воевода“ были поставлены их автором, А. Н. Островским, в Малом театре 19 января 1886 г., с М. Н. в роли Олены.

14. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ

[1886 — 1887 гг.]

Сергей Антипович, сию у вас и пишу вам письмо. Я слышала, что завтра переменяется спектакль. Имейте в виду, что мне не под силу играть три дня под ряд, тем более, когда третьим спектаклем идет „Мария Стюарт“. Дайте мне возможность передохнуть один день.

М. Ермолова.

В понед. На всякого мудреца
Втор. Мария

Среда. Друзья детства
Четв. Неклюжев
Пят. Мария¹

¹ Письмо свидетельствует о непомерной тяжести работы, ложившейся на М. Н. в 1880—1890-х гг. Из множества позднейших ее писем Черневскому и Кондратьеву явствует, что дирекция не делала ничего для облегчения работы М. Н., принужденной, кроме труднейших пьес классического репертуара, нести на себе еще непроизводительный труд разучивания и исполнения плохих пьес - однодневок современных драматургов. В предлагаемом проекте недельного репертуара М. Н. перемежает идущие с ее участием „Марию Стюарт“ и „Друзья детства“ пьесами, где она не участвовала — „На всякого мудреца довольно простоты“ Островского и „Наш друг Неклюжев“ А. И. Пальма.

15. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ

[1887 г.]¹

Сергей Антипович, надо отложить „Марию Стюарт“ до пятницы пока. Третьего дня, уехавши от вас, я легла в постель и третий день валяюсь в лихорадке. Так как у нас в доме тиф (хотя не сильный), то можете представить, что из этого может выйти. Но я и доктор Флеров пока не теряем надежды, что обойдется только лихорадкой, хотя к вечеру жар усиливается. Пока отложите до пятницы. Завтра уведомя, лучше или хуже.

М. Ермолова.

¹ Письмо датируется 1887 г., на основании указания дочери М. Н. Зелениной, что именно в этом году в доме М. Н. был тиф.

16. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ

[Сентябрь 1888 г.]

Многоуважаемый Сергей Антипович,

будьте добры передать автору и П. М. Пчельникову¹ мой отказ от роли Веры („Разлад“).² Очень буду жалеть, если они оба примут это за каприз, но вы больше меня знаете, и уверена, согласитесь со мной в том, что я не могу играть таких ролей. Никогда с роду не играла ничего подобного и никак не могу найти у себя даже подходящего тона. Будь мне шест-

надцать лет, меня можно бы выучить с голосу, теперь же я никогда не пойду играть той роли, в плоть и кровь которой я не могу войти. Это совершенно не мое дело. Позволю себе напомнить вам и автору про Шумскую, которая может прекрасно сыграть эту роль.

Если П. М. Пчельников не согласится со мной, то заявляю вам, что я готова подчиниться всяким правилам насчет штрафа, но роли этой играть не буду. Кроме того, если б мне роль даже и понравилась, я бы не могла ее взять теперь, т. к. вы знаете, что 4 декабря бенефис Н. М. Медведевой,³ где у меня очень большая и трудная роль, а мне, вы знаете, строго запрещено докторами играть больше трех раз в неделю. Это, конечно, относится больше к вам, чем к кому бы то ни было. Вчерашний спектакль порядочно утомил меня, а потому прошу извинения у вас и у В. А. Крылова, что не приехала сама, чтобы лично передать вам роль и объяснить причины, заставляющие меня отказаться от роли.

Уважающая вас

М. Ермолова.

¹ См. примечание к письму 18.

² „Разлад“ — драма в четырех действиях — одно из бесчисленных (до 120) произведений драматурга В. А. Крылова (1838 — 1906). Большинство из них представляло переделку на русские нравы пьес иностранных авторов. Лишенные мысли и общественного содержания, построенные на угождении буржуазному зрителю и ведущим актерам, для которых специально писались выигрышные роли, пьесы Крылова были самым ярким олицетворением на театре реакционного безвременья 1880-х гг. М. Н. являлась резкой противницей этого пустого и анти-художественного репертуара. За отказом М. Н. от роли Веры в пьесе Крылова эта роль была передана Е. К. Лешковской, а не Е. С. Шумской, как предлагала М. Н.

³ В бенефис Н. М. Медведевой шла пьеса П. Д. Боборыкина „С бою“.

17. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ

[Февраль 1889 г.]

Многоуважаемый Сергей Антипович, обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой: переставьте „С бою“¹ на среду, а „Репину“² на понедельник. Я сейчас начала читать роль и оказывается, что я ни одного слова не помню. Значит, ее надо учить основательно. Вторая причина — одно платье распорото, а другого совсем нет, и в один-два дня сделать

этого нельзя. Будьте любезны, если возможно, уважьте все эти причины (а они достаточно уважительны), сделайте так, как я вас прошу.

Уважающая вас

М. Ермолова.

¹ В пьесе П. Д. Боборыкина „С бою“, М. Н. играла роль старообрядки Бурмистровой.

² Роль артистки Репиной в пьесе А. С. Суворина „Татьяна Репина“, впервые поставленной 16 января 1889 г., М. Н. играла с необычайной силой и исключительным даже для нее вхождением в образ. В последнем действии пьесы, когда Репина, приняв яд, умирает на сцене, „в зале творилось что-то неопишемое: истерики, вопли, вызывали докторов, выносили женщин без чувств“ (Т. Л. Щепкина-Куперник, Дни моей жизни, М. 1928, стр. 184). Такое же впечатление производила М. Н. в роли Репиной и через два года. Л. В. Собинов, тогда еще студент, писал в изданном письме от 28 августа 1890 г.: „Я попал в Малый театр на „Татьяну Репину“. Чорт знает, как хороша была Ермолова. Я до того расчувствовался, что потерял по окончании представления носовой платок. В публике кому-то подносился нашатырный спирт. Видел я эту драму в Ярославле. Какая разница в исполнении! Я теперь самый яркий поклонник Ермоловой“.

18. П. М. ПЧЕЛЬНИКОВУ¹

[Декабрь 1889 г.]

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Посылаю вам „Федру“, ² она пропущена цензурой и теперь она в ваших руках. Обратите на нее благосклонное внимание и разрешите ее для моего бенефиса. Я уже с своей стороны послала письмо директору с просьбой прочесть ее и, если вы с своей стороны черкнете словечко, то я уверена, что она придет благополучно в Москву.

Будьте любезны, добрейший Павел Михайлович, по прочтении, прикажите в конторе послать ее директору в казенном портфеле. Не могу сама к вам явиться, сижу с больным горлом дома.

Будьте милостивы к моей Федре.

Уважающая вас

М. Ермолова.

¹ Павел Михайлович Пчельников — управляющий Московской конторой императорских театров с 1882 по 1898 г., бывший офицер

гвардейской пехоты. Яркий представитель правящей казенно-театральной бюрократии, Пчельников не обладал ни одним из тех свойств, которые необходимы для человека, поставленного во главе художественного и административного руководства Большим и Малым театрами.

² Трагедия Ж. Расина „Федра“ в новом переводе М. П. Садовского представлена была 30 января 1890 г., в бенефис М. Н., по случаю 20-летия ее сценической деятельности.

19. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ

[1880-е гг.]

Сергей Антипович, будьте добры, придержите репертуар. Аристова¹ просит меня ехать во Владимир 26-го числа, играть „Грозу“.

Нужно будет, чтобы были свободны Садовская или Рыкалова, Греков или Рябов и я.

Будьте любезны, устройте для меня: ей есть нечего.

М. Ермолова.

¹ По указанию дочери М. Н.—М. Н. Зелениной, „Аристова была со школы близкой подругой М. Н., принадлежала к партии народолюбцев; по выходе из школы была гражданской женой М. В. Лентовского“. Организуя со своим участием спектакль в пользу бедствующей Аристовой, М. Н. просит режиссера Черневского освободить для участия в нем артистов Малого театра О. О. Садовскую или Н. В. Рыкалову — для роли Кабанихи и И. Н. Грекова или П. Я. Рябова — для роли Дикого.

20. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ¹

[1880-е гг.]

Будьте добры, Алексей Николаевич, обращаюсь к вам с просьбой за автора новой пьесы, помогите ему провести ее через цензуру и комитет и не откажите ему в указаниях и советах. Пьеса — если нельзя сказать очень хороша, то можно сказать, по крайней мере, неизмеримо лучше тех, которые мы играли за последнее время, и нам бы ее очень хотелось поставить теперь.

Если возможно, я уверена, вы не откажете в вашем содействии.

М. Ермолова.

¹ Алексей Николаевич Плещеев (1825—1893), известный поэт и драматург, был членом Петербургского театрально-литературного комитета при императорских театрах, без одобрения которого ни одна пьеса не могла идти в императорских театрах.

21. А. А. САНИНУ¹

[Конец 1880-х гг.]

Мне хочется написать вам пяти, приветствовавшим меня, несколько слов, которые бы остались на память обо мне. Куда б ни бросила вас жизнь, в какие бы тиски она вас ни жала, как бы ни были впоследствии разнородны ваши души и стремления, — не покидайте веры в идеал. Веруйте в прекрасное, и будете верить в добро и правду. Если пламень, который горит теперь в ваших молодых душах — погаснет совсем, вы погибнете, помните это. Вы засушите себя и будете несчастны. Пусть от этого пламени останется хоть искорка, но пусть она горит неугасимо до конца ваших дней. Это мое искреннее желание.

Люди уйдут, заменятся новыми, но прекрасное вечно, и что бы ни говорили моралисты, не верьте — без него жизнь есть только скучный, а, следовательно, и бесполезный труд. Я буду счастлива, если когда-нибудь каждый из вас вспомнит и скажет, что я была права.

М. Ермолова.

¹ Александр Акимович Санин (Шенберг) был одним из пяти молодых людей, приветствовавших М. Н. восторженным письмом по поводу исполнения ею роли Иоанны д'Арк в „Орлеанской деве“. В начале 1890-х гг. Санин состоял членом Общества искусства и литературы, руководимого К. С. Станиславским, и в 1898—1902 гг. был актером и режиссером Художественного театра. В 1919—1924 гг. Санин был режиссером в Малом театре („Лес“, „Собака садовника“, „Горе от ума“ и др.).

22. М. П. ЩЕПКИНУ

[29 января 1890 г.]

Митрофан Павлович,

я бы очень желала, чтобы вы были на моем бенефисе завтра.¹ Не откажите мне в этом. Двадцать лет тому назад вы так горячо поддерживали начинающую девочку, ее первые робкие

*М. Н. Ермолова в роли Офелии
„Гамлет“ В. Шекспира
1878*

М. Н. Ермолова в роли Иоанны д'Арк
„Орлеанская дева“ Ф. Шиллера
1884

шаги на сцене и на всю жизнь оставили в моей душе самое сердечное воспоминание о вас и теплую благодарность.

Посылаю два билета. Уверена, что исполните мою просьбу.

М. Ермолова.

¹ Об отношениях М. Н. к М. П. Щепкину см. примечание к письму 3. 30 января 1890 г. в бенефис М. Н. шла „Федра“ Расина с бенефицианткой в роли Федры.

23. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ

[Август 1890 г.]

Многоуважаемый Сергей Антипович!

Будьте любезны подать заявление в контору. Мне нужен новый костюм для последнего акта „Зимней сказки“. ¹ Белую кашемировую робу и белый плащ с золотом. Об этом весной еще говорил мне Павел Михайлович, что я должна играть в таком костюме. Последний раз я играла в старом и грязном из „Побежденного Рима“. Надеюсь, что вы исполните мою просьбу.

М. Ермолова.

¹ Одну из лучших своих ролей — Гермionу в „Зимней сказке“ Шекспира М. Н. впервые сыграла 27 декабря 1887 г. Письмо М. Н. свидетельствует о том, в каком жалком положении находилась в „императорском“ театре монтировочная часть постановок. Знаменитая артистка, выступая в возобновленной комедии Шекспира, должна была играть в ветхом костюме, взятом из старой постановки другой пьесы — „Побежденный Рим“ Пароди, в которой М. Н. играла роль весталки Опимии (30 сентября 1885 г.).

24. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ

[Октябрь 1890 г.]

Многоуважаемый Сергей Антипович!

Я, конечно, не могу отказаться играть „Орлеанскую деву“, но если вы дали что-нибудь другое, я была бы бесконечно благодарна. Например, нельзя ли лучше „Федру“ или „Симфонию“, ¹ хотя понимаю, что относительно сбора не важно.

Дело в том, что я страшно устаю от „Агриппины“ и уж очень тяжело будет подряд играть „Орлеанскую деву“.

Если возможно — вы сделаете конечно, если невозможно — судьба наша в руках начальства.

Уважающая вас

М. Ермолова.

¹ Пьеса Модеста Чайковского „Симфония“, с М. Н. в роли Елены Протич, представлена была впервые 3 октября 1890 г., а через пятнадцать дней (18 октября) уже состоялась премьера драмы В. П. Буренина „Смерть Агриппины“, где М. Н. играла роль Пoppей. „Орлеанская дева“ шла 31 октября и 14 ноября 1890 г.

25. А. И. ЮЖИНУ ¹

[1890-1891 гг.]

Александр Иванович, меня очень просят вас спросить, позволите ли вы некоторым из ваших учеников играть в одном любительском спектакле. ² Вам они объяснят, или я сама объясню, когда увижу, для чего нужен этот спектакль. Надо дать возможность одной барышне сыграть „Грозу“. Какая она актриса, я понятия не имею, но, как в человеке, я принимаю в ней горячее участие. И если вы позволите играть вашим ученикам, вы несказанно обрадуете, может быть, будущий талант. Если только возможно, конечно. Целую Марию Николаевну и жму вашу руку.

М. Ермолова.

¹ Александр Иванович Южин (1857—1927) — с 1882 г. артист, с 1909 г. — художественный руководитель Малого театра. Партнер Ермоловой во многих основных пьесах ее репертуара, Южин писал: „Работая с М. Н. Ермоловой целый ряд годов, я привык только любить ее талант и преклоняться перед ее непрерывным, не знающим усталости подвижничеством, — другого слова я не нахожу для определения характера ее деятельности. Гений Ермоловой внес в русскую жизнь много света. Ни малейшая тень фальши и ложной театральщины не омрачает ее артистического образа. Ермолова — знамя русского театра нашего времени“ („М. Н. Ермолова“, изд. А. А. Бахрушина, М. 1905, стр. 119—124). А. И. Южину принадлежит лучшая характеристика Ермоловой в ролях Иоанны, Эстрелии, Негиной, Купавиной и Зейнаб („М. Н. Ермолова“, сборник, изд-во „Светозар“, Л. 1925, стр. 11—60).

² А. И. Южин состоял преподавателем драматического искусства в Училище московского Филармонического общества.

[1—3 января 1891 г.]

Николай Игнатьевич, я уехала в Петербург ² с такою тяжестью на сердце, от которой только вы можете меня освободить. Я никогда в жизни не забуду и не прощу себе того, как я вас вчера приняла. Чем больше думаю об этом, тем больше мучаюсь. Никаким расстроеным состоянием духа я не могу оправдать себя перед вами. Ведь, главное, меня пугает одно: что вы можете подумать, что, значит, в глаза одно говорят вам, а за глаза другое, а я не хочу, чтоб вы обо мне [так] думали. Какие бы ни были во мне пороки и недостатки, во мне нет одного — фальши и неискренности. Вас я всегда люблю и бесконечно уважаю, и только мое расположение к вам и заставляет меня писать к вам и просить у вас прощения. Страшно подумать, что одна дурацкая выходка, одна минута, в которую человек находится в состоянии невменяемости (а я была именно в таком), может нарушить хорошие отношения. Что хотите думайте обо мне, только не подзревайте меня в неискренности к вам, и отнеситесь ко мне так же просто и дружески, как это было всегда, и напишите мне в Петербург только два слова: „я вас прощаю“, и вы меня воскресите. Я говорю вам, что не могу забыть этого, и никогда не забуду.

Милый Николай Игнатьевич, только простите искренно, чтоб у вас и тени сомнения не осталось.

Письмо не дойдет, пошлите телеграмму. Подумайте, не смотря на волнение, которое испытываю я теперь от предстоящего спектакля, я постоянно мучаюсь при мысли, что я вас обидела. Не говорите никому ни слова, пожалуйста.

Искренно вас любящая

М. Ермолова.

¹ Николай Игнатьевич Музиль (1841—1906) — артист Малого театра (с 1866 г. до смерти). В основе его дарования был мягкий юмор, тонкая наблюдательность и правдивость чувствований. Музиль был замечательным исполнителем характерных ролей (юродивый в „Борисе Годунове“ Пушкина, старый повар в „Плодах просвещения“, кн. Тугоуховский в „Горе от ума“). Музиль был любимым актером Островского, ставившего в 1870-х гг. большинство своих пьес в бенефисы Музиля. Глубокий поклонник дарования Ермоловой, Музиль с теплой сердечностью и правдой играл Нарокова в „Талантах и поклонниках“, где М. Н. создала непревзойденный образ артистки Негиной.

² М. Н. уехала на гастроли в Петербург, где выступала в „Татьяне Репиной“ — 4 января и 8 февраля 1890 г.

Настоящее письмо с исключительной полнотой рисует нравственный облик М. Н. как человека. Случайное недоразумение, происшедшее между нею и Н. И. Музилем, было так ничтожно, что не оставило никакой о себе памяти ни в семействе М. Н. (как завершила меня дочь М. Н., М. Н. Зеленина), ни в семействе Музиля (как подтвердили мне дочери Музиля — народная артистка СССР В. Н. Рыжова и бывшая артистка Малого театра — Е. Н. Музиль). Однако даже ничтожное недоразумение в отношениях к товарищу, случайную „выходку“, великая артистка рассматривает, как свою глубокую вину, и кается в ней, как в большом нравственном преступлении. Подобная моральная строгость к себе отличала М. Н. в течение всей ее работы в театре.

27. И. А. ВСЕВОЛОЖСКОМУ¹

[1890-е гг.]

Ваше превосходительство, многоуважаемый Иван Александрович!

Возвращаю вам с величайшей благодарностью пьесу „Séraphine“, которую вы мне дали прочесть. Это очаровательная комедия. Сколькo в ней ума, иронии, грации: так писать умеют только французы. Она мне страшно понравилась и я бы желала играть ее, только не сейчас. Я еще не привыкла к таким ролям, мне нужно много трудиться над ними. Пусть пройдет года два, тогда я с удовольствием возьмусь за нее.

Еще раз от души благодарю вас за вашу любовь, и, если вспомните еще что-нибудь, прикажите черкнуть кому-нибудь мне словечко.

Искренно уважающая вас и преданная

М. Ермолова.

¹ Иван Александрович Всеволожский (1835—1909) в 1881—1899 гг. был директором императорских театров. Тонкий знаток и любитель балета (по его инициативе, программе и заказу Чайковский написал „Спящую красавицу“ и „Щелкунчика“), Всеволожский менее всего интересовался русской драмой, предпочитая ей французскую комедию. Находя русскую драму (в том числе Островского) вульгарной, Всеволожский поощрял переводы и переделки легких французских комедий, находя, что подобные пьесы причуд русских актеров к „изяществу“ (так, по заказу Всеволожского, П. П. Гнедич „переделал“ на русские нравы комедию П. Вольфа — „Les maris de leur filles“ под заглавием „Брак“). Сам Всеволожский написал пьесу „Марианна Ведель“, поставленную М. Г. Савиной в ее бенефис. Присылкой М. Н. комедию В. Сарду „Séraphine“ Всеволожский имел намерение ввести в репертуар знаменитой артистки элемент французского „изя-

М. Н. Ермолова с сестрами.

Слева—А. Н. Ермолова-Кречетова, в середине—А. Н. Шереметевская

1885

*М. Н. Ермолова в роли Эстрельи
„Звезда Севильи“ Лопе де Вега
1886*

щества“, но встретила отказ М. Н., которая никогда и впоследствии не выступала в пьесе, рекомендованной директором театров. Письмо Всеволодскому относится, вероятно, к началу 1890-х гг., так как „Séraphine“ была поставлена в Михайловском театре в 1892 г.

28. Л. И. АЛЕКСАНДРОВОЙ¹

[1892—1893]

Простите, я откажу вам в вашей просьбе. К сожалению, у меня очень много и на сцене близких мне Мелитт, для которых я ничего не могу сделать. Учить я не умею и не берусь даже своих близких. Определить с одного взгляда таланта тоже не могу. Теперь я бы и своей родной дочери не посоветовала идти на сцену, потому что на роли Мелитты у нас есть 17 человек, из которых одна или 2 играют, а остальные плачут. В настоящее время чтобы идти на сцену, надо или огромный талант, затмевающий все, или огромные связи. Если у вас есть большой талант, то идите в школу, а если нет, то лучше бросьте всякую мысль о том.

Я же ничем помочь вам не могу.

М. Ермолова.

¹ Л. И. Александрова (Ангарова), ставшая впоследствии актрисой, под впечатлением игры М. Н. в роли Сафо в трагедии Грильпарцера „Сафо“ (впервые — в бенефис М. Н. 5 февраля 1892 г.), обратилась к М. Н. с просьбой пройти с нею роль Мелитты в этой трагедии, желая дебютировать в ней в Малом театре. М. Н. ответила отказом, так как не признавала в себе педагогических способностей и никогда никому не давала уроков драматического искусства. Утверждая, что в Малом театре „на роли Мелитты есть семнадцать человек“, М. Н. не преувеличивала: роль Мелитты в 1893—1894-х гг. играла Г. В. Панова, а в труппе театра числилось до десяти молодых артисток, которые могли притязать на эту роль. В сезон 1891—1892 гг., когда поставлена была „Сафо“, та же Панова была занята всего 8 раз. Игравшая молодые роли сестра М. Н. — А. Н. Ермолова-Кречетова была занята еще меньше — 7 раз.

29. М. Н. ЗЕЛЕНИНОЙ¹

[Вторая половина мая 1893 г.]

Ну, Марго, как вы поживаете? Я еще ничего не получала, никаких писем. Как твое здоровье, что ты делаешь?

В Варшаве очень хорошо, чудный город, успех я имела большой и пока все хорошо, только я очень устаю.² Пожа-

луйста, заботься о своем здоровье; помни, что ты еще только начинаешь жить, а больному человеку жить плохо на свете. Надо самой немножко подталкивать себя и, главное, не надеяться на то, что как-нибудь да кой-как, а побольше размышлять над тем, что ты делаешь. Что Анюта? ³ не скучает ли она? Писала ли ты бабушке ⁴ и Анюте? Помни, что эти люди очень любят тебя, надо побольше обращать на них внимания и побольше вносить тепла в свои отношения к ним. Мне скучно без тебя, не знаю, как тебе... У меня гостинница, в которой три балкона в чудный сад, в котором есть каштаны, которые не могут обхватить 3—5 человек. Все каштаны в цвету, пруд с черными и белыми лебедями и повсюду сирень в цвету. Погода немножко свежая. Как-то у вас в вашем замке? Пиши мне все, все: и что думаешь, и что чувствуешь. Поверь мне, что я сумею понять тебя и помочь, если понадобится. Крепко целую тебя.

Твоя мама.

¹ Маргарита Николаевна Шубинская (род. 1877 г.), по мужу Зеленина, — дочь М. Н.

² Весною 1893 г. состоялись гастроли труппы Малого театра в Варшаве.

³ Анна Ивановна Ермолова (род. 1865 г.) — дочь балетного артиста Ивана Алексеевича Ермолова, двоюродная сестра М. Н.

⁴ Бабушка — Александра Ильинична Ермолова (урожденная Зайцева), мать М. Н.

30. Н. И. МУЗИЛЮ

[Сентябрь 1893 г.]

Дорогой Николай Игнатьевич!

Спасибо вам всем за телеграмму, я так была счастлива вчера, услышав, что Леля принята и есть надежда, что примут Варю. ¹ Целую их крепко, крепко, да и вас, если позволите.

Ваша М. Ермолова.

¹ „Леля“ и „Варя“ — дочери Музиля — Елена Николаевна и Варвара Николаевна; по окончании в 1893 г. Театрального училища они были зачислены в труппу Малого театра (с 1 сентября), где Е. Н. Музиль играла до 1911, а В. Н. Музиль, по мужу Рыжова, играет доныне, с 1937 г. нося звание народной артистки СССР.

[Ноябрь 1893 г.]

Дорогой Сергей Антипович,

за что вы так на меня рассердились?!¹ В воскресенье — „Гамлет“; сегодня до бесчувствия репетировали „Орлеанскую деву“; в понедельник опять генеральная репетиция до 6-ти часов, и вдруг во вторник — „Спорный вопрос“!!! Ради бога, уберите его на ту неделю, а то ведь в среду я ног не потащу! Вы всегда меня щадили, пощадите и на этот раз. После, что хотите, только дайте сыграть „Орлеанскую деву“.

Жду вашего ответа

М. Ермолова.

¹ Текущий репертуар Малого театра всецело зависел от главного режиссера Черневского. Письмо М. Н. свидетельствует о непосильной тяжести ее повседневной театральной работы. „Гамлет“ с М. Н. в роли Офелии шел 21 ноября. Одновременно М. Н. была занята в усиленных репетициях „Орлеанской девы“, которая была возобновлена для бенефиса А. Ф. Гельдера, 24 ноября в Большом театре. В пьесе Вл. Александрова „Спорный вопрос“ (впервые — 1 октября 1893 г.) М. Н. играла сильно драматическую роль Агафоновой. Просьба М. Н. на этот раз была исполнена и „Спорный вопрос“ перенесен на другое число.

32. М. Н. СУМБАТОВОЙ¹

[Март 1894 г.]

Спасибо Вам, дорогая Мария Николаевна, за память. Не могу итти; не сердитесь; меня Таманьо² свел с ума и завтра опять пойду его слушать. Я теперь невменяема.

Целую вас.

М. Ермолова.

¹ Мария Николаевна Сумбатова (урожденная Корф) — супруга А. И. Южина (скончалась в 1938 г.); в 1883—1885 гг., под псевдонимом Вронская, играла в Малом театре (Софья в „Горе от ума“ и др. роли).

² Франческо Таманьо — знаменитый итальянский тенор, обладавший феноменальным голосом и крупным драматическим дарованием, пел в марте — апреле 1894 г. в Большом театре, с особым успехом выступая в „Отелло“ Верди.

[Август 1894 г.]

Многоуважаемый Сергей Антипович,

я получила от Карпова просьбу играть роль Званцевой в пьесе „Рай земной“.¹ Я наотрез отказалась, о чем уведомляю вас. Приеду в Москву 16-го.

Желаю всего хорошего, до свиданья.

Жму вашу руку, поклон Сашиньке.

М. Ермолова.

¹ Письмо является одним из свидетельств борьбы, которую М. Н. вела против засилия в Малом театре тех драматургов 1880—1890-х гг., которые, по выражению А. И. Южина, „свели мощный реализм Гоголя и Островского к самой бесцветной обывательщине“ (см. С. Дурьлин, „Островский на сцене Малого театра“, изд. ВТО, Л.—М. 1938, стр. 20). Пьеса Е. П. Карпова (1857—1926) „Рай земной“ принадлежала к числу таких пьес. Она, без участия М. Н., была поставлена в Малом театре 9 сентября 1891 г. и прошла только четыре раза.

34. Г. Н. ФЕДОТОВОЙ¹

[20 января 1895 г.]

Милый дорогой товарищ!

Нет слов благодарить вас за сердечный привет; желаю одного, чтобы наши отношения остались до конца наших дней такими дружескими, какими они были 25 лет.

Ермолова.

¹ Гликерия Николаевна Федотова (1846—1925) — знаменитая артистка Малого театра.

Федотова, подобно своему учителю И. В. Самарину, была исключительным мастером высокой комедии (Беатриче в „Много шума из ничего“, Катарина в „Укрощении строптивой“, Звездинцева в „Плодах просвещения“, Чебоксарова в „Бешеных деньгах“ и др.). Ряд замечательных созданий дала Федотова и в драме (Катерина в „Грозе“, Василиса в „Василисе Мелентьевой“, Марьица в „Каширской старине“ Аверкиева и др.), но в ролях трагических Федотовой, при всем мастерстве, нехватало того огня, той глубины и силы вдохновения, которые были свойственны М. Н.

С первого же появления юной М. Н. на сцене Малого театра — в „Эмили Галотти“ (1870), она самым характером своего дарования, помимо своей воли, уже заявляла неоспоримые права на трагический репертуар, бывший до того в полном обладании Федотовой. „Овечий источник“ в 1876 г. подтвердил законность этих прав Ермоловой даже в глазах театрального начальства, очень к ней не благоволившего.

После „Орлеанской девы“ (1884) уже ни для кого не оставалось сомнений в том, что в лице Ермоловой Россия обладает великой трагической артисткой, единственной по своему гению. Федотова должна была признать это и навсегда уступить первенство в трагических ролях Ермоловой, ограничив себя другим кругом ролей.

В 1880—1890-х гг. Федотова создает ряд умно задуманных и тонко разработанных образов, поставленных в контрастное положение по отношению к главной героине, которую играла Ермолова — ролей „соперниц“ и „антагонисток“. Лучшая роль Федотовой такого плана — королева Елизавета в „Марии Стюарт“. Драматический дуэт М. Н. и Федотовой в таких пьесах, как „Цимбелин“ Шекспира (Ермолова — Имогена, Федотова — королева), „Аррия и Мессалина“ Вильбрандта (Ермолова — Мессалина, Федотова — Аррия), „Северные богатыри“ Ибсена (Ермолова — Дагни, Федотова — Иордис), „Джон Габриэль Боргман“ его же (Ермолова — Элла, Федотова — фру Боргман) и т. д. — этот великолепный дуэт великой трагической артистки и замечательной художницы драмы принадлежит к числу лучших творческих достижений Малого театра за всю его историю.

Питая к Федотовой неизменно дружеские чувства, М. Н. имела счастье возбудить, в конце концов, такие же чувства к себе и со стороны Федотовой, в которой М. Н. всегда ценила замечательного художника и человека большого ума и страстной преданности искусству.

Письмо от 30 января 1895 г. вызвано приветствием, полученным М. Н. от Федотовой по случаю 25-летия деятельности. Федотова находилась в это время в отпуске, гастролируя в провинции.

35. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ

[Конец августа 1895 г.]

Многоуважаемый Сергей Антипович!

Против „Последней жертвы“¹ ничего не имею, очень рада. Будьте любезны, ответьте мне с посланным, когда идет „Родина“ и когда начнутся репетиции, и кто играет отца, пастора и фон Келлера.²

Жму вашу руку

М. Ермолова.

¹ Первый выход М. Н. в сезоне 1895—1896 г. состоялся 1 сентября в одной из лучших ее ролей — Юлии Тугиной в комедии Островского „Последняя жертва“.

² Драма Г. Зудермана „Родина“, в которой М. Н. исполняла роль Магды, впервые поставлена была в Малом театре 15 сентября 1895 г. Для порядков, царивших в казенном театре, характерно, что за три недели до премьеры еще не начинались репетиции пьесы и артистка, игравшая главную роль, не имела еще понятия, с кем ей придется играть. Роль отца — Шварде — исполнял Ф. П. Горев, пастора — А. П. Ленский, фон Келлера — Ф. Ф. Левицкий.

[Зима 1895 — 1896 г.]

Дорогой Алексей Михайлович, меня очень беспокоит одно дело: говорят, суфлер Яковлев² не имеет шубы, и больной ездит в каком-то пальто. У Мюра Мерилиз готовая баранья шуба стоит 65 р. Скажите, пожалуйста, актерам Южину, Рыбакову, Гореву и всем, кто может помочь, не хотят ли они одеть бедного суфлера. Я дам 25 р. Только сейчас же берите с них деньги. И если вы наберете нужную сумму, то я думаю, вы зайдете посмотреть, а может быть купить шубу и пошлете ему. У Мандля можно купить за 50. Вы рассердитесь на меня за эти хлопоты — не думаю, вы добрый человек и не откажете помочь, т. е. похлопотать. Еще Музиля, Максимова бы увидеть.

Жму руку.

М. Ермолова.

Если дело не пойдет, дайте знать.

¹ Алексей Михайлович Кондратьев (1847 — 1913) — один из старейших работников Малого театра, начал там службу в 1862 г., в 1890-х гг. занимал место „помощника режиссера“, позднее был „режиссером“, а с 1901 г. по 1907 г. „главным режиссером“ Малого театра. Типичный режиссер-администратор, Кондратьев лишен был какой бы то ни было художественной инициативы. В эпоху его „главного режиссерства“ Малый театр дошел до полного художественного и материального тупика.

² Федор Петрович Яковлев служил суфлером Малого театра с 1891 г.

[Декабрь 1895 г.]

Добрейший Сергей Антипович,

будьте добры, пришлите мне „Марианну“ для завтра до вечера. Я ее сейчас же pošлю прочесть Ленскому, потому что я не знаю, какую он роль выберет,¹ от этого и зависит распределение ролей. Только пожалуйста пока не говорите никому из актеров, какие есть роли в пьесе во избежание неприятных недоразумений.

Преданная вам

М. Ермолова.

¹ В драме Х. Эчегарайя „Марианна“, шедшей в бенефис М. Н., А. П. Ленский играл роль дон Кастуло. Замечательно глубокое уважение, которое М. Н. питала к таланту Ленского: имея право, как бенефициантка, сама назначить роли актерам, она предварительно посылает бенефисную пьесу Ленскому, предлагая ему выбрать роль по собственному усмотрению.

38. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ

[Конец декабря 1895 г.]

Добрейший Сергей Антипович, я совсем изнемогаю от насморка и кашля. Боюсь сегодня выехать; ни спать, ни дышать не могу, а потому вы извините меня, если я не приеду на репетицию.¹ Прочтите без меня. Завтра пришло вам все роли с распределением. Никулину не буду занимать. Мне хотелось поставить что-нибудь в начале для Лели Музиль и Лизы Садовской, Немирович предложил мне свою „Елку“. Попрошу Горева сыграть мужа, Садовская—жену, Музиль—дочь, горничную—Геня Щепкина. Затем для конца жду один новый водевиль, а если не успею, поставлю что-нибудь старое. Если завтра будет мне лучше, приеду к вам сама.

Уважающая вас

М. Ермолова.

¹ В настоящем и следующих письмах речь идет о готовившемся юбилейном бенефисе Ермоловой. В драме Х. Эчегарайя „Марианна“ роли были распределены так: Марианна—М. Н.; Клара—А. Н. Ермолова-Кречетова; Три니다д—Н. Н. Васильева 2-я; Даниэль Мантия—А. И. Южин; дон Пабло—К. Н. Рыбаков; дон Иоахимо—В. А. Макшеев; дон Кастуло—А. П. Ленский; Лучиано—И. А. Рыжов; Филиппо—А. А. Федотов; Клавдия—В. Н. Рыжова.

В комедии Вл. И. Немировича-Данченко „Елка“ играли роли: Бабикова—Ф. П. Горев, его жены—Е. М. Садовская 2-я, его дочери—Е. Н. Музиль, горничной—Е. П. Щепкина 2-я. В „бытовых“ сценах Н. Тулетова „Троеженец“ в роли помещицы Белагивы выступила Н. М. Медведева (1832—1899), старейшая артистка труппы, в чей бенефис в 1876 г. впервые появилась на сцене Малого театра юная М. Н. В этой же пьесе были заняты молодые актеры—П. М. Садовский (ныне—народный артист СССР) и Н. К. Яковлев (ныне—народный артист РСФСР). М. Н. с особым радушием привлекла к участию в своем спектакле начинающую молодежь, давая ей возможность выступить перед отборной публикой тогдашней Москвы. 19 января 1896 г. в Большом театре состоялось беспрецедентное чествование артистки. „Русская сцена с грандиозной торжественностью и умилительной искренностью, под неумолкаемый гул тысячи голосов и радостные слезы справляла великий свой праздник—четвертьвековой юбилей прекраснейшей своей служительницы. Спектакль 19 января навсегда останется в летописи

нашего театра одною из самых блестящих ее страниц, и она всегда будет говорить, что сцена — высокое и почетное поприще общественного служения“ („Великий пример. К юбилею Е. „Театрал“, 1896, январь, № 54, стр. 67, 74).

39. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ

[2 января 1896 г.]

Добрейший Сергей Антипович.

Сегодня мне лучше кажется, теперь можно сказать, что я начинаю поправляться. Завтра я выйду в другую комнату, 4-го и 5-го выйду на улицу, а с 6-го можно начать репетировать. Я вас все-таки попрошу подождать хлопотать о передвижении бенефиса. Я думаю так: 6-го и 7-го мы репетируем по ролям, для мест. 8-го и 9-го учат роли. Затем, 10-го, 11-го, 12-го, 13-го, 14-го, 15-го, 16-го генеральная. С готовыми ролями 6-ть репетиций довольно. Но это, конечно, мое предположение, вы увидите там, как пойдет. Может быть, даже начнем с 5-го.

Затем, что касается до Рыбакова, Николай Петрович сказал,¹ что нужно только, чтоб была бумага из конторы, что она необходима для дела, и если вы передадите ему эту бумагу, то он поговорит кой с кем, и все уладится. Что касается до 7-го, т. е. „Непогрешимого“, доктор пока морщится, но завтра я его спрошу окончательно и уведомяю вас. Мне бы не хотелось откладывать бенефис; во всяком случае, до получения ответа о Большом театре, вы не будете говорить с Павлом Михайловичем.²

Пока до свидания.

Крепко жму руку и поздравляю вас и Сашиньку³ с Новым годом.

М. Ермолова.

¹ В чем заключалось дело артиста К. Н. Рыбакова (1856 — 1916), совет по которому давал адвокат Н. П. Шубинский, муж М. Н., остается неизвестным.

² Юбилейный спектакль М. Н. состоялся, ввиду огромного числа желяющих присутствовать на нем, в Большом театре. Павел Михайлович Пчельников был управляющим конторой императорских театров.

³ Александра Петровна Щепкина — артистка Малого театра (1877 — 1903), внучка М. С. Щепкина, жена Черневского.

М. Н. Ермолова в роли Марии Стюарт
„Мария Стюарт“ Ф. Шплера
1886

М. Н. Ермолова в роли Сафо

«Сафо» К. Грильпарцера

1892

40. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ

[Январь 1896г.]

Дорогой Сергей Антипович!

Я в полном отчаянии, играть завтра не могу, флюс уменьшился, а увеличился.

Если можно, перенесите „Золото“¹ на воскресенье, а „Темную силу“ на следующее, а то мне очень жаль Немировича, что я лишаю его полного сбора.

М. Ермолова.

¹ Пьеса Вл. И. Немировича-Данченко „Золото“, в которой М. Н. исполняла роль Валентины (преьера — 2 января 1895 г.), была перенесена по желанию артистки на воскресенье 21 января 1896 г. и дала почти полный сбор — 1366 р. В пьесе Шпажинского „Темная сила“ М. Н. не участвовала.

41. В. М. ЛАВРОВУ¹

[6 февраля 1896 г.]

Будьте любезны передать мои приветы и поздравления знаменитому артисту.

Мария Ермолова.

¹ Телеграмма Ермоловой, адресованная издателю „Русской мысли“ В. М. Лаврову (1852 — 1912) в „Эрмитаж“, где происходил банкет в честь знаменитого итальянского трагика Эрнесто Росси (1828 — 1896).

42. П. М. ПЧЕЛЬНИКОВУ

[Сентябрь 1896 г.]

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Позвольте обратиться к вам с покорнейшей просьбой. В этом году мне приходится учить столько новых ролей,¹ и столько тратить на них сил, что я уже просто не в состоянии учить еще старые роли. Вы велели назначить „Непогрешимого“, мы его год не играли, все забыто, будьте так добры, или отмените его или прикажите передать мою роль. Я боюсь, справлюсь ли я с новыми пьесами в нынешнем году, так их много. Надеюсь, что вы посочувствуете мне и не откажете.

С полным уважением

М. Ермолова.

В течение четырех первых месяцев сезона 1896 — 1897 г. М. Н. пришлось выступать в пяти новых ролях („Бесчестные“ Роветта, „Грех попутал“ Щпажинского, „Поздняя любовь“ Островского, „Цена жизни“ Немировича-Данченко, „В новой семье“ Вл. Александрова). В виду сильного переутомления М. Н. протестовала против возобновления комедии Невежина „Непогрешимый“ (роль Настасьи Евграфовны), не шедшей с 4 февраля 1896 г.; тем не менее „Непогрешимый“ с М. Н. был возобновлен, но прошел всего один раз (21 сентября).

43. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ

[Конец декабря 1896 г.]

Многоуважаемый Сергей Антипович!

Очень прошу вас поставить „Родину“ на вторник, также и Горев просит очень об этом.¹ Грешно было бы не сделать для него, в последний раз, такого пустяка. Уверена, что вы не откажете в исполнении нашей общей покорнейшей просьбы.

М. Ермолова.

¹ М. Н. высоко ценила дарование Федора Петровича Горева (1850—1910), бывшего актером Малого театра в 1880—1897 и 1904—1910 гг. В даровании Горева было не мало общего с гением Ермоловой: горячность чувства, способность потрясать зрителя бурным трагическим подъемом; но в то время как вдохновение М. Н. опиралось на прекрасный фундамент высокого мастерства и взыскательного труда, Горев оставался всегда актером случайного порыва, не закрепленного мастерством. В „Родине“ Зудермана (роль полковника Шварце), как и во многих других пьесах — в „Якобитах“ Коппе (Ангус), „Орлеанской деве“ (Лионель и Филипп Добрый), „Звезда Севильи“ (король) и пр., — Горев был любимым партнером М. Н. В 1897 г. благодаря закулисным интригам Горев был переведен в труппу Александринского театра. В последний раз М. Н. играла с Горевым „Родину“ 3 января 1897 г.

44. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ

[Январь 1897 г.]

Будьте так добры, многоуважаемый Сергей Антипович, передать мою роль из „Кумира“ (если он пойдет)¹ кому-нибудь — Нечаевой, Поляковой, одним словом, кого вы только захотите осчастливить этой ролью.

Уверена, что Павел Михайлович и вы исполните мою просьбу.

Жму вашу руку.

М. Ермолова.

¹ Несмотря на решительный отказ М. Н., ей все-таки пришлось играть роль Раневской в слабой пьесе Н. А. Борисова „Кумир“ (премьера — 29 января 1897 г.), шедшей в бенефис К. Н. Рыбакова. Артистки А. Т. Полякова (в Малом театре с 1879 по 1900 г.) и С. М. Нечаева (с 1891 по 1909 г.) дублировали некоторые роли Ермоловой.

45. П. М. ПЧЕЛЬНИКОВУ

[Конец декабря 1897 г.]

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Мне необходимо поговорить с вами о бенефисе, а между тем я играю каждый день и еле жива, сама попасть к вам не могу, и только поэтому пишу вам. Вчера была у вас, но вы только что уехали. Дело вот в чем, добрейший Павел Михайлович, я решительно не в состоянии искать чего-нибудь нового, играть какую-нибудь сильную роль, так я устала в нынешнем году, а потому беру старую пьесу „Тещу“.¹ Я надеюсь, что со смертью Тарновского устраняются все препятствия, а если и были бы какие, то я уверена, что вы поможете мне устранить их. Очень прошу вас, Павел Михайлович, помогите мне в этом. Научите, не надо ли написать директору или Владимиру Петровичу,² или может быть обоим.

Добрейший Павел Михайлович, скажите ответ Сергею Антиповичу — только чтоб он непременно был благоприятным. Это для меня единственный исход. Вы помните, какой успех имела пьеса и как ее хотели видеть. Роль не очень тяжелая для меня, тем более, что впереди еще предстоит Мария Стюарт.

Похлопочите за меня, дорогой Павел Михайлович, если нужно будет, право я стою этого за мою „верную службу“.

Уважающая вас

М. Ермолова.

¹ Драма Ж. Онэ „Теща“ („Serge Panine“) в переводе К. А. Тарновского и Э. Э. Маттерна, с М. Н. в роли Жанны впервые была представлена 24 января 1892 г., в бенефис Н. А. Никулиной, но после первого представления, имевшего большой успех, снята с репертуара. 28 января 1898 г. „Теща“ была поставлена в бенефис М. Н. Ермоловой. 6 февраля 1898 г. была возобновлена „Мария Стюарт“, не шедшая в течение нескольких сезонов.

² В. П. Погожев — управляющий делами дирекции императорских театров.

Милостивая государыня!

Мне очень понравилась пьеса „Ирис“, роль дивная, но увы! — не для меня. Лет 10—15 тому назад я бы еще рискнула потрудиться над ней, так она интересна, но теперь с великим огорчением я должна отказаться от нее, так как у меня нет ни молодости, ни сил для таких ролей. И вообще то она не подходит к ролям моего репертуара, и в молодости я никогда не играла таких ролей, а уж теперь нечего и говорить об этом. Первое условие для этой роли, помимо таланта, молодость и красота.

А роль удивительно хороша. И я с большим огорчением отказываюсь от нее.

М. Ермолова.

47. П. М. ПЧЕЛЬНИКОВУ

[Весною 1898 г.]

Дорогой Павел Михайлович.

Простите мою манеру, во всех затруднительных случаях обращаться к вам письменно. Дело о котором я буду просить вас, настолько серьезно и тяжело для меня, что я предпочитаю писать вам, а не говорить, боясь чересчур сильного волнения. Дело вот в чем. В нынешнем году N кончает школу [....] Все, разумеется, убеждены, что мне „только стоит слово сказать...“ и т. д. и т. дальше. Но вы сами знаете, добрейший Павел Михайлович, что сказать слово можно, а что из него выйдет—это другой вопрос. Вы понимаете, конечно, в чем моя усердная просьба? Надо, чтобы она была принята в Малый театр.

Помогите мне, Павел Михайлович, я вас прошу не во имя справедливости, не во имя ее способностей, я прошу только во имя моего тяжелого труда, моих заслуг, моей жизни, которую я всю посвятила Малому театру. Этого я бы никогда не решилась вам высказать, мне стыдно об этом говорить, и только по такому поводу, я решаюсь об этом писать. Позвольте еще прибавить словами моего „любимого“ автора Вербицкой:¹ „всякая прислуга, прослужившая честно, в праве ждать награды“. Вот этой-то награды я и прошу у вас. Вспомните, я лично для

М. Н. Ермолова в роли Долорес
„Граф де Ризоор“ В. Сарду
1892

М. Н. Ермолова в роли Марии Стюарт
„Мария Шотландская“ Бьернстjerne-Бьернсена
1892

себя никогда ничего не просила, относительно моей службы, вы сами часто удивлялись моему терпению и кротости. Павел Михайлович, я надеюсь на вас, как на каменную стену, вы должны помочь мне. Поговорите с Владимиром Петровичем, с своей стороны я посылаю ему мою просьбу. Повторяю еще раз, что не могу говорить ни с ним, ни с вами об этом. Я не умею говорить спокойно и владеть собой и боюсь разыграть чересчур драматическую сцену.

Только не говорите мне, что из-за меня вы должны кому-нибудь отказать, это будет не награда — а наказание. А надо, чтобы вы оба пришли к такому решению: Наградить артистку Ермолову за каторжный труд, который она несла в продолжении 28 лет.

Больше мне нечего писать, вручаю вам мою судьбу. Говорят, что Владимир Петрович придет на 6-й неделе. Тогда я приду к вам разговаривать.

Уважающая вас

М. Ермолова.

¹ М. Н. иронически именует писательницу А. А. Вербицкую своим „любимым“ автором. Любимыми авторами М. Н. были Шекспир, Шиллер, Пушкин, Диккенс, Тургенев, Додэ.

48. Л. В. СРЕДИНУ¹

[Весна 1898 г.]

Меня судьба преследует. Не могу вас видеть. Тащат меня на-днях в Петербург играть спектакль перед высокопоставленными особами. Голова кругом, ничего не соображу. Ищу пьесу, платья и т. д. Хотела бы крепко обнять вас на прощанье. До свидания. Не говорю: прощайте. Будьте здоровы и не забывайте. Напишу все в Ялту.

М. Ермолова.

¹ Леонид Валентинович Средин (1860—1909) принадлежит к числу тех замечательных людей, которые, не оставив заметного следа в той или иной сфере деятельности (науке, искусстве, политике и т. д.), оставляют глубокий и неисчезающий след в жизни, мыслях и чувствах тех людей, с которыми столкнул их житейский путь. Доктор медицины, начавший с успехом и большим признанием свою медицинскую деятельность в Москве, Л. В. Средин, заболев туберкулезом, должен был переселиться в Ялту и, оставив практику, жить там жизнью тяжело боль-

ного, обреченного на смерть человека. Это умирание растянулось на двадцать лет, — и превратилось в жизнь, полную глубокого смысла и богатейшего содержания. Дом Срединых в Ялте сделался центром общения многих выдающихся людей, заброшенных в силу разных обстоятельств в Крым. О. Л. Книппер-Чехова в своих воспоминаниях о Чехове говорит про Срединых: „У них было всегда так просто и радушно, и все, что бывало в Ялте из мира артистического, литературного и музыкального, — все это посещало всегда Срединых (Горький, Найденов, Аренский, Васнецов, Ермолова)“. В своих письмах к А. М. Горькому Чехов с особой радостью спешит передать ему сочувственные отзывы Средина: „Средин вам кланяется. Мы, т. е. я и Средин, часто говорим о вас. Средин вас любит“. — „Я думал сначала, что фельетон (Горького) мне очень нравится потому, что вы меня хвалите, потом же оказалось, что и Средин и его семья — все от него в восторге“ (М. Горький и Чехов, Переписка, изд. Академии наук, М.-Л. 1937, стр. 46, 54).

Средин сблизился с Горьким и летом 1901 г. ездил к нему в Нижний-Новгород, где Горький жил под надзором полиции. В своих письмах к Средину Горький широко посвящал его в свои труды и дни (письма не изданы). Академик живописи М. В. Нестеров вспоминает: „Какая-то неведомая сила влекла на балкон Средина как ялтинских обывателей, так и заезжих в Крым. Бывало, тянутся люди в гору к дому Ярцева, где проживал медленно угасавший в злой чахотке Средин, объединявший вокруг себя ищущих „правды жизни“. Кто-кто не шел к милтому, спокойному, мудрому Леониду Валентиновичу! Часто бывал там и Горький, любил бывать Чехов. М. Н. Ермолова говорила мне, что она „на срединском балконе отогревается от московской стужи“. Художники Левитан и Виктор Васнецов, Мамин-Сибиряк и Елпатьевский заглядывали туда. Все несли Средину свои думы, заботы, радости и печали, а он всех выслушивал почти молча, и молчание это было „мудрое молчание“. Все знали, чувствовали, что их внимательно слушают, до конца понимают, и уходили с балкона бодрые духом, благодарные“ (М. Нестеров, Памяти Горького, „Огонек“, 1938, № 14).

Человек большого образования, прекрасного художественного вкуса, прогрессивных демократических взглядов, Средин привлекал к себе исключительной сердечностью, талантом общения с людьми, глубоким вниманием и сочувствием к внутреннему миру и творческой работе своих друзей.

Вот почему встреча с ним Ермоловой в Ялте весной 1898 г. должна была неминуемо раскрыть в ней то, что было скрыто от всех других: ее внутреннюю жизнь, ее труды и дни, ее муки творчества.

49. Л. В. СРЕДИНУ

[Лето 1898 г.]

Так как один доктор добывает где-то себе пищу, а другой сидит голодный,¹ то просим его к себе завтракать, а другой, если хочет, чай пить. А если оба голодные, то можем накормить обоих.

М. Ермолова.

Из двух докторов, упоминаемых в письме, один — Л. В. Средин, другой — Александр Николаевич Алексин. Близкий член кружка Срединых, он был знаком с Чеховым, Горьким и другими писателями. В 1902 г. Алексин гостил у Горького, высланного полицией в Арзамас, и Горький писал о нем Чехову: „Славный это парень, как жаль, что вы мало знаете его! Хорошая душа!“ (Горький и Чехов, Переписка, изд. Академии Наук, М.-Л. 1937, стр. 94).

50. Л. В. СРЕДИНУ

(Лето 1898 г.)

Дорогой Леонид Валентинович, не удивляйтесь и не сердитесь. Я уехала в Севастополь. У людей, которые живут не разумом, а чувством, бывают такие неожиданности. Завтра, или послезавтра вернусь. Мне необходимо. Скоро увидимся. До свиданья.

Присмотрите за Маргаритой.¹

М. Ермолова.

¹ Маргарита Николаевна Шубинская — дочь М. Н. Ермоловой, лечилась в Крыму.

51. Л. В. СРЕДИНУ

[2 сентября 1898 г.]

Дорогой Леонид Валентинович, мне так хочется написать вам, хотя вряд ли выйдет толковое письмо, я все еще не могу ни успокоиться, ни опомниться после нынешнего лета. Хотя уже другая жизнь начинает понемногу захватывать меня, но я все еще чувствую себя в том приподнятом, восторженном настроении, в котором я пробыла почти три месяца. Я не знаю даже, как определить это настроение. Да, я пережила еще раз мою юность. Право, это счастье немногим дается. Не боясь быть смешной, потому что я пишу вам, а вы меня поймете, я скажу, что я переживала чувство влюбленности, как ее переживают в 18 лет. Я была влюблена в вас, в природу, в музыку, в вашу личность, в вашу душу, в голос и глаза Алексина, в характер Софьи Петровны, и даже Николай Иванович¹ с его пессимизмом, который чудно гармонировал с этим настроением. Эта вечно-скорбная струна, которая звучала в нем, нисколько не отравляла ничего существования, а только удерживала может быть от излишней

сентиментальности. Она во-время напоминала, что нет ни вечного счастья, ни покоя, что мы люди, а не ангелы, и от этого хорошие моменты чувствовались еще сильнее. Я бывала много раз в Крыму, любила его всегда, и всегда скучала в нем, всегда московские впечатления доминировали над остальными, и я с радостью уезжала в Москву. Теперь, я почти со страхом это говорю, было не так, я почти со слезами уезжала из Крыма... Значит, не одна природа виновата, да и люди—ведь прежде я знавала много людей в Крыму. Все дело в том, что я нашла людей по сердцу. И это такая страшная редкость в нашей жизни, что и теперь я так сильно чувствую, какое редкое счастье выпало мне на долю. Я никого не спрашиваю, зачем, почему, отчего. Я беру жизнь так, как она есть, и смело скажу, что за последние двадцать лет я таких людей не встречала. Я не говорю про отдельные личности, я вообще счастлива в жизни, что я знала хороших людей, и, может быть, если во мне найдется только что-нибудь хорошее, то только благодаря влиянию людей. Сама по себе я человек слабый.

Вот видите, я чувствую, что начинает выходить что-то бесполое, что я куда-то удаляюсь. Но все равно, продолжаю.

Я не хочу вовсе вас хвалить, не бойтесь, да и не за что: разве человек сам себя создает? Да, но вот то, что вы сохранили в себе человека, это меня удивляет и необыкновенно радует. Вы не потеряли себя, не вымотали своей души, несмотря на то, что вы вынесли, а вынесли вы, вероятно, много и сохранили какое-то светлое и теплое отношение ко всему живущему... Мало ли добрых людей на свете, но в вас не одна доброта, а свет, свет, свет! Я не знаю, как лучше выразить. Вся обстановка около вас дышит чистотой, порядочностью и теплом. И недаром к вам тянет, как бабочек на огонь, людей, которые могут еще что-нибудь чувствовать. Может быть наш пессимист прав: мы мало знаем друг друга, мы не знаем жизни один другого, поступков, фактов, да бог с ними, душу-то мы чувствуем! Да, если б вы были в Москве, хороший бы кружок образовался около вас. И еще нет в вас этого вечного нытья, вечного недовольства жизнью, вы с светлой улыбкой несете свой крест!

Целое лето провести так, в вашей атмосфере, это точно очистить себя от грязи, которая выросла и прилипла годами; и потом она нарастет, но этого воспоминания, уже ничто не

в силах убить. Естественно, что и около вас люди хорошие. Я редко встречала таких симпатичных людей, как Алексин. И в нем, несмотря на некоторую безалаберность, есть та высшая порядочность и чистота, которые так привлекают сердца людей. В нем до сих пор сохранился какой-то юношеский блеск, который и светит и греет. Н. И. предсказал, что мы разойдемся и забудем друг друга, не знаю, — знаю только, что у меня очень привязчивый характер. И если меня не забудут, то со мной это вряд ли может быть. И так — вот итог лета, этого не скажешь, да и не напишешь всего, — скажу одно: я была так счастлива, как давно не была. Как жаль, что не знаю, где С. П. Теперь уж очень хороший репертуар в обоих театрах, а потом пожалуй, будет хуже.² Не забывайте меня и не оставляйте Маргариту.

М. Ермолова.

¹ Софья Петровна Средина (1858—1937) — жена Л. В. Средина. В письмах инициалы С. П. — всегда означают С. П. Средину. Ник. Ив. — Николай Иванович Тимковский (1863—1922). Беллетрист чеховской школы, Тимковский много писал для театра. Большинство его комедий и драм шло в Малом театре в 1891—1913 гг. М. Н. Ермолова играла в трех: „Защитник“ (1897 — Елена Николаевна), „Дело жизни“ (1903 — Айна Родионова), „Тень“ (1913 — Вера Черлыгина). В дальнейших письмах Тимковский упоминается: Н. И., Ник. Ив., Тим.

² В сентябре 1898 г. в Малом театре шли „Мария Стюарт“ Шиллера, „Ричард III“ Шекспира, „Волки и овцы“ и „Бешеные деньги“ Островского, „Фромон младший и Рислер старший“ А. Додэ. В Новом театре шли „Ревизор“, „Лес“, „Бедность не порок“, драма В. Сарду „Термидор“

52. М. Н. ЗЕЛЕНИНОЙ

[5 сентября 1898 г.]

Мне бы очень было интересно знать, какая погода в Крыму. Здесь ужас 6 градусов тепла и непрерывный дождик. Наконец я дождалась твоего письма. Как ты не догадалась до сих пор послать телеграмму, здорова ли ты и какая погода? Вчера шла „Мария Стюарт“.¹ Театр в первый раз совсем был полон. Я играла совсем больная. Насилу кончила. Подали венок, я ему обрадовалась, потому что он напомнил мне Крым, где мне было так хорошо. Посылаю листик от наших лавров. Много вызывали. Все мои „дамы“ были на своих местах, включая Анну Николаевну и Ольгу Владимировну.

Не видала до сих пор Серафимы Ивановны, которая еще в Кунцеве. У ней опять беда: Варя упала вместе с качелями, и расшибла, говорят, позвонок.

Варвара Михайловна приходила меня „одевать“, и была очень довольна. Вот пока все новости. Крепко целую тебя и кончаю вечным припевом: береги себя. Рисуешь ли ты? Как бы мне хотелось, чтобы ты докончила Ялту. Клянйся всем, скажи им, что я все еще скучаю по Крыму.

М. Ермолова.

¹ В „Марии Стюарт“, шедшей 4 сентября, М. Н. впервые явилась на сцене в сезон 1898—1899 г. Далее в письме упоминается: сестра М. Н., Анна Николаевна Шереметевская и близкие знакомые: Ольга Владимировна Соколова, Серафима Михайловна Кабанова и Варвара Михайловна Кудрявцева.

53. А. В. СРЕДИНУ

[6 сентября 1898 г.]

Ах, если бы вы знали, как вы меня глубоко обрадовали вашим письмом, и еще больше радости во мне оттого, что мы оба чувствуем то же самое, потому что в этот же день, как я получила ваше, вы, вероятно, читаете мое письмо, которое было написано в порыве горячей симпатии к вам. Я не могла вам не написать: все мое существо требовало этого,— значит, и вы чувствовали то же самое, и заставляете меня переживать еще раз то умиленно-восторженное настроение, которое я переживаю всякий раз, думая о вас.

Ах, как я рада и благодарна не за те похвалы, которыми вы меня осыпали, конечно, а за то, что вы меня поняли. Теперь у меня, что бы со мной ни случилось в жизни, есть какой-то светлый огонек. Какой бы мрак ни надвинулся на меня, я всегда буду знать, что есть для меня утешение в вас, в вашей дружбе,—как бы далеко нас ни раскинула судьба, вы всегда будете мне близки. Хорошо, что вы прислали адрес Софьи Петровны. Завтра постараюсь узнать что-нибудь о ней. Ах, дорогой Леонид Валентинович, спасибо вам.

М. Е.

54. М. Н. ЗЕЛЕНИНОЙ

[Сентябрь 1898 г.]

Я очень рада, что ты пишешь ко мне каждый день, это дает мне возможность не отдаляться от тебя и жить с тобой вместе и мысленно и душевно. Таким образом я почти шаг за шагом вижу твою жизнь. Не скучай, постарайся по крайней мере, знай, что так надо и с этим ничего не поделаешь. Еще не нравится мне, что ты часто устаешь, это тоже конечно зависит от настроения. Да и мне и вообще не хотелось бы прервать эту милую жизнь, которой жили мы все вместе нынешнее лето. Таких людей не скоро найдешь.¹ Это счастье, что нам их бог послал. Получил ли Леонид Валентинович мое письмо, теперь уже два? Мы положительно с ним жили одними мыслями и должно быть в одно время взялись за перо. Поет ли Александр Николаевич или „бабочка забыла летние песни“? Николай Иванович значит, стало быть, не в очень пессимистическом настроении? Ах, какие они все славные! Кланяйся им всем и Михаилу Михайловичу не забудь. Маничку целую. Тебя крепко.

Твоя мама.

¹ Далее упоминаются Л. В. Средин, д-р А. Н. Алексин, Н. И. Тимковский. Михаил Михайлович — молодой человек, бухгалтер, больной туберкулезом, жил у д-ра Л. В. Средина.

55. М. Н. ЗЕЛЕНИНОЙ

[29 сентября 1898 г.]

Я ужасно была рада, получив сейчас твое длинное письмо о Мясоедове.¹ Во-первых, какими бы ты подробностями ни наполняла свои письма, они для меня никогда не могут быть скучными, даже какой бы вздор ты ни писала, а тем более когда ты передаешь такие хорошие впечатления. Я очень рада за тебя! А в особенности за то, что ты перестала бояться людей. Так и надо. Надо искать интереса в людях, а не в самой себе, и тогда жизнь сейчас же получит настоящий здоровый смысл. Только одно мне неприятно, что ты ко всему уж чересчур нервно относишься, слишком много живешь воображением. Это нехорошо, Маргарита, не отдавайся так своим нервам, своим думам. Не развивай в себе слишком фантазии.

Напротив отвлекай себя от нее по возможности. Ты ведь только живешь нервами! Резюме?—При встрече с интересным человеком лихорадка! Например, когда ты чувствуешь, что нервная фантазия овладевает тобой, что ты думаешь, думаешь и развиваешь бесконечные мотивы—возьми и лучше поговори в это время с Маничкой, с Наташей, о пустяках, но только о чем-нибудь реальном! И мне кажется, ты мало гуляешь, все время или рисуешь, или играешь, или читаешь, все время находясь в области фантазии. Серьезно обрати на это внимание! Положи себе известное правило. Это тебя спасет от многого. Например гулять обязательно в известные часы. Затем кроме твоих занятий, возьми какое-нибудь историческое или другое какое сочинение, что тебя больше заинтересует, и положи себе также за правило читать хотя бы полчаса в день. Но непременно сочинение лишенное всякой фантазии. Затем, хоть 10 минут отдай на то, чтоб сделать маленькие выписки из него. Поверь мне: это во-первых отвлечет тебя от разных нервных впечатлений, и наполнит твой мозг здоровой струей знания. Ты например совсем не знаешь естественных наук, а ведь это даже для живописи необходимо знать, хотя немного. Пусть это будет скучно, пусть зевота будет мешать тебе. Не обращай внимания и преодолеешь ее. Гуляй пожалуйста, и, ради бога, ешь больше. Знаешь ли, что В. Я. очень свирепо говорит, что он тебя не будет пускать в театр, если ты будешь так нервничать. А за Мясоедова я страшно рада, поддержи с ним знакомство. А что не познакомилась ты с Чеховым?

Ну, вот, слава богу, и сентябрь кончился, сегодня 29. У нас зима!! Ходим в шубах, снег, гадость такая, что ужас, а ты пишешь, что у вас купаются!!! В субботу у меня были гости, т. е. Петровы, Тимковский, В. Я., Ег. Ив. и дамы играли с Н. И. Serenada Бетховена, но неважно.

Бабушка прихворнула, но знаменитый доктор Зеленин сейчас же вылечил.

Ну, до свиданья, теперь уж скоро бог даст, сравнительно с тем, что ты прожила в Крыму, осталось пустяки. Господь с тобой. Не сердись за мои советы; когда у тебя будут дети, ты тогда поймешь меня. О Юрьеве слышала только, что с успехом сыграл роль в новой пьесе.

¹ Григорий Григорьевич Мясоедов (1835—1911), известный художник-передвижник. Далее упоминаются: В. Я. — доктор Зеленин;

А. П. Чехов; Маничка — М. П. Шубинская; Наташа — ее горничная; Петровы — профессор П. П. Петров и его семья; Ег. Ив. — Е. И. Курочкин, студент медик. Ю. М. Юрьев, ныне народный артист РСФСР, еще учеником театрального училища посещавший дом М. Н., 18 сентября 1898 г. с успехом сыграл роль Николая в пьесе С. А. Шевиль „Загадки жизни“ (Александринский театр).

56. Л. В. СРЕДИНУ

[8 октября 1898 г.]

Хороши вы, Леон. Вал., нечего сказать! Ждала, ждала хоть одной строчки, так и не дождалась. Кажется, терпенье мое лопнуло, и я решила написать ругательное письмо, что, впрочем, советовал и Н. И. Сейчас, конечно, начнутся оправдания: „я был болен“. Ну, да, конечно, по концертам ездить можно, музыкой заниматься можно, гостей принимать можно, а две строчки написать в Москву нельзя. О болезни вашей я подробно знаю, почта у меня аккуратная, да и то уж не очень страшно, а теперь вам уж гораздо лучше.

Вот вам, дорогой Л. В. Играю, учу роли, устаю,¹ жизнь вошла в свою колею, а Бетховен лежит на полке в изящных зеленых переплетах.² Хорошо было летом. А теперь я мерзну, леденю. Зима, холод, снег, бездорожье, ужасная гадость. Потрудитесь прислать мне ваш портрет. А потом, с Маргаритой, пришлите непременно группы. Крепко, крепко жму вашу руку.

М. Е.

¹ С начала сезона до 7 октября М. Н. Ермолова выступала девять раз: 3 раза в „Мэри Стюарт“ и по одному разу в „Ричарде III“, „Поздней любви“ Островского, „Цене жизни“ Вл. Немировича-Данченко, „Защитнике“ Тимковского, „Полоцком разореньи“ А. Амфитеатрова и в драме Ж. Онэ „Теща“.

² М. Н. чувствовала особую любовь к музыке. К числу ее любимых композиторов принадлежали Моцарт, Шуберт, Мендельсон, Шопен, но исключительную любовью Ермоловой пользовался Бетховен.

57. М. Н. ЗЕЛЕНИНОЙ

[Октябрь, 1898 г.]

Ах, милая Маргарита, я уж теперь окунулась в море театральной жизни и плаваю, только не могу сказать, как

рыба в воде. Вода эта слишком мутна. Начались репетиции „Мирской вдовы“, играю, учу роль; „Мария Стюарт“ все производит фурор; в ноябре пойдет „Орлеанская дева“. И вообще, я теперь из театра не буду выходить. Ужасно была довольна: смотрела у Корша „Измаил“. ¹ Такое интересное представление, очень хорошо играют. Тут и Суворов и Потемкин. Вчера праздновали папино рождение! Ах да, Вас. Як. ужасно огорчен и напуган, потому что я ему сказала: „Ну теперь вам достанется!“ Ты пожалуйста с ним помягче, он ужасно мил, и я его все больше и больше люблю. Я ему сказала: „я получила свирепое письмо по вашему адресу“. — Он спросил — „а есть сильные выражения в письме?“ — Я говорю: „из деликатности не передаю“. Он бывает довольно часто. В следующую субботу — очень жалею, что вас не будет — будет играть сама *Viole d'amour!!!* ² Говорит, что ему все говорили, что подобной игры они еще в жизни не слышали. Скажи Маничке, что на субботах погибаю без нее! Вчера Варя Кудрявцева разливала чай! Напиши же Варе наконец! Затем жду вас с нетерпением, ради бога не простудитесь. Скажи Средину, что я на него страшно сердита, мне давно хочется ему написать, но я выдерживаю характер.

Всех целую.

Мама.

¹ „Мирская вдова“ — драма из крестьянской жизни“ Е. П. Карпова, была представлена в Малом театре 21 октября и прошла всего четыре раза. М. Н. Ермолова исполняла в ней роль Ульяны, „крестьянской вдовы“, преследуемой кабатчиком Улыбиным. „Измаил“, историческая драма в 5 действиях, М. И. Бухарина, шла в театре Ф. А. Корша с Н. В. Светловым в главной роли Суворова.

² Доктор В. Я. Зеленин — жених Марии Николаевны Шубинской. Г. Н. Домре — скрипач оркестра Большого театра (с 1882 г.), игравший на старинном инструменте *viola d'amore*.

58. М. Н. ЗЕЛЕНИНОЙ

[Октябрь 1898 г.]

Что это за странное письмо я сейчас получила от тебя? На двух оторванных листках, написано одно и то же, а начала как будто нет? Да, несравненный *viole* играл и очень недурно, он сделал такие успехи, что его прямо приятно слушать. Инструмент действительно у него чудный — и если никто

не плакал, то по крайней мере никто не возмущался. У нас с погодой что-то небывалое! Нельзя описать эту гадость! После холода настали туманы, дождь и тьма. В комнатах ничего не видно! Всеми начинает овладевать какое-то отчаяние. Все кашляют, чихают, сморкаются. Одним словом апофеоз всяких гадостей! Даже в театр никуда не хочется ехать, страшно выдти на улицу, а потому ложусь спать в 10, а иногда в 9 ч. Вчера вдруг явился Модест Ильич,¹ ужасно ему хотелось поиграть в 4 руки да нужно было куда-то обедать. Велели непременно разыграть симфонию Шуберта C-dur и H-moll. Затем меня интересует вопрос, присылать ли тебе шубу? Я думаю, все-таки послать. Если придется ехать на лошадях, то ради бога поищите ландо. Пока до свиданья. Крепко целую. Поклон Маничке.

¹ Модест Ильич Чайковский (1850 — 1916) — известный драматург, брат и биограф композитора.

59. А. В. СРЕДИНУ

[28 октября 1898 г.]

Дорогой Л. В., я сейчас нахожусь в торжественно-беспокойном настроении по поводу завтрашнего представления „Орлеанской девы“. ¹ Не хочется никого видеть, ни заниматься, а хочется только побеседовать с вами. Посреди этого нервного угара, в котором я нахожусь теперь, вы для меня представляете светлый и тихий уголок, где я могу на минутку свободно отдохнуть. Во-первых, спасибо за ваше письмо, я очень ему обрадовалась, и согласна на будущее время ждать подолгу, если они будут такие же хорошие и длинные. Вот одного я не понимаю. Почему не писать, когда находишься в дурном настроении? Тут-то и писать. Как приятно свалить всю тяжесть своего настроения на кого-нибудь другого, конечно, сочувствующего человека. Тяжесть, какая бы ни была, разделится пополам, всегда легче!

Ваши письма так последовательны, так вижу вас всегда в них... А мои? Увы! Ни в мыслях, ни в поступках — никогда никакой логики. Хочется написать одно, сейчас это „одно“ загоразживается другим, мысль исчезает, является другая, но все равно: вы поймете. Вы понимаете, что мною руководит одно желание — видеть вас, говорить с вами,

а если нельзя — писать вам. Это все из области впечатлений и ощущений, а теперь из действительной жизни.

Во-первых: Тимковский написал пьесу... Да какую! Теперь я совершенно понимаю его пессимизм, его мрачный взгляд на многое. Чтобы выносить в душе такое чудовище по силе, надо много пережить тяжелого! Пьеса называется „Преступление“. Одно название дает вам понять, что это трагедия. Надо только изумляться, откуда у него эта страшная сила положений и лиц. Даже, пожалуй, слишком она сильна, для теперешнего нервного зрителя. Его „Защитник“ — игрушка в сравнении с этой.² Раньше будущего года она не пойдет. Во-вторых, мы сыграли „Мирскую вдову“, я старалась добросовестно пахать на живой лошади, говорить „чаво“ и „ничаво“, но „ничаво из эстого не вышло“. Теперь репетируем „Счастье в уголке“ Зудермана. Эта пьеса хорошая. Если захотите прочесть, — я вам ее вышлю. Это — все-таки отдых для души. Теперь почти не выхожу из театра, сильно скучаю без четырех рук, не могу никого найти. Иногда по субботам играю с сестрами.³ Жду своих. Маргарита кажется совсем истомилась. Жду их с нетерпением, хотя и боюсь — у нас все погода очень скверная. Теперь по крайней мере стало холодно и нет слякоти.

Жду с нетерпением открытия Мамонтовского театра, все никак не могут открыть!⁴ Не надо ли вам чего, каких-нибудь нот, книг? Напишите. Я ужасно буду рада что-нибудь сделать для вас. Ну, не забывайте и не заставляйте меня писать вам ругательные письма. Если увидите Алексина, скажите, что я от всей души благодарю за букву ять.⁵ Крепко жму вашу руку, дорогой мой.

М. Е.

¹ Письмо послано накануне представления „драматической поэмы“ Фр. Шиллера „Орлеанская дева“, возобновленной после перерыва в два сезона (1896—1897, 1897—1898).

² Пьеса Тимковского „Преступление“ не была допущена на сцену „императорских“ театров. Другая его пьеса „Защитник“ была поставлена на сцене Малого театра 26 сентября 1897 г. М. Н. Ермолова играла в пьесе роль Елены, жены присяжного поверенного („Защитника“), Михайлова (А. П. Ленский), „честного идеалиста“, борющегося с темными дельцами, желающими завладеть чужим состоянием. Комедия Г. Зудермана „Счастье в уголке“ была представлена в первый раз 8 ноября, в бенефис А. П. Ленского с Ермоловой в роли Елизаветы.

³ Субботние свободные вечера М. Н. Ермолова отдавала классической музыке, играя в четыре руки со своими сестрами — А. Н. Шереметевской и А. Н. Ермоловой-Кречетовой.

⁴ „Мамонтовский театр“ — театр русской оперы (в нынешнем помещении филиала Большого театра), основанный в 1896 г. и руководимый С. И. Мамонтовым (1846—1918). „Мамонтов, меценатства в области оперы, дал могучий толчок культуре русского оперного дела. Он показал нам ряд прекрасных оперных постановок своей режиссерской работы“ (Станиславский, Моя жизнь в искусстве, изд. 3, М.-Л. 1931, стр. 134).

⁵ Доктор А. Н. Алексин, не признававший буквы ять, стал употреблять эту букву в письмах к М. Н., придерживавшейся гrotовской орфографии.

60. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ

[Конец октября 1898 г.]

Дорогой Сергей Антипович. Я только потому и согласилась играть 2 раза, что вы поставили „Позднюю любовь“, в которой роль моя тихая, без криков... А в „Полоцком разорении“ я могу прямо скричать голос. Это бы мне не хотелось, ввиду новой пьесы. „Мирская вдова“ тоже много кричит. Так что согласитесь сами: два дня подряд кричать, день отдыха—затем генеральная репетиция—тот же спектакль, значит тоже 2 дня подряд. Нет, пожалуйста, оставьте „Позднюю любовь“, а „Разорение“ в какой-нибудь ближайший праздник. Дайте мне только сыграть „Счастье в уголке“.¹

Уважающая вас

М. Ермолова.

¹ Репертуар начала ноября 1898 г. сложился по желанию М. Н. 1 ноября шла „Поздняя любовь“, 2-го — „Мирская вдова“, 5-го — „Счастье в уголке“. Драма А. В. Амфитеатрова „Полоцкое разоренье“ с М. Н. в роли Рогнеды была перенесена на 25 ноября.

61. Л. В. СРЕДИНУ

[13 ноября 1898 г.]

Дорогой мой Л. В., если бы вы знали, какое удовольствие доставили мне ваши портреты и наши группы. Опять повеяло чудным крымским летом в нашу беспросветную московскую тьму. Вы нездоровы, хандрите? Слушайте. Надо быть здоровым во что бы то ни стало. А для этого надо быть терпеливым и благоразумным. Не сердитесь! Или сердитесь, как хотите, но я скажу, что хочу. Воля и энергия прогоняют и не такие

«болезни, только надо себе сказать: я хочу! Бросьте свою хандру, ну, ее к чорту! Каково выражение для Орлеанской девы?.. Исполняйте беспрекословно, что надо. Говорят—бросить курить: бросьте. Когда будете очень злиться и раздражаться, отвернитесь в сторону, и потихоньку разбейте что-нибудь, сейчас мрачное настроение рассеется. Боритесь с собой! Вообразите, что вы актер. У вас на сердце скребут кошки, а вы должны улыбаться,—и тут так же. Вам не позволяют что-нибудь, а вам до смерти хочется это сделать, а вы вообразите, что вам выходить на сцену, и этого сделать нельзя ни под каким видом, и желанье потихоньку затихнет. Вы должны побороть себя, и вы поборете свою болезнь. Простите за то, что я вам тут нагородила. Мною руководит только одно горячее желанье, чтобы вы были здоровы и веселы. Если вы рассердитесь на меня—я пропала, если хоть раз улыбнетесь—я спасена! На-днях вышлю вам книжку, соч. Садовского;¹ если не читали, посмейтесь: есть милые рассказы, в особенности „Высокое призвание“, где вы в конце увидите, во-первых, Островского, потом Писемского немножко, затем Юрьева и Чаева.

Я варюсь в котле. Сыграли еще „Счастье в уголке“ Зудермана. Ах, если б было у нас волшебное зеркало, в котором я бы увидела вас. Ну, до свидания пока. Спасибо за Маргариту, за все!

М. Е.

¹ „Рассказы“ арт. Малого театра М. П. Садовского (1847 — 1910), М.1890.

² В рассказе „Высокое призвание“ речь идет о некоем учителе математики Струеве, который обходит всех известных драматических писателей с докучными просьбами научить его писать пьесы.

62. Л. В. СРЕДИНУ¹

[1 декабря 1898 г.]

Нет, дорогой Л. В., никаких громов над вами не собиралось, потому что меня беспокоила мысль о вашем здоровье. Я только что собиралась послать вам телеграмму, узнать о здоровье, как получила ваше письмо. По настроению оно мне понравилось лучше других, как будто сквозь тяжелые, серые тучи проглядывает кое-где голубое небо. Оно полно меланхолии, но не тоскливой, не вагнеровской, а бетховенской, грустной и нежной и более светлой. Нагоняй вам будет, но совсем за дру-

гое. Гром ударит, откуда вы совсем не ожидаете. За „Орлеанскую деву“. Только я еще не знаю:

С чего начать, как сочетать слова,
Чтоб умилить, не упрекая, вас!

И в этом письме я еще ничего не напишу, кроме того, что вы чувствуете так глубоко Бетховена и не чувствуете Орлеанской девы!.. Да, именно недостаточно ее чувствуете, вы, горячий эстетик и поклонник всего прекрасного! Это для меня пока непонятно. Впрочем нет, я немножко понимаю, откуда дует ветер! И вот, погодите, соберусь с духом и напишу специальное письмо об Орлеанской деве. Тогда трепещите! Хотя вы и пишете, что она дивно хороша, но холодна... Вот этого-то вы и не должны говорить! Во всей всемирной истории нет образа чище и светлее Жанны д'Арк, и никто лучше Шиллера не понял ее. Вы не сердитесь на меня за мою болтовню, мне право так хочется развлечь вас хоть немножко. Ну, будет пока о Жанне д'Арк, еще у меня недостаточно матерьяла собрано для ее „обращения“. Ах, если бы эти кусочки голубого неба все больше и больше увеличивались и разогнали бы мрачные тучи!

Но вы не можете себе представить, где мы живем! Вот четвертый месяц мы изображаем из себя лягушек на дне болота, мы забыли, какого цвета бывает небо и солнце, мы пропитались сыростью, как губки, нет ни зимы, ни холода, а что-то совсем невероятное!

Я даже второй раз с насморком, это небывалое! Маргарита здорова, все кругом нездоровы. Это ужас, я вам скажу. И только театр спасает и развлекает от этого мрака. Я познакомилась с Шаляпиным,² пока впечатление сомнительное, не знаю, что будет дальше. У нас, вероятно от погоды, люди начинают беситься и с ума сходят от „Моцарта и Сальери“ Римского-Корсакова, я слушала и чуть не плакала от злости. Музыка и в помине нет, все время декламация, и единственный вздох облегчения, это когда слепой музыкант играет из Моцарта! Шаляпин хорош в Сальери, но не удивителен. Наконец, у меня рука заболела. Негде больше писать. До свиданья, дорогой друг мой!

М. Ермолова.

¹ Это и следующие письма представляют единственные высказывания Ермоловой об „Орлеанской деве“, с которою навсегда связано ее имя в истории русского театра. М. Н. Ермолова с первых шагов своих на сцене (1870)

была пленена мечтой сыграть Иоанну. В 1883 г., 29 января, М. Н. выступила в прологе к трагедии, а в следующем году, в тот же самый день, сыграла всю трагедию в свой бенефис. Дирекция была так уверена в том, что „Орлеанская дева“ не может иметь успеха на сцене, а М. Н. не в силах будет создать Иоанну, что для спектакля не было написано ни одной новой декорации и не шито ни одного нового костюма. На деле же „Орлеанская дева“ имела успех необычайный: в виду исключительного наплыва зрителей представления этой трагедии переносились на сцену Большого театра. (О М. Н. в „Орлеанской деве“ см.: С. Дурылин, Ермолова, „30 дней“, 1938, № 3).

² Ф. И. Шаляпин (1873 — 1938), с 1896 г. пел на сцене частной оперы С. И. Мамонтова. „Моцарт и Сальери“, драматические сцены в 2 картинах, музыка Н. А. Римского-Корсакова, были впервые поставлены в опере Мамонтова в 1898 г. Шаляпиным в партии Сальери. Для Ермоловой, страстной приверженицы светлых гармоний Моцарта и трагического мелоса Бетховена, сухая декламационно-речитативная иллюстрация Римского-Корсакова к трагедии Пушкина (любимого поэта Ермоловой) казалась явлением антимузыкальным.

63. Л. В. СРЕДИНУ

[Декабрь 1898 г.]

Дорогой Л. В., прочтите пожалуйста эту книгу, не обращайтесь внимания на то, что она как будто немножко детская.¹ Вряд ли этот очевидец и современник Жанны д'Арк существовал на самом деле, но все остальное ни на иоту не отступает от истории. Марк Твэн так трогательно и просто нарисовал этот образ святой мученицы, что перед вами как будто вчера произошли все события. Я знаю, что книга должна вам понравиться. С. П. с удовольствием прочтет вам ее вслух. Только когда вы будете читать ее, забудьте на время, что у вас есть друзья вроде Чехова, Мирова² и даже Ник. Ив. Я чувствую, что это их влияние заразило вас скептицизмом, пессимизмом и всем подобным. Но, к счастью, вы все-таки сильнее их и этой заразы. В вашей душе звучат струны, которых нет у этих честных, умных, но... близоруких людей. Сегодня получила письмо от С. П. Крепко целую ее за него, буду отвечать. Очень рада, что вас немножко развлекли рассказы Садовского. Неужели не понравилось „Высокое призвание“? А по-моему недурно.

М. Ермолова.

¹ М. Н. Ермолова имеет в виду роман Марка Твэна — „Жанна д'Арк, воспоминания ее пажа“, несколько раз издававшийся в русском переводе.

² „Мирова“ — В. С. Миролубов, оперный артист, певший в 1892 — 1897 гг.

М. Н. Ермолова в роли Евлалии
„Невольницы“ Островского
1895

М. Н. Ермолова в роли Магды
„Родина“ Г. Зудермана
1895

в Большом театре под псевдонимом „Миров“. В 1898 — 1906 гг. Мирюлюбов был редактором-издателем ежемесячника „Журнал для всех“.

64. А. М. КОНДРАТЬЕВУ

[Конец 1898 г. — начало 1899 г.]

Дорогой Алексей Михайлович, вчера был у меня из Твери нотариус Лебедев и просил поскорей дать им ответ, чтоб выпустить анонс.¹ Вы вероятно знаете, что они соглашаются на то, чтоб дать 800 р. Что же касается дороги, он говорит, что весь остаток за покрытием расходов, они отдадут нам, хотя сумму назвать не могут. Относительно множества лиц в пьесе, можно, мне кажется, сделать так:

Худолеев	Гремячев
	Калымов
Кашкарова	Марфа
	Калымова
Е. Музиль	Степанида

и обе дамы из последнего акта.

Так как Садовский не едет, то нельзя ли Яковлева Н. К.? Они жаждут выпустить поскорей анонс, пошлите им, а может быть вы уже послали ответ?

Жму вашу руку

М. Ермолова.

¹ В письме идет речь о выездном спектакле Малого театра, для которого шла новая драма Шпагинского „Две судьбы“, имевшая, благодаря исполнению М. Н. роли Поветовой, крупный успех в сезоне 1898 — 1899 г. (21 представление). Распределяя роли в выездном спектакле, М. Н. назначает И. Н. Худолееву, кроме всегда исполнявшейся им роли Калымова, еще роль Гремячева; Э. Н. Кашкаровой, не занятой в пьесе, М. Н. назначает две роли — Марфы и Калымовой; Е. Н. Музиль, кроме своей обычной роли Степаниды, получает еще две выходные роли. Роль Авессаломова, исполнявшаяся М. П. Садовским, переходит к Н. К. Яковлеву, не участвовавшему в спектакле Малого театра.

65. Н. И. МУЗИЛЮ

[Январь 1898 г.]

Дорогой Николай Игнатъевич, милый, простите, что вас беспокою, но если возможно, зайдите вечером в театр. Я уж

теперь ничего не понимаю, что же мы делаем Над. Мих.?¹ Теперь говорят о том, что можно сейчас назвать одну койку ее именем... а что же делать с подпиской?

Успеют ли сделать какой-нибудь ремонт? Я в страшном волнении. Ждала нынче Солдатенкова, он не приехал, значит денег, кроме наших, нет.

М. Ермолова.

¹ М. Н. озабочена организацией актерского отклика на 50-летний юбилей Надежды Михайловны Медведевой, старшей артистки Малого театра (1848 — 1899). В убежище для престарелых актеров предполагалось ко дню юбилея произвести капитальный ремонт. В актерских мероприятиях обещал принять участие, но не принял миллионер-меценат К. Т. Солдатенков.

66. А. В. СРЕДИНУ

[10 января 1899 г.]

Дорогой Леонид Валентинович, я так обрадовалась вчера, увидав вашего брата, он все-таки очень напоминает вас.¹ У нас вечером были гости и он пришел. Я увидела вашу улыбку. Поэтому заговорила с ним, как со старым знакомым. Был Мясоедов с сыном, разговор все время шел о живописи.² Я по обыкновению горячилась и сразу напала на вашего брата за немножко декадентские вкусы, но только немножко. Я уже соскучилась, не имея от вас сведений две недели, но он утешил меня, сказав, что три дня тому получил от вас письмо, что вы чувствуете себя лучше. Ах, если бы Крым придвинуть к Москве!!! Я посылала вам телеграмму перед праздниками, т. е. в Новый год, за которую мне немного стыдно теперь, но я была все время довольно в возбужденном состоянии, теперь это прошло. Поправился ли Алексин? Не слыхали ли? По поводу Н. И. Тимковского пока еще ничего не могу сказать. Есть слухи, что комитетом сильно недовольны, а потому у нас есть надежды. Разговору много идет о пьесе, но по-моему надо ее скорее напечатать, чтобы все могли ее прочесть, и тогда шуму будет еще больше. Вообще — будем стараться, как только можно. Только я на себя никогда ни в чем не надеюсь. И пожалуйста, не думайте, что это фраза. Это глубокое убеждение, выработанное горьким опытом. Дорогой мой, это я вам так все пишу наскоро, без всяких вопросов и психологии. Я только соскучилась о вас,

хотя время теперь не видишь. У нас юбилей Медведевой на носу.³ Ну, пока до свиданья, крепко жму вашу руку.

М. Ермолова.

¹ Александр Валентинович Средин (род. 1872 г.) — известный художник.

² Мясоедов Григорий Григорьевич (1835—1911) — известный художник-передвижник. Его сын Иван Григорьевич (род. 1881) был в 1899 г. учеником московского Училища живописи.

³ Надежда Михайловна Медведева (1831—1899) — знаменитая артистка Малого театра. По желанию Медведевой в ее бенефис 16-летней „воспитанница Ермолова“ вышла впервые на сцену в роли Эмили Галотти, 30 января 1870 г. В бенефисном спектакле Н. М. Медведевой, по случаю 50-летия ее сценической деятельности (20 января 1899, Большой театр) в трагедии А. К. Толстого „Царь Борис“ бенефициантка исполняла роль Марии Нагой, М. Н. Ермолова играла царицу Ирину.

67. Л. В. СРЕДИНУ

[25 февраля 1899 г.]

Дорогой Л. В., вы правы, почти во всем правы! Как я рада получить от вас письмо, в котором мне досталось, и в этом правы! Итак, чтобы покончить с „Девой“, скажу: конечно, „Мария Стюарт“ сильнее и выше, как драма, несомненно! „Дева“ не столько драма, как лирическая поэма дивной красоты, за исключением 1-го акта, который построен удивительно в смысле драмы. Как лирическая поэма, она требует именно такого стиля, и несомненно, что все действующие лица говорят языком, которым на земле не говорят. Но все это не мешает быть этому произведению великим. Да, оно приподнято от земли, это правда, но не на ходулях, а на крыльях поэзии, если можно так выразиться. Я понимаю теперь, что бы вы от нее хотели, — более простого и живого лица, но Шиллер очевидно имел в виду то, что случилось теперь: для всей Франции — она святая! Да и действительно, нет образа святых и чище! Следовательно, мы только немножко расходимся во взглядах на произведение. Вы, конечно, простите, что я с чисто женской горячностью напала на вас и обвинила вас в подчинении чужому влиянию! С удовольствием беру назад это обвинение.

Дорогой мой, вы правы и в том, что опера Римского-Корсакова есть сапоги всмятку. Лучше выражения не подберешь. И как бы вы ни старались углубиться в нее, кроме

холодных идей, то-есть „музыки, проверенной алгеброй“, по выражению Сальери, вы в ней ничего не найдете. Это все контрапункт, а ведь Римский-Корсаков несомненный талант... сам себя загубивший этими новыми, проклятыми теориями. Вот „Борис Годунов“,¹ по моему, опять тот же контрапункт, те же холодные идеи, то же отсутствие музыки, но еще вдобавок, отсутствие таланта. Мы с Шаляпиным чуть не подрались, когда он мне доказывал, что музыка „Бориса“ так велика, что в ней видны проселочные дороги! Как вы скажете? По-моему, это падение, если в музыке слышны проселочные дороги и топот лошадей. Шаляпин в Борисе хорош. Но и только. Думаю, что Корсов играл не хуже. Опять вы правы. Разница только та между ними, что у Шаляпина при этом чудный голос, какого никогда не было у Корсова; думаю, что также и в „Юдифи“. Я не видела Шаляпина, но слышала от многих, что Корсов был не хуже. Шаляпин уже отказался петь „Юдифь“, находя, что она слишком высока.

Милый мой друг, как мне приятно, что вы вспомнили обо мне в день вашего рождения! Да, как мне жаль, что я этого не знала. Все равно, дух мой присутствует с вами всегда, когда вы обо мне вспоминаете, а я верю вам безусловно, что это бывает часто. Не смущайтесь, пожалуйста мыслью, что вы редко пишете мне, я не хочу, чтобы это было для вас обязанностью, а только, когда придет желание. В вашей дружбе я уверена, как и вы в моей, конечно... Слишком уж много у нас точек соприкосновения. Что касается ваших нападок на меня относительно репертуара, опять во многом вы правы.² Будь на моем месте более сильный, энергичный человек, он бы много мог сделать, хотя не все. Не забывайте, что это „казенное“ учреждение, а я... ну, про себя скажу одно только, что кроме таланта, во мне ничего нет хорошего. Ну, как-нибудь об этом побольше поговорим, я уж всю бумагу исписала. Дай бог в новом году увидеть мне вас здоровым, это пока самое горячее желание, а остальное все будет хорошо. Я уверена, что и в новом году вы меня не забудете, как и вы для меня всю жизнь будете дорогим, светлым человеком.

Ваша всегда. Поцелуйте С. П.

М. Ермолова.

¹ „Борис Годунов“ М. П. Мусоргского был поставлен в Москве в первый раз на сцене Большого театра 16 декабря 1888 г. с Б. Б. Кор-

совым (1845—1920) в роли Бориса. Но только постановка „Бориса Годунова“ в опере Мамонтова (1898) с Ф. И. Шаляпиным в партии Бориса доставила длительный успех „Годунову“.

² Репертуар Малого театра в конце 90-х гг. был перегружен плохими изделиями драматургов эпохи упадка буржуазного театра. Принимая на себя упреки Средина в том, что она не влияет на репертуар Малого театра, Ермолова писала ему в точности то самое, что в 1916 г. повторила Н. Е. Эфросу: „В меня много вложил бог, но не дал воли. И оттого я ничего не сделала для театра, была только актрисой. Если бы умела бороться, отстаивать свои идеи, взгляды на театр, может быть и сделала бы что-нибудь для Малого театра, не дала бы ему, хотя отчасти, дойти до того, до чего он дошел. Но не было у меня никогда воли“ („М. Н. Ермолова“, сборник, из-во „Светозар“, Л. 1925, стр. 104).

68. Л. В. СРЕДИНУ

[Вторая половина февраля—начало марта 1899 г.]

Дорогой Леонид Валентинович! Пользуюсь случаем послать вам наскоро весточку. Моя хорошая приятельница Серафима Ивановна Кабанова¹ едет в Ялту. Если она к вам зайдет, примите ее ласково. Она хороший человек, как сами увидите, оригинальный, из русских самородков. Я еще все сижу на месте и не знаю, когда мы поедем. Доктор ждет, когда спадет температура, и мы все ждем. Неприятная история, о которой я вам писала, кончилась очень приятно, так что гора с плеч свалилась. Теперь только начинаю отдыхать. Есть в Крыму „Русская мысль“? Если есть за нынешний январь, прочтите „Момент“ Ожешковой. Болезнь Маргариты идет измором каким-то, то 37,3—37,5, меняется постоянно. Скучно что-то. Не думайте, что я скоро приеду, а лучше пишите. Спасибо за письмо, которое вы прислали, пополам с С. П. Крепко ее целую.

Жму вашу руку. Всегда ваша

М. Е.

¹ Серафима Ивановна Кабанова — старообрядка из купеческой семьи, торговавшей в Москве надгробными памятниками, долгие годы была дружна с М. Н. Ее знанием старообрядческого быта М. Н. воспользовалась для роли миллионерши-раскольницы Бурмистровой в комедии П. Д. Боборыкина „С бою“ (премьера — 29 ноября 1887 г.).

69. Л. В. СРЕДИНУ

[16 марта 1899 г.]

Дорогой Л. В., мне надоело писать вам о том, что может быть мы скоро увидимся. Это „может быть“ так меня раз-

дражает, что я не хочу даже и думать об этом „может быть“. Доктора все оттягивают наш отъезд, повидимому, да и кстати: теперь у вас бури... Итак, оставим это „может быть“. Мне хочется просто поговорить о солнце, о весне, о белых цветах, о голубых птицах. Анна Ник.¹ своим приездом сразу вызвала все эти воспоминания... Знаете, даже страшно: так хорошо было, что даже страшно подумать, будет ли так же хорошо! Сознаться, что и вы немножко думали о том же, когда писали мне, что вместо прежнего, я найду вас может быть разбитого, усталого и т. д. Дорогой мой, да не все ли равно мне, насколько вы изменились физически, лишь бы душа ваша осталась все та же... то есть, вы понимаете, конечно, что мне это все равно для себя, а для вас я бы хотела, конечно, чтобы вы были бодры и веселы, как в 18 лет. Дорогая маменька, Соф. Петр., вы право можете подумать, что я влюблена в вашего мужа. Каюсь, немножко есть. Это уж свойство моей природы—влюбляться во все прекрасное, будь это человек, книга, картина, опера, или симфония. И как я довольна этим свойством, если б вы знали!.. Ну-с, отвледемся в сторону. Теперь пойдет тон серьезный. Вчера в концерте В. А. Морозовой познакомилась с Эртелем.² Ничего, на первый раз, симпатичный. Конечно, зашел разговор о Крыме, и конечно—о вас... Вас не знает, но „много слышал“. Знает и очень любит вашу мать. Это знакомство принадлежит к Олеизской научной области.³ Тут и Мар. Ив., и Ан. Вас. и новый журнал Водовозовой „Начало“. Хотите прочитать, вышлю вам книжку. Потом вот еще: читали вы, „Тартарен из Тараскона“ Додэ? Ведь эта книжка способна разогнать самую мрачную меланхолию...

Я так обрадовалась, что вам лучше, что болтаю всякий вздор. Кольцов умер⁴—я его не знала. Правда, что Алексин на его место? Ведь вам наверно это будет приятно. У меня сейчас стоит на столе букетик ваших крымских фиалок, и они-то и не дают мне покоя. Хочется к вам на терасу, хочется послушать, как „о скалы грозные крутятся с ревом волны“. Ах, забыла, Девойод,⁵ мой милый Девойод имеет громадный успех в Петербурге! Знаете, что теперь отравляет жизнь, это студенческие волнения; ах, как тяжело, если б вы знали! Ну, об этом потом. Эртель мне очень советовал поближе познакомиться с Чеховым.⁶ Я ему сказала, что пробовала, да ничего не вышло. Он немного изумился и сказал, что это с ним бывает... что вначале он холоден, но на это

не надо обращать внимания. Как вы думаете, стоит ли игра свеч? Всегда ваша. Целую крепко С. П.

М. Е.

¹ „Анна Николаевна“ — Томашевская, учительница музыки.

² В доме В. А. Морозовой, жены редактора „Русских ведомостей“ В. М. Соболевского, в 1880—1890-х гг. происходили литературные вечера и концерты с участием лучших сил ученой и художественной Москвы. Александр Иванович Эртель (1855—1908) — писатель-народник, автор „Записок Степняка“ (1880—1882) и романа „Гарденины“ (1889), близкий знакомый А. П. Чехова.

³ Под шутовым прозвищем „Олеизской научной области“ М. Н. разумела кружок радикально настроенной интеллигенции, жившей в Олеше, близ Алупки. Мария Ивановна Токмакова-Водовозова давала средства на издание ежесемесного журнала „Начало“.

⁴ Кольцов — известный ялтинский врач.

⁵ Жюль Девойод (1846—1901) — знаменитый французский баритон; многократно и с большим успехом пел в России; обладая прекрасным голосом и тонкой музыкальностью, Девойод был высоко-одаренным мастером драмы, создав глубоко запечатлевшиеся образы Риголетто, Валентина и Мефистофеля („Фауст“), Амонасро („Аида“), Олоферна („Юдифь“) и др.

⁶ Первое знакомство Ермоловой с Чеховым состоялось еще в 1880 г., когда он, студент 2 курса, лично отнес к Ермоловой на прочтение свою большую драму с конокрадами, стрельбой, женщиной, бросающейся под поезд и т. д. и очень желал, чтобы Ермолова поставила ее в свой бенефис“ (М. П. Чехов, Об А. П. Чехове, сб. „О Чехове“, М. 1910, стр. 267). В „Очерках московской жизни“, которые Чехов вел в 1883—1885 гг. в „Осколках“, упоминания о Ермоловой мимолетны: Чехов обшел молчанием даже такое событие московской жизни, как беспрецидентный успех „Орлеанской девы“. В переписке Чехова с Сувориным (1880—1890-е гг.), изобилующей высказываниями об актерах, отзывы об Ермоловой случайны и большею частью неблагоприятны для артистки; так: „Федра“ в исполнении Ермоловой — „хорошо, но скучно“, „Эрнани“ — „в общем недурно, но хуже французов“ (Письма Чехова, том III, стр. 4, том II, стр. 458). „Ермолова несносна в комедии“, — утверждает Чехов (том II, стр. 268) вопреки огромному успеху Ермоловой в комедиях Островского („Невольницы“, „Таланты и поклонники“ и др.). „Эта роль была ее полным торжеством“, — писал Островский про Ермолову в „Невольницах“ (А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин, Неизданные письма, М. 1923, стр. 320). Исполняя поручение Суворина к Ермоловой, связанное с постановкой его „Татьяны Репиной“ в Москве, Чехов пишет ему: „входит лакей и подает письмо в каком-то необыкновенном, социально-демократическом конверте. По конверту узнаю, что письмо от радикалки Машеньки“ (письмо от 18 декабря 1889 г. А. П. Чехов, Неизданные письма, ГИЗ, М.—Л. 1930, стр. 148). Чехов 1880-х гг. иронизирует здесь над Ермоловой как раз за те ее идейные устремления и симпатии, за которые так высоко ценила ее демократическая молодежь 1870—1880-х гг. Приведенные отзывы позволяют сделать вывод, что Чехов был холоден и равнодушен к трагическому искусству Ермоловой, предпочитая ей М. Г. Савину, а позднее В. Ф. Коммиссаржевскую. 15 февраля 1890 г. Чехов писал Плещееву: „Недавно я обедал у Ермоловой... Пообедав у звезды, два дня потом чувствовал вокруг головы своей сияние“ (Письма, том III, стр. 7).

Редкие встречи Ермоловой с Чеховым настолько слабо связывались в прочное знакомство, что в 1899 г. вновь встал вопрос чуть ли не о новой завязке этого знакомства. Однако и на этот раз из этих усилий ничего не вышло. Если Чехову было чуждо героическое искусство Ермоловой, то, в свой черед, для Ермоловой Чехов навсегда остался певцом „хмурых людей“ и „сумеречных“ настроений русской интеллигенции, писателем-пессимистом. Такие писатели были органически чужды Ермоловой. Любимыми писателями ее были Шекспир с его мощной поэзией борьбы сильных людей, Пушкин с его солнечным оптимизмом, Шиллер с его возвышенным идеализмом, Диккенс с его светлым юмором. В конце 1890-х гг. к этим любимым писателям прибавился Горький.

70. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ

[Конец марта, начало апреля 1899 г.]

Добрейший Сергей Антипович, хочу еще раз спросить у вас перед отъездом. Не выяснился ли вопрос о репертуаре на Святой? И когда Пушкинский спектакль?¹

Если Пушкинский спектакль на Фоминой, то будьте так добры устроить так, чтоб я не играла в день открытия, в среду. А с четверга, что хотите. Тогда я б могла выехать из Крыма в понедельник на Святой. Если же Пушкинским спектаклем открывают, то дайте мне как обещали телеграмму, и я раньше приеду. Мне бы все-таки хотелось знать, сколькими днями я могу располагать в Крыму. Если что знаете, сообщите пожалуйста.

Уважающая вас

М. Ермолова.

¹ „Пушкинский спектакль“ готовился в Малом театре по случаю столетия со дня рождения великого поэта и состоялся 26 апреля 1899 года („Скупой рыцарь“, „Каменный гость“, сцена в корчме, апофеоз). М. Н. выступила в роли дочери мельника в первой сцене „Русалки“.

71. Л. В. СРЕДИНУ

[5 мая 1899 г.]

Дорогой Л. В., я так измучилась с болезнью мамы¹ и разными делами, что не имела даже время вам ответить. Я так была рада получить от вас письмо! Так наш доктор-артист оказался на высоте достоинства. Это очень приятно. По вашему письму я совершенно ясно представляю себе, как все это происходило... И неуместный комизм Усатова, и жи-

вые картины, и смущение Ярцева!² Ну, какова его картина та, что теперь на выставке. Это диво!

Как это жаль, что Маргарита не ходит к вам благодаря болезни детей. Не дождусь, когда попаду в Крым, так устала здесь.

Новая вылазка комитета. Действительно пьеса Чехова не одобрена комитетом...³ Благодаря этому мы лишаемся второго литературного произведения. Ну, все-таки надеюсь, что скоро увидимся, может быть не раньше 15-го (вероятно — не позднее). Все теперь зависит от мамы, ее бросить нельзя.

Будьте здоровы и веселы. Крепко жму вашу руку. Поцелуйте ваших дам.

М. Ермолова.

¹ Мать Ермоловой, Александра Ильинична, урожд. Зайцева, которой было в то время 60 слишком лет, была больна туберкулезом.

² Д. А. Усатов (умер в 1913 г.) — известный тенор, в 80-х гг. пел в московском Большом театре; оставив сцену, он сделался профессором пения. Григорий Федорович Ярцев (род. 1857, умер после 1917 г.) — художник-пейзажист, участник передвижных выставок, владел дачи в Ялте.

³ Пьеса Чехова „Дядя Ваня“, предназначенная им по просьбе А. П. Ленского и А. И. Южина для Малого театра, была не „одобрена“ к постановке Театрально-литературным комитетом.

72. А. В. СРЕДИНУ

[8 сентября 1899 г.]

Я не люблю вам писать кое-как, наскоро, в повседневной сутолке. Вам я пишу, когда настроение того требует, когда ваш образ предстанет передо мной, как живой, до мельчайших подробностей, когда я вижу вас, слышу, чувствую, когда нарастающая потребность писать вам становится неотступной, и ее уже не могут заглушить мелкие потребности жизни... И сейчас предо мной ярко восстают вы! Последняя картина... Сутолка, гам, пароход, народ, вижу и помню всех, но больше всех вижу и помню вас. Вижу, как вы уходите, я долго смотрю вам вслед... Вас нет, поплыли, ваш дом, ищу вас на террасе, но ничего больше не видно!

Что вам писать? Я еще в „переходном“ состоянии. Оно подробно описано в письме к С. П. Женщиныны в этом случае лучше понимают друг друга. Вам это не интересно. Сейчас сижу за ролью леди Макбет.¹ Она меня всегда страшно инте-

ресует. Она захватывает своей силой и мощью. О, несмотря на ее зло, она притягивает меня к себе, как змея кролика... Да, я кролик перед ней. Вы представьте только: я — и леди Макбет! Вам не кажется смешно, а между тем...

Ах, как бы я хотела, чтобы вы были тут в это время, когда я играю такие роли. Завтра у нас событие. Приезжает директор кн. Волконский² и вся труппа будет ему представляться. Вы читали его речь? Она ничтожна. Не знаю, что скажет он нам завтра. Я вам пришлю как-нибудь его статью из „Вестника Европы“ „Художественное наслаждение и художественное творчество“.

Ник. Ив. Больше не видела.

Вчера слушали „Фауста“ у Мамонтова. Пел Шаляпин, но кроме него, все было невыносимо скучно. Ипполитов-Иванов скучнейший дирижер, какого я знаю. Антонова скучнейшая Маргарита, а Фауста и Валентина пели два ученика очень скучно. Пока везде очень скучно. В Малом театре поставили „Эгмонта“, оказалось очень скучно. „Извозчик Геншель“ провалился от скуки.³ Туда ему и дорога. В Большом театре „Мазепа“, тоже скучно. И, представьте, ко всему этому, льет две недели непрерывно дождь, то-есть в Москве он идет уже два месяца.

Спасибо вам за наших молодых, они так очарованы вашим вниманием всех вас. Что вы делаете? Звезды как поживают?⁴ Напишите, когда захотите. В каком бы вы ни были настроении, — мне всегда дороги ваши слова, ваши мысли. Я жду их всегда, как солнца в ненастную погоду. Не забывайте меня ни в каком случае. Крепко жму вашу руку. Мы с Маничкой пользуемся пока одним большим удовольствием — пересматриваем группы и виды Крыма. До свиданья. Не забудьте ваш большой портрет.

М. Е.

¹ М. Н. Ермолова впервые сыграла роль леди Макбет 2 февраля 1896 г. Причина перерыва в три сезона, когда Ермолова не выступала в леди Макбет, была та, что, „взыскательный художник“, она была недовольна своим исполнением и в 1899 г. заново переработала роль.

² Кн. С. М. Волконский (род. 1866) — великосветский любитель-актер и писатель по вопросам искусства, был назначен директором императорских театров 22 июля 1899 г.

³ Трагедия В. Гёте „Эгмонт“ была возобновлена в Малом театре 1 сентября 1899 г. Роль Клерхен, которую играла Ермолова, когда впервые на русской сцене поставила „Эгмонта“ в свой бенефис 7 февраля 1888 г., исполняли в 1899 г. молодые артистки К. И. Алексеева, Е. А. Бла-

гово и А. П. Домашева. Новая драма Гергардта Гауптмана „Der Furmann Henschel“ была поставлена в Москве, в сезон 1899—1900 г., в трех театрах: у Корша, под названием „Извозчик Геншель“, в Художественном — „Геншель“, в Малом — „Вильгельм Геншель“ (2 сентября) и не имела успеха ни в одном из трех театров.

⁴ А. В. Средин интересовался астрономией.

73. А. В. СРЕДИНУ

[17 сентября 1899 г.]

Как я рада была получить от вас письмо! И упреки ваши мне дороги! Они показывают, что мое отсутствие заметно для вас. Да, мелочи жизни хоть никогда не могут заставить забыть человека, но насильно оторвать его на некоторое время могут. Теперь все вошло в колею. Вчера сыграли „Макбета“¹ и, кажется, удачно, по общим отзывам. Театр был полон. Сцена галлюцинации сильно подействовала на публику, но ей я осталась сама недовольна. Я сама мало чувствовала тот ужас, который охватывал публику.

Южин местами прямо недурной Макбет. (При этом вижу ваше лицо и слышу: „Чорт знает, что такое! Разве Южин может быть хорош!“). Ах, как бы я желала вас перенести в Москву, тогда вы бы сами увидели, сколько перемен во всем! Вы, конечно, читали, какую „милую“ речь нам сказал директор?² Как он вообразил, что он пришел в пригласительный класс в гимназию и, как любящий, но строгий начальник, сказал поучение: что надо слушаться пуще всего начальства, учить уроки и слушаться старших. А кто не будет исполнять, того высекут. Не правда ли, мило? Так все мы и остолбенели от удивления, а потом заволновались: ждали умного человека, а приехал дурак. Или, по крайней мере человек, никогда не слыхавший в жизни, что такое артист и его отношение к сцене. Отчасти может быть его крайняя неопытность. Посмотрим — что дальше. Ну, дорогой мой, посмотрите, какой у нас репертуар. Любо-дорого посмотреть. Вчера я играла лэди Макбет, завтра играю „Таланты и поклонники“... Не удивляйтесь, нас просили с Садовским сыграть еще 2 раза до 50 раз. Возобновлена „Последняя жертва“ Островского.³ Вот вам театральные дела. Пока еще все беспорядочно, но хорошо. Я послала вам книжонку Эфроса,⁴ кажется у вас ее нет. Как я буду рада, если к вам придет Горький! Вы оживете с ним. Милая, светлая личность! Не

давайте ему сбиваться с этой светлой нотки, которая так сильно звучит в его произведениях. Поддержите в нем ее. Не надо, чтобы он уходил в беспросветную тьму всевозможных болезней и печалей одним словом, в „чеховщину“. Не сердитесь за это слово, оно вырвалось невольно...⁵ Теперь за полторы тысячи верст я не очень-то боюсь вас и все-таки скажу, что ваш Чехов не Гюи-де-Мопассан. Теперь я с ним больше познакомилась и убедилась, что он куда выше Чехова! Ну, ну, не буду больше. Мне жаль, что вы будете лишены музыки! Ан. Н., как все консерваторки, плохо разбирает. Спасибо С. П. за письмо. Крепко ее целую, завтра она имянинница. Только скажите, что я на нее сердита. Ей все-таки кажется возможным, что через многие годы мы забудем все друг друга! Вот что значит Н. И. со своим пессимизмом. Это он ее совратил. А мне кажется, что этого никогда не может быть, как бы редко мы ни видались. Она писала, что у вас был Алехин в веселом настроении, как это приятно. Нынешнее лето не пришлось видеть его таким. Поклонитесь ему, если он не совсем еще „усовершенствовался“. Боюсь написать целую тетрадь. Пока довольно. Не забывайте. Будьте здоровы и веселы.

Ваша

М. Ермолова.

¹ Трагедия В. Шекспира „Макбет“ была представлена в Малом театре в первый раз по возобновлении 15 сентября 1899 г., с А. И. Южиным в роли Макбета.

Об исполнении Ермоловой роли леди Макбет А. Р. Кугель писал: „Слова „хорошо“, „прекрасно“, „художественно“ совершенно бессильны передать впечатление. Это не те слова и вообще я не знаю, какие тут нужны слова. Я бы сказал разве: была истина. Или еще лучше: было полное обладание минутой, полное проникновение в сущность — как будто рентгеновские лучи проникли через непроницаемые, твердые, непрозрачные предметы и волшебством открыли секрет потустороннего мира“.

² М. Н. Ермолова передает совершенно точно содержание речи кн. С. М. Волконского, произнесенной 8 сентября 1899 г. при представлении труппы Малого театра новому директору императорских театров. Вот эта речь в изложении корреспондента газеты: „После представления директор обратился к собравшимся с речью, в которой высказал пожелание, чтобы существующие правила и предписания безусловно исполнялись всеми: с неисполнителей их новый директор будет взыскивать со всею строгостью закона. Далее кн. Волконский просил с особенным уважением относиться к общему искусству, в частности к своему ансамблю и к своим ролям. Старшие должны показывать пример младшим и не нужно бояться, что роли учителей будут современным занятием учениками. Князь просил отно-

ситься с уважением к репетициям; нужно также любить родных классиков, как Грибоедова, Островского, Пушкина и др., и им должно всегда отдавать преимущество. Вместе с этим не должно забывать и произведения иностранных писателей — Гёте, Шекспира, Шиллера, Мольера. Уважение должно чувствовать и к родному языку; нужно показать другим, как следует говорить по-русски“ („Русский листок“, 1899, № 246, от 9 сентября). Для старейшего русского театра, издавна прославленного своим ансамблем, театра, который пользовался славой хранителя живого русского языка и имел в своем репертуаре, вместе с Новым театром, в сезон 1899—1900 гг. 13 пьес Островского, 5 — Шекспира, 3 — Гоголя, 2 — Шиллера и по одной — Грибоедова, Мольера, Гёте, — развязные наставления кн. Волконского были прямым оскорблением.

³ Впервые „Таланты и поклонники“ Островского были сыграны в Малом театре 20 декабря 1881 г. М. Н. Ермолова и М. П. Садовский, бесценные и незаменимые исполнители Негинной и Мелузова, считая себя по возрасту уже неподходящими для этих ролей, прощались с ними в спектаклях „Таланты и поклонники“ 17 сентября и 3 октября, но публика не желала расставаться с любимыми исполнителями, и пьеса, сверх того прошла еще семь раз в сезон 1899 — 1900 и дважды в следующий сезон 1900 — 1901. „Последняя жертва“ А. Н. Островского была возобновлена 26 сентября 1899 г. с М. Н. Ермоловой в роли Юлии Тугиной.

⁴ Н. Эфрос, М. Н. Ермолова. Двадцатипятилетие сценической деятельности, М. 1896, изд. Гросман и Кнебель.

⁵ Отношение М. Н. Ермоловой в 1899 г. к творчеству А. М. Горького было противоположно ее отношению к Чехову. Великой художнице театральной романтики были дороги в творчестве и в личности А. М. Горького оптимистические элементы бодрой романтики, укрепляющей и облагораживающей волю к жизни. Этих оптимистических элементов М. Н. не находила в творчестве Чехова и его подражателей вроде Н. Тимковского.

74. А. В. СРЕДИНУ

[2 октября 1899 г.]

Вот когда я поняла, что такое, когда бывает „некогда“. Некогда в буквальном смысле и написать вам двух строчек. Я почти не выхожу из театра, очень серьезная роль в „Идиоте“.¹ Вы, конечно, знаете его. Переделки всегда неудовлетворительны, но все-таки Достоевский чувствуется. А с ним дело иметь труднее, чем с Шпажинским. Мама все время больна, что и отнимает у меня все время, свободное от театра. И сейчас некогда писать, но уж очень мне хочется знать, что с вами и как себя чувствуете. Я так давно ничего не получала от вас! Хоть две строчки только, а то я очень беспокоюсь. Все сенсационные события вы, конечно, знаете из газет. Мамонтовская катастрофа, триумф Шалапина в Боль-

шом театре, — все, чем Москва жила последние дни! Да еще так называемая „Кредитка“.²

Да, еще смерть Н. М. Медведевой. Ну, разгоните немножко этот мрак и дайте восточку с юга. Да, еще провал Алексеева в „Смерти Грозного“.³ Доигрался до того, что шикали.

Крепко всех целую.

М. Е.

¹ М. Н. Ермолова была занята репетициями драмы В. Крылова и С. Сутугина по роману Ф. М. Достоевского „Идиот“, в которой исполняла роль Настасьи Филипповны.

² „Мамонтовская катастрофа“ — арест и предание суду С. И. Мамонтова по обвинению в злоупотреблениях в руководимой им Московско-Ярославско-Архангельской железной дороге. Судом Мамонтов был оправдан. Ф. И. Шаляпин с 22 сентября 1899 г. вошел в число артистов Большого театра. „Кредитка“ — громкое дело о злоупотреблениях в Московском городском кредитном обществе.

³ „Провал Алексеева в „Смерти Грозного“ — 29 сентября 1899 г. Художественный театр открыл свой второй сезон трагедией А. К. Толстого „Смерть Иоанна Грозного“, в постановке К. С. Станиславского (Алексеева) и с его участием в роли Грозного. О. Л. Книппер, сообщая А. П. Чехову о неуспехе первого представления, пишет: „Прошел „Грозный“, и скверно на душе у всех. Во-первых, Алексеев болен, играл с анонсом, против чего восставала вся труппа: анонсы ведь парализуют публику... Принимали холодно, настроение у нас за кулисами было мрачное“. 2 октября Книппер пишет: „Алексеев еще болен, хотя вчера играл лучше обыкновенного“. От 15 октября Книппер сообщает Чехову, что Станиславский передает роль Грозного Мейерхольду. (Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер, том I, из-во „Мир“, М. 1934, стр. 86, 89, 91). Сдав роль Грозного В. Э. Мейерхольду, К. С. Станиславский уже никогда не возвращался к ней. Отнесшись отрицательно к исполнению К. С. Станиславским роли Грозного, Ермолова с высокой похвалой встретила через год исполнение им „Доктора Штокмана“.

75. М. И. ЛАВРОВУ¹

[4 октября 1899 г.]

Дорогой Митрофан Иванович!

Я сегодня передала В. А. Нелидову² о том, как я вчера упрашивала остаться в Орлеанской деве. Я сказала ему, что надеюсь, что вы для меня как для товарища это сделаете.

Поддержите же меня, старый товарищ.

И напишите записочку мне, что вы согласны. Я передам это начальству и „С нами бог!..“ Ну, пожалуйста, сделайте это. Вам не надо будет и говорить об этом.

Жму руку.

М. Ермолова.

¹ Митрофан Иванович Лавров — с 1858 по 1900 г. артист Малого театра. Горячий поклонник гения М. Н. с первых шагов ее театральной жизни, Лавров был бессменным исполнителем роли Ла-Гира в „Орлеанской деве“. Лавров, помышлявший уже об уходе из театра на пенсию, внял уговору М. Н. и исполнял, по ее желанию, роль Ла-Гира в сезон 1899—1900 г. В 1900 г. Лавров посвятил М. Н. восторженное стихотворение, как „богине русской сцены, чей гений целых тридцать лет есть слава храма Мельпомены“. Лаврову принадлежит ценные воспоминания о ранних годах творчества М. Н. (Сб. „Ермолова“, изд. А. А. Бахрушина, М. 1905).

² Владимир Александрович Нелидов — в 1899 г. чиновник особых поручений при Московской конторе императорских театров.

76. А. В. СРЕДИНУ

[13 октября 1899 г.]

Господи, как я была рада получить ваши портреты, дорогие и милые друзья! Немножко недовольна я была тем, что ничего не написали, но, получив ваше письмо, успокоилась. Конечно, вы всегда правы. Пишу вам под тяжелым впечатлением. Вчера сыграли „Идиота“ и — ничего, так-таки ничего. Публика холодна и сдержанна.¹ Роль меня страшно интересовала, все видевшие на генеральной репетиции плакали, ахали, восхищались, удивлялись и предсказывали мне громадный успех. И — разочарование. В чем дело — понять не могу, но огорчена я была страшно, я говорила, что я никуда негодная актриса, что мне надо бросить сцену и т. д. Одним словом, вела себя „по-идиотски“. Одна только Манечка, зная мой нрав, хладнокровно слушала все мои тирады, помогая мне раздеваться. На утро я немножко опомнилась. В газетах прочли, что произвела потрясающее впечатление, и смешно стало даже все это. Везде ругали только переделку. Но, повторяю, все это переживать нелегко, когда имеешь дело с Достоевским. Но общее мнение, что страшно тяжела пьеса, оттого и не было восторга в театре. Ну, с этим кончаю. Завтра еще хуже, привозят тело Надежды Михайловны и

в четверг похороны. Но как я рада была получить ваше письмо, оно отвлекло меня от всего этого, и все вы опять, как живые, встали передо мною. Во-первых, если это только правда, что пьеса Тимковского передана в Петербургский комитет, то мы еще восторжествуем и утрем нос нашему почтенному ареопагу! Это будет приятно.² Во-вторых, ваше описание докторского провала.³ Если он может утешиться, что и настоящие артисты проваливаются иногда, то передайте ему это. А ему надо все-таки быть посерьезнее и перестать петь в концертах. То, что сойдет на Львиной террасе, то не годится в Ялте. Тут со многим приходится считаться. Мы все знаем, что у него чудный голос, но все знаем так же, что он далеко не артист. Пора бросить это легкомыслие! Что касается до его заклятий... неужели вы в них еще верите? Вы тоже, оказывается, живете под тяжелым впечатлением болезни? О своем здоровье вы не пишете, из этого я заключаю, что оно сносно. Как это жаль, что вы не получили мою книжонку, я вам вышлю другой экземпляр, да и все ли мои письма вы получили — я послала три, это четвертое?..

Очень рада, что у вас брат⁴ теперь, и очень бы хотелось посмотреть на его произведения. Поклонитесь ему. Значит, вы пока не одни. Ваш портрет дивный, хотя вы и суровы на нем, но я знаю это лицо и тогда, когда оно озарено улыбкой. Про Горького ничего не слыхала. Ник. Ив. видела только на минутку и путем от него ничего не слыхала. Да сама все не выходила из театра. „Идиот“, смерть Надежды Михайловны, болезнь мамы — все это ужасно, живешь под каким-то гнетом, а хочется свету, жизни, тепла, я так не люблю мрака, вы это знаете! Я как-то теряю почву под ногами, когда мрачно кругом, и перестаю жить. К счастью, меня никогда не покидает надежда. Все ваши дорогие советы запомню. Пока до свиданья! Поцелуйте С. П. крепко, крепко.

А каково бабушке Над. Ив. сидеть в Крыму? В субботу 7-ая симфония с Эрдмансдерфером. Мой поклон Гр. Фед.,⁵ скажите, что Аванцо сделал рамку, достойную картины. Дивно хороша! Маню поцелуйте.

Ваша всегда

Ермолова.

¹ Молчание зрителей, жуткая тишина зрительного зала на представлении „Идиота“ были следствием величайшего потрясения, произведенного

М. Н. Ермолова в роли Марианны
„Марианна“ Х. Эчегарайя
1896

*А. М. Горький, М. Н. Ермолова
Л. В. Средин (слева), А. Н. Алексин (справа)
Ялта, 1899*

в зрителях игрой Ермоловой. По словам критика „Русских ведомостей“, в Настасье Филипповне Ермолова дала „образ женщины, мучающейся сознанием позора, слишком гордой, чтобы показать другим это мучение, терзающей других и в своих страданиях находящей отраву и наслаждение“ (1899, № 283, от 13 октября).

² См. примечание 2-е к письму 59.

³ Певец-любитель — д-р А. Н. Алексин выступал на концерте в Яле и потерпел неудачу. На „Львиной террасе“ дворца Воронцовых в Алушке устраивались концерты, в которых принимал участие Алексин.

⁴ Брат А. В. Средин — Александр Валентинович Средин (род. 1872), художник.

⁵ Надежда Ивановна Средин — мать Леонида Валентиновича. Известный дирижер Макс Эрдмансдерфер (1848—1905) дирижировал 7-й симфонией Бетховена. „Гр. Фед.“ — художник Ярцев, „Маия“ — дочь Ярцева, 16 лет.

77. А. В. СРЕДИНУ

[18 ноября 1899 г.]

Дорогой мой, что вы обо мне думаете? Что я легкомысленная, неблагодарная, беспамятная эгоистка? О!.. все, что хотите, только что-нибудь думайте! Самое ужасное для меня, если вы ничего не будете обо мне думать! А между тем вы для меня...

Представьте такую картину: вьюга, зима, метель, — а в теплой, освещенной комнате так тепло, так хорошо! Вдруг раскрывается дверь — врывается зимний холод и мрак, вас берут, сажают на бешеную тройку, и вас мчат по сугробам, по ухабам, по холоду! Пустите меня, дайте отдохнуть, я хочу опять в тот светлый домик, где так тепло! Нет, нет!.. дальше!.. И опять вы мчитесь и только через несколько времени замечаете, что вы кружитесь все по одному месту, что бешеная тройка не уносит вас вперед, а, издеваясь над вами, кружится около. И часто, сквозь мрак, вы видите, как мелькает огонек, к которому рвется ваша душа, но вам не дают остановиться! Наконец, отчаянное усилие с вашей стороны, да и кони устали кружиться, вы выпрыгиваете и бежите из всех сил на манящий вас огонек.

Вот я и добралась, наконец, до моего огонька, до вас! А когда я добираюсь до вас, у меня в душе начинают звучать те особенные струны, которые обыкновенно не употребляются в домашнем обиходе, и поэтому не смеется надо мной и моими картинами. Мне никогда не хочется беседовать

с вами о так наз. передрягах жизни, пусть их—и у вас, и у меня их достаточно, чтобы еще говорить о них! Знаете, чем я увлекалась недавно: Мунэ-Сюлли.¹ Вы, конечно, знаете и, может быть, придете в ужас от моего увлечения, но я чувствую всем существом моим, что если бы вы были здесь, то чувствовали бы то же, что и я! Я не помню, интересовались ли вы им когда-нибудь, а потому не буду распространяться. Если захотите, так я вам потом напишу. Два дня тому назад мы с Маничкой особенно вспоминали о вас и вот по какому поводу. Приехал Шаляпин на минуту по делу и забыл все дела и провел пол-дня у нас, до глубокой ночи. Мы сели к пбянино, я кой-как с трудом подыгрывала, а он пел бесконечно. Я уехала играть, а он все сидел; говорят, спел целого „Фауста“... Недоставало только вас... Он продолжает быть триумфатором, ему предлагают неслыханные условия. Затем—ужин с Мунэ-Сюлли, он читал, мы с Южиным читали, но, когда он прочел отрывок из „Марсельцев“, вас опять не доставало!

В театре теперь чисто, порядочно, вымели весь сор,² но вымести-то вымели, а нового-то еще ничего не внесли! Настроение у публики хорошее. Она с восторгом принимает Островского, но чувствуется, что надо нового, а нового-то нет пока. Я даю, по всей вероятности, „Месяц в деревне“. Ничего и нигде! О пьесе Тимк[овского] пока ни слуху, ни духу. И о самом Ник. Ив. тоже. С месяцем тому назад он принес мне одноактную вещь, за которую я его обругала,³ и с тех пор я его не вижу. Очень радуюсь перемещению А. Н. Алексина в Ялту. Не видали ли вы звездного дождя? Меня это очень интересует. Очень ли вы занимаетесь бурами и Англией,⁴ или своих дел довольно? Ну, не томите меня очень и напишите мне, если будете в духе. Поцелуйте крепко, крепко С. П. Я ей так благодарна, что она мне пишет. Когда я начинаю вам писать, мне нужно и то и то вам сказать, а выходит совсем другое! Ну, да ничего, вы разберете. Да, еще хочу попробовать роли соquette. Играю „Провинциалку“ Тургенева.⁵ Не смейтесь, пожалуйста!

Ваша всегда

М. Е.

¹ Мунэ-Сюлли (1841—1916)—знаменитый артист „Comédie Française“, прославившийся исполнением трагедий Софокла, Корнея, Расина, Гюго, гастролировал в 1899 г. со своей труппой в Москве (лучшая роль — Эдипа

в трагедии Софокла). Несмотря на то, что М. Н. Ермолова признавала французскую драматическую школу слишком условной и внешней, она очень ценила талант и искусство Мунэ-Сюдли и с увлечением посещала его представления.

² Из репертуара Малого театра в 1899 г. был исключен ряд плохих пьес современных авторов. В 1899 г. в Малом театре резко преобладали пьесы классических авторов. Но отсутствие новых пьес, отвечавших потребностям зрителя, выходявшего из реакционной спячки предыдущих лет, остро сознавалось такими чуткими художниками Малого театра, какими были А. П. Ленский и М. Н. Ермолова; артистка не могла найти ценной современной пьесы для своего бенефиса по случаю 30-летия деятельности и остановилась на „Месяце в деревне“ И. С. Тургенева.

³ Одноактная пьеса Тимковского—комедия „Награда“—была поставлена 9 января 1900 г. в Малом театре, но выдержала только 3 представления.

⁴ „Буры и Англия“—война Англии в Южной Африке с Трансваалем и Оранжевой республикой, населенными бурами, выходцами из Голландии (1899—1901), окончившаяся превращением этих республик в английские колонии.

⁵ Роль Дарьи Ивановны в комедии И. С. Тургенева „Провинциалка“ М. Н. Ермолова сыграла в бенефис В. А. Макшеева 25 ноября 1899 г.

78. А. В. СРЕДИНУ

[15 декабря 1899 г.]

Наконец-то я добралась до письменного стола! У меня уж засохли все чернила, так давно я не писала вам. Время летит, как ветер, как сон, только сны часто меняются, а тут почти одно и то же: театр и болезни бесконечные! Дорогие мои, что у вас делается? Как вы живете? Жду на это ответа со всеми подробностями от С. П. А теперь расскажу о себе. Во-первых, начинается с вашей карточки. Я хотела бы расцеловать вас за нее, так она мне нравится! Если можно судить по ней, то вы правы, ваш брат большой талант. Он так сумел схватить вас, как только мог сделать большой художник, и чего не сумел сделать даже Нестеров.¹ И детали мне нравятся. Помоему он, то есть ваш портрет, напоминает больших французских художников, именно французских. Одним словом—я в восторге от него! Да и Ярцев хвалит его, значит это не чрезмерное мое увлечение, на которое я иногда способна. Затем, спасибо, что вы ответили на письмо о Климовских. Я ведь написала вам, что тут можно разве надеяться на случай, а не на что-нибудь определенное. Я так и сказала. За совет относительно Конст. спасибо. Может быть я попробую дать от себя записочку к нему, когда он, то есть Климов-

ский поедет в Крым. Не знаю еще. Во всяком случае, спасибо. Что касается Ибсена, поговорим лучше на террасе о нем, а то я боюсь, что мне придется писать вам целые томы.² Скажу только одно: я вполне признаю, что Ибсен большой талант и ум, но душа моя ненавидит этот ум и талант. Быть может, по мелкости моей натуры, но мне противны все эти нездоровые течения в литературе, и на этом увлечении мы с вами никогда не сойдемся. Затем, что теперь главным образом меня волнует и мучит,—это мой бенефис. К несчастью, ни мои испанцы, ни мои итальянцы³ не дали мне ничего но несчастье сугубо в том, что и у русских ничего нет, и я, прочтя штук 50 пьес, все-таки остановилась на „Месяце в деревне“. А очень бы хотелось найти что-нибудь посильнее больше, чем когда-нибудь, потому что это необходимо в настоящее время. Во-первых, потому, что театр наш начинает становиться совсем безжизненным трупом,⁴ во-вторых, потому, что есть недоброе течение против меня лично. Помните, как я увлеклась Теляковским,⁵ его порядочностью, его желанием сделать так много хорошего? Помните это? Теперь слушайте. Возвратясь из Крыма, я нашла Теляковского не тем, чем он был прошедший год относительно меня. В прошлом году это был мой искренний, горячий поклонник, в нынешнем году я нахожу в нем вежливого начальника. Перемена была так неожиданна, что я ей не сразу поверила. Но разные мелочи подтвердили мое убеждение, что тут что-то есть. Сначала я все думала, что это мне все только кажется, но вдруг 6-го декабря Тимковский разрешил все мои сомнения. Он был у нас на именинах. Спрашивает меня: „Как вы с Теляковским?“ — „Ничего, а что?“ — „Я был в Петербурге у Савиной, она мне задала вопрос, как относятся в Москве к Теляковскому?.. Я ей сказал, что хорошо, особенно Ермолова. Она захохотала, а Молчанов,⁶ бывший тут же, сказал: „Да ведь он ее-то и хотел уничтожить; его самого за это надо выгнать. Он говорил здесь в Петербурге, что может обойтись без Ермоловой!“ Вот вам маленькая сцена, которая мне все осветила и я сразу все поняла. Теперь, в чем же причина, вы спросите? На это я сейчас еще не могу ответить ясно. Я еще до нее доберусь. Знаю и чувствую одно: что начальник театра не Теляковский, а Южин, все они действуют по его внушению, а гипнотизер он довольно сильный, на слабых людей только. А задача Южина такова: уравнивать всех по возможности, чтобы ему никто не мешал, а мой талант всегда

ему мешал. Это я знаю еще с давних пор. Ну, так вот вам рассказ на-коротке. И не удивляйтесь, если услышите, если я покину Малый театр и может быть даже перейду к Алексееву. Немирович очень меня зовет.¹ Это пока еще, конечно, секрет и очень неопределенно, только предположения. Но что я брошу их раньше, чем им удастся меня извести, — это верно. Я очень терпелива и бесхарактерна, но в вопросе артистического самодлюбия лучше меня не трогать. Но только вы не думайте, я нисколько не огорчена, не взволнована, мне только интересно, что дальше будет. Кажется пока—больше ничего интересного.

Люблю вас всех так же, скучаю, очень хочу видеть, особенно вас, и не думайте никогда, чтобы я забыла вас когда-нибудь! Очень была рада видеть Гр. Фед. Да он уж очень мало посидел. Я рада за него, что он едет на выставку. Он должен там быть. Еще милое явление! Представьте, 6 декабря, полон дом гостей, был Горький, даже не назвал себя, сунул книги и скрылся!⁸

Милый человек, куда он улетел? Ради бога пишите поскорей, если вам не захочется, то милая голубушка С. П. напишет только, как вы поживаете и как себя чувствуете. Я жду ваших писем, как манны небесной. Будьте здоровы. Крепко вас целую.

М. Е.

¹ М. В. Нестеров (род. 1862) провел апрель 1899 г. в Ялте, где познакомился с М. Н. Ермоловой, любившей его творчество, и очень сблизился с Л. В. Срединным, с которого тогда же написал небольшой этюд. Этому этюду Нестерова Ермолова противопоставляет портрет, написанный с брата художником А. В. Срединным.

² В ответ на жалобы Ермоловой на отсутствие „нового“ в репертуаре Малого театра и на тщетность поисков пьесы для своего бенефиса, Л. В. Средин указал ей на Генриха Ибсена. Но „в чем-то самом существенном был ей чужд Ибсен. Тот огонь, который горит в ибсеновских драмах, оставлял ее холодной. Она, искренняя и чуткая ко всем движениям своей сценической натуры, ясно это чувствовала и упрямо сторонилась Ибсена“ (Н. Эфрос, Московские театры, Ежег. имп. театров, 1909, вып. 6—7, стр. 100—101). Сыграв роль Дагни в драме Ибсена „Северные богатыри“ (1892), М. Н. упорно отказывалась выступать в его пьесах. Но, неустанно работая над собой и углубляя с каждым годом свою эстетическую мысль и художественный опыт, М. Н. пришла в конце концов к творческой встрече с Ибсеном: в 1904 г. она создала образ Эалы Рентгейм в „Джоне Габриэле Боркмане“ (19 ноября), а 5 ноября 1909 г. одержала одну из самых памятных своих побед, раскрыв в образе фру Альвинг („Привидения“) потрясающую трагедию матери в буржуазном обществе.

³ „Испанцы“ и „итальянцы“—испанские и итальянские драматурги прошлого и современности, у которых М. Н. пыталась найти пьесу для бене-

фиса по примеру прошлых лет, когда в бенефис ее шли: драмы Лопе де Вега („Овечий источник“, 1876, „Лучший алькад—король“, 1877), Гуальтьери („Корсиканка“, 1881) и Эчегарайя („Марьянна“, 1896).

⁴ В конце 90-х гг. Малый театр переживал глубокий кризис, выражавшийся в обеднении репертуара, в понижении художественного уровня спектаклей, в упадке интереса зрителей к работе театра, сильно отразившемся на сборах. Кипучая деятельность только что возникшего Художественного театра (1898), привлекая к нему широкое признание зрителей, резко подчеркивала застой, в который погружен был Малый театр. А. П. Ленский, краса и гордость Малого театра, писал в эти годы: „Должен признаться, что и с очень большим чувством за свой родной театр, но я от всей души радовался даже возникновению Художественного театра. Я надеялся, что искры их успеха подожгут наконец пуховик нашей „Спящей царевны“—разбудят ее от летаргического сна“ (Н. Эфрос, Художественный театр, М. 1914, стр. 433).

⁵ Полковник Владимир Аркадьевич Теляковский был в 1898—1901 гг. управляющим Московской конторы императорских театров, а в 1901—1917 гг. директором всех театров. Своим назначением на пост руководителя театров Теляковский обязан был исключительно тому, что министр двора барон Фредерик, в ведении которого состояли императорские театры, был сослуживцем Теляковского по Конногвардейскому полку. По его собственному признанию, „с театром он имел мало общего“—и особенно мало с драматическим театром, наипаче с московским Малым, оставшимся всегда чужим для придворно-аристократических кругов, которым Теляковский стремился угождать роскошью оперных и балетных постановок.

⁶ Мария Гавриловна Савина (1854—1915)—знаменитая артистка петербургского Александринского театра. Анатолий Евграфович Молчанов (1856—1921)—муж М. Г. Савиной, был в то время вице-президентом Всероссийского театрального общества.

⁷ „Перейду к Алексееву“—к К. С. Станиславскому, в Художественный театр. Станиславский причислял Ермолову к величайшим артистам мирового театра. Вл. И. Немирович-Данченко был со студенческой скамьи горячим и убежденным приверженцем Ермоловой. „Через все мои воспоминания,—говорил В. И. на поминальном заседании Общества любителей российской словесности,—проходит необыкновенно цельный образ, который с годами рос и крепнул, но, по существу, оставался тем же, чем он был вначале—образ артистки, в исполнении которой каждая роль получала героическую окраску“ („Вечерняя Москва“, 1928, № 228). В 1907 г. В. И. Немирович в публичной речи благодарил Ермолову „за непрерывное присутствие в Художественном театре“, утверждая, что велико „влияние вдохновенной силы внушения Ермоловой на Художественный театр“ („Русские ведомости“, 1907, № 58, от 13 марта).

⁸ В неизданном письме к Л. В. Средину Горький пишет (декабрь 1899 года): „Если Марья Николаевна у вас, поклон ей низенький. Проезжая через Москву... хотел видеть Марью Николаевну, но меня не приняли у нее, ибо я был 6-го, в день, когда все адвокаты, рекомые Николаями, бывают именовниками. Послал ей мои книжки и почему-то думаю, что она не получила их. Пишете вы ей? Поклонитесь от меня, спросите о книгах“ (архив А. М. Горького). Письмо М. Н. к Средину разъясняет эти строки Горького: попал в квартиру Ермоловой в вечер парадных именин ее мужа, адвоката Шубинского, Горький „даже не назвал себя“ и

поспешил уйти, оставив для М. Н. экземпляр своих „Очерков и рассказов“ (2 изд. 1899), которые были переданы ей тогда же, но когда Горький успел уже уйти из ее квартиры.

79. Л. В. СРЕДИНУ

[30 декабря 1899 г.]

Сейчас получила ваше письмо, а с ним и солнечного света и тепла! Как я радуюсь за вас и вместе с тем немножко завидую: если б можно было вместе с вами посидеть на террасе и погреться на солнце! Это было бы совсем хорошо! А мы мерзнем, мерзнем, на улице дышать трудно от мороза, да и в комнате жмешься поближе к печке. Да, вы правы, связь между нами никогда не порывалась, к счастью, а теперь, с приездом Алексина, она еще более оживилась. Он как бы привез часть вас. 26-го мы открывали свой Литературно-художественный кружок,¹ ужинали вместе: Алексин, Шпажинский, Маничка и я и, конечно, пили за ваше здоровье!

К сожалению, я много занята теперь новой ролью. Завтра бенефис Федотовой, я играю „Не от мира сего“.² О дрязгах я забыла на время, очень уж много всякого дела, так что до поры до времени успокоилась. Открытие кружка было очень оживленное. Толпа народу, вся знакомая Москва, и только опять вас недоставало... Помещение хорошее. Наверно помните на Мясницкой бывший дом Чертковых, где книжный магазин Салаевых. Алексин очень мил, но уже не тот, что был прежде! В нем уже не чувствуешь близкого человека, как я до сих пор, даже за глаза, чувствую его в вас.

О каких видах вы пишете? Вы их послали? Но еще наверно они не пришли. Жду с нетерпением! Вся Москва у нас теперь помешалась, чтобы достать билет в пользу нашей богадельни в Большой театр.³ Пойдут „Птички певчие“, и Шаляпин будет петь губернатора, Собинов — Пикилло, Периколу — Махарина и сестры Кристман — сестер в кабачке. Это самая сенсационная новость в Москве! Это будет 3 февраля. Мой бенефис 25 января. Окончательно решено с „Месяцем в деревне“.

Кажется у вас теперь все было бы хорошо, если бы не болезнь Александра Валентиновича. Но ведь он так еще молод и силен, что стоит захватить во-время, и опасности быть не может! От всей души желаю ему всего хорошего.

Дай бог, чтобы Новый год принес вам только хорошее, вы все так его заслуживаете. Поздравляю вас и С. П., крепко целую вас обоих. Поклонитесь Гр. Фед. Поцелуйте бабушку С. Хр.⁴ Бабушке Над. Ив. пишу сама. Будьте здоровы и счастливы. И не забывайте меня.

Сейчас получила посылку, это верно от вас.

Ваша

М. Ермолова.

¹ „Литературно-художественный кружок“ (1899—1918)—клуб для артистов, художников, писателей.

² В бенефис Г. Н. Федотовой (1846—1925), состоявшийся 30 декабря, М. Н. Ермолова впервые выступила в роли Ксении в сценах А. Н. Островского „Не от мира сего“.

³ Оперетта Ж. Оффенбаха „Птички певчие“ в исполнении артистов Большого театра М. И. Махариной, Эмили и Габриэли Кристман, Л. В. Собинова и Ф. И. Шаляпина была поставлена в Большом театре в пользу „Убежища для призрения престарелых и лишенных способности к труду артистов и их семейств“, — ныне Дом ветеранов сцены ВТО.

⁴ „Бабушка“—Софья Христофоровна Жуковская, мать С. П. Срединой, очень любимая Ермоловой, и „Бабушка Над. Ив.“—мать Л. В. Средина.

80. И. В. ШПАЖИНСКОМУ

[1890-е гг.]

Многоуважаемый Ипполит Васильевич!

Прошу вас передать Обществу¹ мою искреннюю благодарность за честь избрания меня для присуждения Грибоедовской премии, но простите меня великодушно, я и на этот раз не могу принять этого на себя. О причинах моего отказа в первый раз я писала вам, а теперь к этим причинам присоединяется еще одна, очень важная. Я все еще не совсем чувствую себя хорошо, и боюсь, что не буду в состоянии браться еще за какое-нибудь дело кроме своего. Вы знаете меня, я человек очень беспокойный и каждая пьеса будет мучить меня и волновать. Мне очень стыдно отказывать Обществу, которое так любезно ко мне относится, но—не судите строго и извините артистку, которая только и может, на сколько умеет, играть свои роли.

С полным уважением и почтением остаюсь

М. Ермолова.

¹ Общество русских драматических писателей и оперных композиторов, председателем которого был И. В. Шпажинский, дважды избирало М. Н.

в число судей по присуждению Грибоедовской премии, ежегодно выдававшейся за лучшее драматическое произведение, и дважды встречало отказ со стороны М. Н., не признававшей в себе, по своей исключительной скромности, никаких прав на участие в таком суде над драматургами своего времени.

81. Н. Е. ЭФРОСУ

[1890-е гг.]

Дорогой Николай Ефимович пожалуйста сообщите редакции „Одесского вестника“, что я очень извиняюсь, но никогда и никому не сообщала никаких мнений ни о ком. Не умею, не могу. Вы это можете засвидетельствовать сами после нашего разговора о „Грозе“. И то я говорила с вами только потому, что вас давно знаю. Больше никто от меня ничего не добьется. Очень жалею, дорогой Николай Ефимович, что доставляю вам маленькую неприятность, но пожалуйста напишите им, что я неподходящий человек для этого, и очень извиняюсь перед ними.

Уважающая вас

М. Ермолова.

¹ Николай Ефимович Эфрос (1865—1923)—известный театральный критик. Эфросу принадлежит первое место среди авторов, писавших об Ермоловой: из-под его пера вышло пять больших работ о М. Н.: 1) „М. Н. Е.“, „Ежегодник императорских театров“, сезон 1895—1896, Спб. 1897 г.; 2) „М. Н. Е.“. М. 1896, изд. Гросман и Кнебель; 3) „М. Н. Е.“ и „Последнее пятилетие“, „Ермолова“, сборник, изд. А. А. Бахрушина, М. 1905; 4) „М. Н. Е., ее жизнь и творчество“, сб. „Ермолова“, „Светозар“, 1925; 5) „М. Н. Е.“, изд. Малого театра, М. 1920.

Многие страницы этих работ навсегда сохраняют значение первоисточника для биографии М. Н. Через Н. Е. Эфроса, сотрудничавшего в газете „Одесский вестник“, Ермолова получила предложение высказаться по поводу какой-то артистки—и ответила отказом: признавая единственным делом своей жизни сцену, М. Н. никогда не выступала в печати.

82. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ

[1890-е гг.]

Сергей Антипович,

я, конечно, не отказываюсь, но если есть какая-нибудь возможность освободить меня, то сделайте это, в виду того, что в субботу репетиция, на которую я должна явиться и репетировать, как следует, в противном же случае опять

буду сонная ходить по сцене. Уж не говорю о том, что страшно устала. Подумайте, нет ли чего? В крайнем случае, делать нечего, буду играть.

Уважающая вас

М. Ермолова.

83. С. В. ФЛЕРОВУ

[Январь 1900 г.]

Добрейший Сергей Васильевич, приходите поскучать в Малый театр 25-го января.¹

¹ Бенефис М. Н. Ермоловой, совпавший с 30-летием ее сценической деятельности, состоялся 25 января 1900 г. „Месяц в деревне“ И. С. Тургенева шел с исключительным составом исполнителей: Наталья Петровна—М. Н. Ермолова, Ислаев—К. Н. Рыбаков, мать Ислаева—Г. Н. Федотова, Верочка—Е. Н. Музиль, Беляев—И. А. Рыжов, Шпигельский—А. П. Ленский, Ракитин—А. И. Южия, Болшигинцев—В. А. Макшеев, Елизавета Богдановна—О. О. Садовская, Шааф—О. А. Правдин.

84. Л. В. СРЕДИНУ

[30 января 1900 г.]

Как давно мне хочется оторваться от всей этой театральной сутолки, волнений, недоразумений, всевозможных дрызг и выпить из чистого источника свежей воды, то-есть побеседовать с вами. Бенефис кончился во вторник, но мне не дали отдохнуть; измученная я играла чуть не каждый день и бродила, как в чаду. Я довольна бенефисом. Настроение в театре было хорошее, радостное. Тургенев сделал свое дело. А знаете ли, что ваше мнение о пьесе много способствовало ее постановке? Публика невольно заслушивается этой прелестной музыкой разговора и тонких ощущений. Сейчас пьеса идет при полных сборах; вызовов шумных нет, как я и ожидала, но слушают удивительно. Приемом я довольна. Не чувствовалось никакой натяжки. Меня тронуло отношение ко мне великого князя,¹ который из-за моего бенефиса перенес свой бал, чтобы быть в театре, и остался очень доволен. А сегодня меня очень тронуло письмо Н. И. Тимковского, по поводу моего тридцатилетия, как раз сегодня, 30 января. Оно, то-есть письмо, было проникнуто таким теплым чувством! Я сохраню

и покажу когда-нибудь вам. Да, посреди нашего тумана такие искорки света очень дороги.

Теперь еще только три недели. Но зато каких! О посте боюсь и думать; говорят, что мама вряд ли протянет до лета. Хотелось бы к вам, да не знаю, что будет. Я так давно вам не писала, что у меня хаос в голове. Так много бы хотелось вам сказать, да мысли толпятся и давят одна другую. Чувствую, что мне надо отдохнуть! О вас столько времени никаких известий. Напишите что-нибудь. У вас весна, а у нас холод. Живы ли и здоровы вы все? Милая, Соф. Петр., напишите. Сегодня Девойод поет Олоферна.² Еду посмотреть. Не сердитесь на нескладное письмо и знайте одно, что всегда вас люблю и помню и всегда мне вас недостает.

Ваша всегда

Ермолова.

¹ „Великий князь“—Сергей Александрович, — в то время московский генерал-губернатор.

² Жюль Девойод выступал в партии Олоферна в опере А. Н. Серова „Юдифь“ в театре частной оперы.

85. А. В. СРЕДИНУ

[22 февраля 1900 г.]

Дорогой Леонид Валентинович, я бы давно, не дожидаясь вашего письма, написала вам. Вы верно все еще не знаете о горьком событии. Мама умерла.¹ Я думала, вы случайно узнаете об этом из „Русских ведомостей“. Судите сами, какое было время. Она умерла 5 февраля, ровно через 10 дней после бенефиса. Я ее очень любила, как только можно любить самое близкое существо. Как будто я потеряла какую-то часть самой себя. Это единственная любовь, которая не знает ни сомнений, ни разочарования, ни недоверия—и такой любви больше нет для меня... Простите за грустный тон—я могла бы и не писать вам всего этого, но я так привыкла делиться с вами и горем и радостью. Даже первым побуждением было послать вам телеграмму, но мысль о том, что это вас встревожит, заставила отказаться от этого. Играть я переставала только на два дня, на другой день похорон играла Марию Стюарт. Сегодня понедельник, я все собираюсь отдыхать, я очень устала и спала плохо все это время, но теперь быстро

приду в себя. Если бы вы знали, как у нас пусто в доме! Софья Петровна была у нас и может это представить. Как мне жаль Александра Николаевича! Пожалуйста передайте ему мой горячий привет и желание поправиться. От души разделяю ваши мысли, что Алексину хворать совсем не пристало. Над. Ив. еще не видала. Не знаю, где она остановилась, а то бы съездила к ней сама. Надолго ли она приехала? Пришлите мне ее адрес, на случай, если я ее долго не увижу. Очень рада за Гр. Ф. Ярцева, о нем, наконец, заговорили, признали художника—это приятно. Поклонитесь ему от меня. Что касается до чеховского „Оврага“... да простит ему господь-бог—а я никогда не прошу... (Как страшно для Чехова, не правда ли?). А почему—объяснение до следующего раза, когда буду в подходящем настроении.

Будьте здоровы, целую крепко жену. Что со мной будет в посту—пока еще ничего не знаю... Хочется отдохнуть сначала.

Ваша всегда

М. Ермолова.

¹ Александра Ильинична Ермолова (урожд. Зайцева) скончалась 5 февраля 1900 г., похороны состоялись 8-го. В следующие двенадцать дней М. Н. Ермолова выступала 7 раз (по 2 раза в „Месяце в деревне“ и „Талантах и поклонниках“, по 1 разу в „Марии Стюарт“, „Зимней сказке“ и в отрывке из „Ричарда III“).

86. Л. В. СРЕДИНУ

[5 марта 1900 г.]

Дорогой Л. В., как я рада, что на этот раз не пропустила ваших именин, благодаря Над. Ив. Она мне нынче сказала. Хотя вы уверены, что и в именины и не в именины, я вам желаю всего, чего только может достигнуть и пожелать такой человек, как вы, но... недаром говорят, — „дорого яичко к красному дню“. Жизнь вошла в свою колею и летит на всех парах! Постом обыкновенно выплывают на сцену разные жизненные вопросы, приходят люди, которых целую зиму не видишь, едешь сама куда-то, никуда не успеваешь, так—толкучка какая-то, хочется что-то сделать и ничего не делаешь...

С. П. спрашивает, отчего мне не понравилось „В овраге“? Но, зная мое мировоззрение, может быть очень глупое, я не спорю... зная, как я жажду всегда света и тепла для челове-

чества во всем, в жизни, в искусстве, в литературе — зная, как я ненавижу некоторые произведения Толстого — напр. „Власть тьмы“, неужели вы могли думать, что это мне понравится!? Я ведь не говорю, что это бездарно, а только говорю, что оно мне не нравится. В газетах еще проще описывают разные возмутительные случаи нашей жизни, но художник не должен их брать сюжетом своего творения. Впрочем, я не буду больше говорить об этом. Для меня имена Ибсена, Гауптмана, Чехова — синоним болезни, мрака, пессимизма... а я слишком эпикуреец по натуре.¹ Я не хочу мучиться и терзать себя добровольно еще и литературными произведениями. Жизнь и без них дает достаточно горя. Это эгоизм, скажете вы... может быть, я и не спорю.

Я не хочу, не хочу мучиться! Жизнь так коротка! Выставки, концерты, театры... я еще нигде не была. Надежда Ивановна уже побывала везде. Вот человек, ей богу, искренне на нее люблюсь, завидую ее энергии. А вы все в гриппе? Срам какой. Это на юге-то! Извольте скорей все поправить! И маменька Соф. Петр. — это уже совсем непростительно. А Алекс. Ник. поправляется? Бедный, бедный, как бы мы с вами ни смотрели розно на многое, мне кажется, не успеет человек хоть немножко обрадоваться — как вы, например, радовались переезду Алексина, и вот вам — за что про что? Человек, полный сил, лежит в постели два месяца. На что вам Чехов, Ибсен, скажите?.. Неужели они вас утешают? Бросьте вы их в печку и хоть на время гриппа перечитайте хоть „Пикквикский клуб“.² Но это все равно: как бы мы с вами ни смотрели розно на многое, мне кажется, по душе в нас нет такой разницы, и это ведь не мешает мне сказать вам, что вы для меня дорогие и милые люди, а вам...

Не забывайте вашу

М. Ермолову.

¹ Основы оптимизма М. Н. Ермоловой, отталкивавшего ее от пессимистических пьес Ибсена, Гауптмана, рассказов и пьес Чехова, связаны не только с ее жизненным чувством, но прежде всего с самим существом ее художественного гения, с одинаковой силой утверждавшего и героическую волю (Лауренсия в „Овечьем источнике“, Туснельда в „Равенском бойце“, Мария Стюарт) и романтическую мечту (Сафо, Имогена в „Димбелине“, Гермiona в „Зимней сказке“). „Орлеанская дева“ объединяет эту волю и мечту в освободительном действии героя. Вот почему этот образ является символом Ермоловой и ее искусства.

² Ч. Диккенс с его „Записками Пикквикского клуба“ был одним из любимейших писателей Ермоловой.

87. С. А. ЧЕРНЕВСКОМУ

[Весна 1900 г.]

Простите, многоуважаемый Сергей Антипович, что вчера не ответила, я уже легла спать. Посылаю требуемые роли, благодарю вас товарищей за выраженное участие.¹ Да, положение неприятное и тяжелое, но врачи надеются, что только таким образом я могу избавиться от моей болезни и восстановить силы. А может быть и совсем придется не играть. Крепко жму вашу руку, поцелуйте Сашиньку.

М. Ермолова.

¹ Начинаясь болезнь М. Н., которая требовала продолжительного лечения, поставила вопрос о передаче некоторых ее ролей дублерам, — А. А. Яблочкиной, С. М. Нечаевой, Н. Р. Таировой и др.

88. Г. Н. ФЕДОТОВОЙ

[Весна 1900 г.]

Дорогая Гликерия Николаевна, крепко, крепко целую вас и благодарю за вашу ласку и внимание. Как-нибудь зайду сама и поцелую вас. Если б вы знали, как мне скучно сидеть без дела! Да еще пугают, что может б[ыть] и совсем придется бросить сцену, пока не окончится известный период. Нашли у меня опухоль, которую или надо вырезать, или вылечить, а иначе организм придет к полному истощению. Вот теперь сижу у моря и жду погоды. Как-нибудь приду к вам, мне очень хочется поговорить с вами. Выходить я могу пока не наступит известный период, тогда меня уложат. Не говорите никому, что я вам пишу. Крепко вас целую и еще раз благодарю.

М. Ермолова.

89. Н. Е. ЭФРОСУ

[Весна 1900 г.]

Многоуважаемый Николай Ефимович!

Спасибо вам за ваше участие. Думаю, что вопрос стоит вовсе не так трагично, как о том пишут в газетах. Я не имею намерения покидать сцены, но у меня оказалась болезнь, которую, как говорят доктора, можно вылечить посредством

продолжительного упорного лечения. Вот что заставило меня на время оставить сцену, к моему большому сожалению. Можно, говорят, удалить болезнь посредством операции, но я на это не согласилась. Об этом прошу вас не писать, но я бы желала, чтобы вы прекратили пустые толки, и написали бы что-нибудь в роде следующего: что болезнь сама по себе не опасная, но требующая продолжительного лечения, заставила меня только на время оставить сцену.¹ Мое желание, конечно, вернуться и играть опять. Срока определить не могу, так как это будет зависеть как пойдет болезнь. Вы совершенно правы: нам с Малым театром тяжело расстаться. Только прошу вас, Николай Ефимович, ни слова от меня, и как можно меньше обо мне. Самое неприятное для меня—эти толки и разговоры. Еще раз спасибо вам.

Крепко жму вашу руку.

М. Ермолова.

¹ Сильное обострение болезни вынудило врачей предписать Марии Николаевне длительное лечение, ради которого был необходим продолжительный отпуск; врачи предупреждали артистку, что для ее здоровья безусловно вредно частое выступление на сцене и исполнение сильно драматических ролей, требовавших большого напряжения. В связи с этим М. Н. Ермолова подала заявление в московскую контору императорских театров, в котором писала, что, в виду невозможности нести сильно драматический репертуар и часто выступать на сцене, она просит получаемое ею вознаграждение 12 тысяч в год — уменьшить наполовину. Московская контора тотчас же принялась выплачивать Ермоловой жалованье в половинном размере. Согласие конторы на благородно-самоуничительные доводы Ермоловой об ее сценической неполноценности равнялось признанию ее инвалидности для театра, что было вопиющим вздором, так как еще 20 лет после данного решения Ермолова деятельно блистала на русской сцене. Пронесшееся по Москве известие о продолжительном отпуске Ермоловой в связи со слухами об уменьшении ей оклада жалованья было принято, как известие об уходе Ермоловой из Малого театра под давлением преследующего ее начальства.

90. А. В. СРЕДИНУ

[12 апреля 1900 г.]

Дорогой мой А. В., да разве я могу на вас сердиться — как вы можете это думать! Какие бы ни были ожесточенные „литературные споры“ между нами, они, по-моему, только закрепляют добрые отношения, так как каждый из нас ста-

рается убедить другого в том, в чем он сам глубоко убежден, и только немного страдает оттого, что другой близкий ему человек по духу как будто не понимает его. Это все ничего, и об „Овраге“ мы еще сговоримся и пойдем друг друга. Я не так безнадежна в этом отношении и „мои испанцы“¹ тут ни при чем! Дорогой мой Цицерон, сколь жестоко бы вы ни обрушивались на бедного Катилину, он всегда с любовью принимает все от вас. И ваше милое, сердечное последнее письмо, конечно, еще больше доставило мне удовольствия: вы так тепло вспоминали обо мне, связывая с людьми вам близкими. Спасибо! Вы знаете, последнее время я так нуждалась в этом. Я очень дурно чувствовала себя весь пост, и теперь еще я чувствую какую-то странную тоску одиночества. Может быть, я даже не совсем здорова, но думаю, что с весной все это пройдет.² Ваше письмо может быть положило начало моему исцелению. Но будет об этом, это скучно. Радуюсь ужасно за вас и живо воображаю теперешнее ваше настроение и вашу улыбку, которая мне всегда так нравилась! Думаю все-таки приехать в Крым в июне, иначе я задохнусь, меня что-то все давит. Мое мрачное настроение и было причиной моего долгого молчания. Оно было у меня немножко гауптмано-ибсено-чеховское. Новостей никаких нет. Я сидела все дома, не выходя никуда. Видела Над. Ив., это было для меня всегда приятным звеном, соединяющим Москву с Ялтой. Бедный Ал. Н., как он медленно поправляется! Вот уж, я думаю, настроение было архи-гауптмановское. А об „Овраге“ я вам еще напишу, но надо специально заняться этим, у меня были блестящие идеи для вашего обращения.

Как меня порадовала ваша телеграмма, подписанная дружескими именами! Я вдруг как-то почувствовала, что „я — это я“, говоря языком Зудермана.³ Ну, пока будет. Будьте счастливы и здоровы и наслаждайтесь тем, что жизнь иногда дает.

Ваша всегда

М. Ермолова.

¹ В спорах о чеховском „Овраге“ Средин намекал на то, что классические испанские драмы (Лопе де Вега, Кальдерон) исказили вкус Марии Николаевны, отвратив ее от искусства повседневности.

² Кроме сильного переутомления от непосильной работы (из 172 спектаклей Ермолова участвовала в 63, будучи занята в 17 пьесах), у М. Н. начиналась серьезная болезнь, которая потребовала долгого лечения и навсегда отразилась на здоровье артистки.

М. Н. Ермолова в роли Зейнаб
„Имена“ Сумбатова
1903

М. Н. Ермолова
1906

³ „Я — это я“ — слова Магды, из драмы Г. Зудермана „Родина“, впервые сыгранной М. Н. Ермоловой 15 сентября 1896 г.

91. А. В. СРЕДИНУ

[29 ноября 1900 г.]

Я так виновата, дорогой Леонид Валентинович, перед вами, что и оправдываться не буду. Хотела писать к Соф. Петр., да сейчас получила ваше письмо. Прежде всего я ужасно рада, что вы, повидимому, недурно себя чувствуете — вы ничего, так и С. П. хорошо себя чувствует; с Зиной тоже, слава богу, идет на поправку, а если вы и скучаете немножко, не беда: опять скоро весна, опять скоро перелетные птицы через... Лучше соберетесь с силами к приему гостей. Конечно, вы знаете, что газеты целый месяц занимались Н.

Все это было, по правде сказать, немножко пошло и, простите, начинает походить на „избалованное дитю“, а не на серьезного писателя, немножко по крайней мере, но газеты... Ну, уж такое время должно быть, ничего не поделаешь!.. Время шарлатанства, распушенности и юбилеев.

Я с ужасом замечаю, что мое писание наполняется какой-то язвительностью, чего, по правде сказать, я терпеть не могу! Это оттого, что я долго к вам не писала, и оттого, правда, я чувствую себя инвалидом. Публика устроила мне такую овацию, что она одна могла вознаградить за все дурное, что я в последнее время испытала в театре.¹ Да ведь и немудрено, я — законная дочь Москвы, во всем ее хорошем и дурном. Играть мне не велят. Я не называю это игрой, если я покажусь 6 раз в сезон в таких ролях только, как „Невольницы“ или „Поздняя любовь“.² Живу по возможности не двигаясь, а кровотечения все продолжают, несмотря на лечение... Резать себя не дам ни за что, уж лучше все брошу и буду чулки вязать. За все это время видела одного только „Доктора Штокмана“ и в восторге от Алексеева. Вот вам бы понравился. Играет, как великий артист.³ А больше нигде еще не была. Эта единственная, по-моему, пьеса Ибсена, которая имеет право на существование в театре.

Я еще не могу освоиться с мыслью, что я дошла до какой-то точки, от которой жизнь моя должна принять другое направление. Оттого я так и сбилась и растерялась немножко, и даже как будто потеряла светлое настроение. Нет, это все

на время, дайте только мне найти твердую почву под ногами, решить так или иначе, и я опять буду я. Спасибо вам за письмо, спасибо!..

Маменьку С. П. целую крепко, крепко.

М. Ермолова.

¹ Всю осень 1900 г. М. Н. не выступала на сцене. Только 16 ноября 1900 г. в прощальном бенефисе И. П. Уманец-Райской, в „Талантах и поклонниках“, прощаясь с ролью Негиной, М. Н. впервые после долгой разлуки встретила с публикой. Когда в конце 5-го явления 1-го действия комедии О. О. Садовская, игравшая Домну Пантелеевну, встречая запоздавшую дочь актрису (Ермолову), произнесла: „Что ты так долго?“ — весь театр вихрем рукоплесканий отнес эти слова к самой Ермоловой, так долго не появлявшейся на сцене, а следующая реплика А. А. Федотова — Дулебова: „Ах, моя радость, а я вас заждался“ — превратила этот вихрь в настоящую бурю. Спектакль превратился в триумф великой артистки.

² В сезон 1900—1901 г. Ермолова выступила всего лишь 20 раз исключительно в комедиях Островского и Шекспира — „Зимняя сказка“. В следующем сезоне Ермолова вновь обратилась к драме и трагедии („Ричард III“, „Орлеанская дева“, „Родина“, „Погоня за наслаждением“).

³ Драма Ибсена „Доктор Штокман“ была в первый раз представлена в Художественном театре 24 октября 1900 г. и своим успехом обязана замечательному исполнению К. С. Станиславским главной роли.

92. М. П. САДОВСКОМУ ¹

[Декабрь 1900 г.]

Дорогой Михаил Прович, ровно месяц тому назад был у меня этот самый разговор с Н. И. Музилем. Я ему обещала, если он не найдет ничего, сыграть Анну Павловну в бенефис. Значит надо сначала узнать у него, дает он или не дает. Потом вы знаете, что я теперь инвалид и если могу играть, то с дублеркой, с Нечаевой хоть что-ли, чтоб она за меня репетировала. А главное вот в чем дело: я могу захворать накануне бенефиса и тогда прости, прощай! Конечно, тут выручит дублерка, но... и т. д.

И расчитать этих самых чисел, когда я могу захворать, теперь никак невозможно, все перепуталось. Вот я каким уродом теперь оказываюсь! В конце концов, если Музиль отдает, я не отказываюсь, но смотрите сами, как много риску; у него, конечно, я бы играла с теми же условиями. Отчего не хотите „Бедность не порок“? Ей богу, лучше, а мы бы

сыграли в начале „Провинциалку“ (если я буду здорова). Когда назначается бенефис? Что такое с вами? Не кисните, выздоравливай[те].

Крепко жму руку.

М. Ермолова.

¹ Михаил Провович Садовский (1847—1910) — сын знаменитого сподвижника Островского, занимал в течение 40 лет (1869—1910) одно из первых положений в труппе Малого театра. Актер большой простоты, захватывающей сердечности и тонкого, народного юмора, Садовский был одним из самых любимых Ермоловой актеров в труппе Малого театра. В письме идет речь о предполагавшихся бенефисах Н. И. Музиля и М. П. Садовского, для которых оба артиста наметали поставить комедию Островского „Шутники“ с М. Н. в роли Анны Павловны. „Шутники“ поставлены были в бенефис М. П. Садовского 12 января 1901 г., с М. Н. в роли Анны; бенефициант играл Оброшенова, Музиль — Шилохвостова. Бенефис Музиля состоялся позже — 18 октября 1901 г. — „Светит, да не греет“ Островского и Соловьева с М. Н. в роли Реневой.

93. М. И. ЛАВРОВУ

[16 февраля 1901 г.]

Дорогой Митрофан Иванович, насилу собралась вам ответить, не сердитесь — то больна, то занята и т. д. Прежде всего, спасибо, сердечное спасибо, что вспомнили меня. Вас никогда не забудешь. Пробыть столько времени в театре,¹ и выйти из него, сохранив все свое человеческое достоинство! Это — знаете, редкость в наше время! Да еще с вами связана вся моя молодость, самое лучшее время, когда же его забыть! Да, вы ушли из театра во время. Скоро название „артист императорских театров“ станет чем-то нехорошим: так у нас успешно идет дело развития искусства! Получаете ли вы газеты, читаете ли какими теперь помоями обливают со всех сторон Малый театр?² Ну, да бог с ними! Одно мое желание, сделать так, как вы, да все еще не решаюсь. Может быть, вам и трудно живется, а все-таки, я думаю, вы довольны, или скучаете иногда? От всей души желаю всего хорошего. Крепко жму вашу руку. Не забывайте, мой верный Ла Гир³,

М. Ермолову.

¹ Артист М. И. Лавров прослужил в Малом театре свыше 40 лет (1859—1900).

² М. Н. имеет в виду фельетон С. В. Флерова (Васильева) в „Московских ведомостях“ (1901, № 15), в котором критик, сопоставляя Малый театр с Художественным, резко напал на дирекцию, режиссуру и актеров Малого театра, обвиняя их в некультурности, художественной отсталости и во вражде к сопернику — Художественному театру. Исключительно резкий выпад Флерова против Малого театра получил отпор со стороны его артистов — А. П. Ленского (в „Московских ведомостях“) и А. А. Федотова (в „Новостях дня“). Флеров отвечал еще более резким выпадом, утверждая, что Малый театр, некогда бывший „симфоническим оркестром“, теперь „превратился в духовой“ („Московские ведомости“, 19 февраля).

³ В течение 16 лет М. И. Лавров бесценно исполнял роль рыцаря Ла-Гира в „Орлеанской деве“.

94. А. И. ЮЖИНУ

{Сентябрь 1901 г.}

Дорогой Александр Иванович! Я сейчас прочла сцену в „Нефтяном фонтане“, подписанную автором для спектакля 29-го числа.¹

Будьте так добры, извинитесь за меня перед ним: я нахожу это очень неудобным для себя — входить в пьесу на один раз и для этого учить новую сцену, которую я играть не буду. Пожалуйста, прошу вас, сделайте это для А. П. Щепкиной и для меня, — сыграемте „Nocturne“ Нотовича. Вы знаете, что пьеса эта идет 20 минут. А за Г. Н. Федотову, Александра Петровна попросит О. О. Садовскую, так как она тоже не участвует в этом спектакле. Таким образом спектакль затянется только на полчаса. Мне очень совестно перед г. Величко за мою нелюбезность, но я не могу иначе поступить.

Уверена, что вы не откажете моей просьбе.

Крепко жму вашу руку.

М. Ермолова.

¹ 29 сентября 1901 г. в Малом театре была поставлена в пользу семьи умершего главного режиссера С. А. Черневского комедия В. Л. Величко и Маро — „Нефтяной фонтан“.

Чтобы обеспечить полный сбор, автор комедии написал специально для данного спектакля вставную сцену, в которой должна была участвовать М. Н. По желанию М. Н., вместо этой вставной сцены, она участвовала в роли Наталии Федоровны в драматическом этюде О. К. Нотовича „Ноктюрн“, сыгранном в начале спектакля. Роль Елизаветы Сергеевны исполняла О. О. Садовская, Александра Петровича — А. И. Южин.

А. П. Щепкина — артистка Малого театра, вдова С. А. Черневского.

[6 декабря 1901 г.]

Дорогой Алексей Михайлович, у меня очень болит горло, хотя жару нет, но говорить мне трудно и вряд ли я могу играть завтра и в субботу. Я хотела вам писать вечером, но так как Анята пришла, я пользуюсь случаем. Если можно, зайдите ко мне хоть на минутку вечером. Вы знаете, как я теперь буду мучиться, что из-за меня надо снять бенефис.¹ Поговорите с начальством, может быть можно отложить до 15-го. С понедельника тоже снять, а во вторник поставить „Ириновскую“.² Ну, да это вы сами лучше меня знаете. Если можно, зайдите, а то я буду все беспокоиться, что будет без меня.

Жму вашу руку.

М. Ермолова.

¹ По болезни М. Н. бенефис вторых артистов, для которого шла драма Е. А. Бутти „Погоня за наслаждением“ с М. Н. в роли Камиллы, был перенесен на 15 декабря.

² Пьеса А. И. Сумбатова „Ирининская община“ шла в среду 12 декабря.

[1901 г.]

Дорогой Александр Иванович!

Сердечно благодарю вас за ваше всегда хорошее отношение ко мне, за ваш милый подарок, который дорог мне еще больше потому, что он напоминает мне всю мою молодость! Незабвенное время, когда мы все горячо и беззаветно отдавались своему искусству, верили в него и молились ему!

„А теперь...“ Знаете ли, из всех этих ролей самая моя любимая, Ирина Бойцова.¹ Это была последняя вспышка, этот чудный женский образ мог еще найти отзвук в моей душе. Может быть мне все это кажется, не знаю, только она мне очень нравилась, как и вся пьеса.

Дай вам бог написать еще что-нибудь такое же светлое, красивое! Свету, побольше свету!

Средь мрака ненастного
Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите, во имя прекрасного,
Против течения!²

К чорту Ибсена и все, что над жизнью или сверх жизни!..
Нужна только жизнь и художественная правда и красота!
Простите за эти фразы и не смейтесь.

Я вся еще разбита и нервы никак не могут успокоиться.
Еще раз спасибо вам, дорогой товарищ.

М. Ермолова.

¹ М. Н., получив от А. И. Сумбатова (Южина) новый том его сочинений и вспоминая свои роли в его пьесах, останавливается с особой любовью на последней из них — на роли Ирины Бойцовой, самоотверженной женщины, полной любви к людям и рвущейся к работе на общее благо. Эту роль в комедии „Ирининская община“ М. Н. впервые играла 1 ноября 1901 г.

² Отрывок из стихотворения А. К. Толстого „Против течения“, которое М. Н. любила читать на концертах.

97. Г. Н. ФЕДОТОВОЙ

[28 января 1902 г.]

Дорогая Гликерия Николаевна,

приветствую вас от всего сердца! Счастлива, вместе с вами торжествую! и крепко, крепко целую вас, дорогой товарищ!¹

Сама устала ужасно, сижу с ролью и не могу вас лично поцеловать.

Ваша

М. Ермолова.

¹ 28 января 1902 г. было отпраздновано в Малом театре 40-летие сценической деятельности Г. Н. Федотовой, которая выступила в роли Волумнии в трагедии Шекспира „Кориолан“

98. А. Ф. АРЕНДСУ¹

[Начало февраля 1902 г.]

Дорогой Андрей Федорович, будьте добры, не откажите по старой памяти дирижировать оркестром 12-го февраля в „Орлеанской деве“ все то, что вы играли раньше. Это мой последний бенефис, и последний раз идет „Орлеанская дева“, а без вас и без тех увертюр, которые вы так удачно вы-

брали, не будет того впечатления. Не откажитесь в последний раз выручить Деву! Буду надеяться, что вы исполните мою просьбу.

Крепко жму вашу руку.

М. Ермолова.

¹ Письмо М. Н. к Андрею Федоровичу Арендсу открывает ряд писем М. Н., вызванных спектаклем 12 февраля 1902 г., когда в ее бенефис была представлена в последний раз „Орлеанская дева“. Арендс в 1891—1900 г. был дирижером оркестра Малого театра и всегда дирижировал музыкой к этой трагедии, частью сочиненной им самим, частью подобранной из других композиторов. Арендс, состоявший с 1900 г. дирижером балета, исполнил просьбу Ермоловой и дирижировал оркестром в ее бенефис.

99. Н. Е. ЭФРОСУ

[1 февраля 1902 г.]

Многоуважаемый Николай Ефимович, вам билет давно записан и будет прислан. Я тоже привыкла, чтобы вы были у меня на бенефисе. С своей стороны, очень прошу вас напечатать завтра заметку: „Билеты, записанные на бенефис г-жи Ермоловой, можно получать с воскресенья до среды в кассе Большого театра. Не взятые билеты поступают в продажу с четверга“.¹ Надеюсь, что вы не откажете исполнить мою просьбу.

Жму вашу руку

М. Ермолова.

¹ Бенефис Ермоловой состоялся 12 февраля в Большом театре. С 3 по 6 февраля билеты, записанные у бенефициантки, выдавались в кассе театра.

100. А. М. КОНДРАТЬЕВУ

[Около 10 февраля 1902 г.]

Дорогой Алексей Михайлович, провались бенефис мой в тартарары, если из-за него будут выгонять людей! Ради бога, расскажите полковнику¹ всю историю. Прежде всего, ваши билеты целы. Они у сторожа. Пришел в театр Савостьянов и жалуется, что ему не дали билета. Я ему говорю:

подите на счастье в кассу. Он и послал при мне сторожа, которому отдали ваши билеты. Билеты и сейчас у него. Объясните полковнику, что сторож ни душой, ни телом не виноват. Это я послала его, конечно, не зная, что ему дадут ваши билеты. Да, главное, билеты-то у него! Из-за чего же поднимать такую историю!

Ради бога, уладьте все это. Скажите, что я прошу оставить сторожа.²

Ваша

М. Ермолова.

¹ Полковник П. А. Переяславцев был „полицеймейстером театров“ Большого и Малого — должность, соответствовавшая двум театральным должностям нашего времени: главного администратора и коменданта театра.

² Это письмо, написанное почти в канун бенефиса М. Н., необыкновенно ярко рисует ее, как человека: вся поглощенная подготовкой спектакля, в котором навсегда прощалась с любимой ролью, М. Н. горячо вступается за бесправного сторожа, которого прогнали со службы за то, что он билеты на „Орлеанскую деву“, оставленные для режиссера Кондратьева, по ошибке вручил другому лицу. По требованию М. Н. сторож был возвращен на службу, но обидчивый Кондратьев не пожелал присутствовать на ее бенефисе.

101. А. М. КОНДРАТЬЕВУ

[10 февраля 1902 г.]

Дорогой Алексей Михайлович.

Простите, что опять вмешиваюсь в „режиссерское управление“, но прошу вас прикажите напечатать завтра на афише жирным шрифтом, что начало в 7^{1/2} ч., а то, вы знаете нашу публику, она уж привыкла к 8-ми приезжать.

Жму вашу руку.

М. Ермолова.

102. С. В. ФЛЕРОВУ

[12 февраля 1902 г.]

Очень рада, что вы вспомнили обо мне, Сергей Васильевич, и от души благодарю за поздравление.

Посылаю вам билет; уж не сердитесь, какой есть. Прошу принять его от меня так же радушно, как я вам его посылаю.

103. А. М. КОНДРАТЬЕВУ

[12 февраля 1902 г.]

Дорогой Алексей Михайлович, мы вместе с вами работали над „Орлеанской девой“, и мне бы хотелось, чтоб у вас навсегда сохранилось воспоминание о ней. Прошу вас принять маленькую лилию и носить ее на добрую память о „старой“ Орлеанской деве.

Крепко жму вашу руку.¹

М. Ермолова.

¹ Своим письмом и подарком, посланным в самый день бенефиса, М. Н. пыталась рассеять бессмысленную обиду главного режиссера Кондратьева (см. примечание к письму 100), но не успела в этом: Кондратьев отсутствовал на ее бенефисе и ограничился присылкой поздравительного письма.

104. А. М. КОНДРАТЬЕВУ

[13 февраля 1902 г.]

Дорогой Алексей Михайлович, мне было очень грустно вчера не видеть своего старого товарища, с которым мы провели целую жизнь почти.¹ Благодарю вас за ваше сердечное письмо, и уверена, что ваше ко мне расположение не изменилось, как и мое к вам.

Крепко жму вам руку.

М. Ермолова.

¹ Начав службу в Малом театре еще в 1862 г., Кондратьев был свидетелем всего сценического пути М. Н. — и в своем письме, написанном на другой день бенефиса, М. Н., всегда дорожившая товарищеской спайкой артистов и высоко ценившая чувство товарищества, выразила огорчение демонстративным отсутствием главного режиссера Малого театра на ее торжестве, которое собрало всю театральную и культурную Москву.

105. А. А. САНИНУ

[1902 г.]

Дорогой Александр Акимович!

Я очень тронута вашим подарком и горжусь им. Только верному рыцарю чистого искусства могла придти в голову эта идея. Мне, современной жрице его, не под силу этот меч

великих героев, но идею с восторгом принимаю. Да, защищала, как умела, чистое искусство и до конца дней останусь ему верна. От всего сердца горячо благодарю вас.

Крепко жму вашу руку и желаю всего лучшего.

М. Ермолова.

Вперед, мои бесстрашные, вперед!
Иоанна близко. Знамя перед вами
Она нести не может, как бывало,
Но дух ее свободно
Несется в бой за вашей бранной песнью.

*„Иоанна д'Арк“
5-й акт. Шиллер.*

¹ На спектакле „Орлеанской девы“ 12 февраля 1902 г. артист и режиссер Московского художественного театра А. А. Санин поднес М. Н. меч, как символ ее героического искусства.

106. А. М. КОНДРАТЬЕВУ

[22 февраля 1902 г.]

Дорогой Алексей Михайлович, сейчас хотела писать вам и просить вас и В. А. Нелидова снять „Разговор двух дам“.¹

Верьте мне, я до того устала, что у меня язык не ворочается, а после такой тяжелой роли,² это прямо невысказимо! Особенной надобности вам в этом нет.

Влад. Алекс. сказал вчера, что можно поставить „Игроки“. Очень извиняюсь, что вчера я по слабости согласилась, а сегодня чувствую, что это страшно тяжело! Пожалуйста, избавьте! Да ведь и играла-то я собственно для „торжества“, а иначе никогда б не подумала играть этого, потому что не умею.

Крепко жму вашу руку.

М. Ермолова.

¹ М. Н. играла „Даму, просто приятную“ в „Разговоре двух дам“ из „Мертвых душ“ Гоголя, входившем в программу торжественного спектакля по случаю 50-летия со дня смерти Гоголя (21 февраля 1902 г.).

² Утром 24 февраля М. Н. играла роль Камиллы в драме „Погоня за наслаждением“ Бутти, а вечером того же дня должна была вновь выступить в „Разговоре двух дам“. Несмотря на просьбу М. Н. заменить этот отрывок комедией „Игроки“, начальство все-таки заставило ее играть в этот вечер „Разговор“.

[Москва, 30 августа 1902 г.]

Дорогой товарищ, славный артист, примите мой сердечный привет и поздравление¹ — горячее желание держать всегда так же высоко знамя русского искусства, как вы его держали до сих пор.

Мария Ермолова.

¹ Поздравительная телеграмма по случаю 20-летия со дня дебюта А. И. Южина в Малом театре в роли Чацкого в „Горе от ума“ (1882).

108. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ¹

[1903 г.]

Дорогой Александр Леонидович!

Простите, что опять беспокою вас, но рассчитываю опять на вашу любезность. Мне хочется видеть „Три сестры“ в последнее воскресенье. Нужна опять такая же ложа бенуара, и на 12 число „На дне“ 2 билета по два рубля. Ради бога, добудьте. Что делать, „ты победил, назарянин!“ Я начинаю делаться горячей поклонницей Художественного театра. После „На дне“ я не могла опомниться недели две. Я и не запомню, чтобы что-нибудь за последнее время произвело на меня такое сильное впечатление. Но в особенности, что меня поразило, так это игра вас всех! Это было необычайное впечатление, о котором я сейчас вспоминаю с восторгом и не могу отделаться от этих ночлежников, они сейчас все как живые передо мной — вы все не актеры, а живые люди! Простите, я расписалась очень, но в этом виноват ваш театр!

Если можно, возьмите билеты и пришлите их мне.

Крепко жму руку.

М. Ермолова.

¹ Александр Леонидович Вишневский (род. 1863 г.) — с 1898 г. артист Московского Художественного театра, ныне заслуженный деятель искусств, герой труда. Письмо М. Н. чрезвычайно важно для ее характеристики, как художника и человека исключительной искренности и чуткости. Еще недавно относившаяся с отрицанием к драматургии Чехова, М. Н. с глубоким волнением переживает спектакль „Трех сестер“ в исполнении Художественного театра и, восторгаясь пьесой Горького, второй раз идет смотреть ее, открыто признавая победу молодого театра. В своем отношении к Художественному театру первых лет его деятельности М. Н. была в то время едва ли не одинока в труппе Малого театра.

109. М. Н. СУМБАТОВОЙ

[17—18 декабря 1903 г.]

Дорогая Мария Николаевна, не найдется ли случайно у вас или у Александра Ивановича кресла 1-го ряда на „Измену“ 19-го?¹ Буду страшно благодарна, мне нужно для Николая Петровича. Если есть, не откажите, голубчик.

Целую вас

М. Ермолова.

¹ Первое представление „драматической легенды“ А. И. Сумбатова „Измена“, в которой М. Н. создала потрясающий образ Зейнаб, состоялось 19 декабря 1903 г. „Николай Петрович“ — Шубинский, муж М. Н.

110. Л. В. СРЕДИНУ

[14 января 1904 г.]

Дорогой Леонид Валентинович, если бы знали, какую радость доставил мне ваш милый, бисерный почерк!.. Ничего я не забыла, все я помню, и в душе у меня все то же, и прав был Тимковский относительно внешних отношений. Да, к несчастью, судьба нас оторвала, но я никогда не думала, чтобы это было навсегда.

Нет, дорогой мой друг, мы не можем измениться, наши дружеские отношения возникли уже в зрелых годах, и поздно меняться мне, по крайней мере. Но есть нечто выше наших желаний и чувств... и этому „нечто“ приходится подчиняться. Но это в сторону. Мне кажется, что мы увидимся в недалеком будущем. Я стала совсем старуха, вы меня, пожалуй, не узнаете... враг современных направлений в литературе и, конечно, в искусстве. Возмущаюсь до глубины души всем, что напоминает Андреева, или Коровина, или Врубеля, и т. д.¹ Ну, об этом мы когда-нибудь побеседуем на террасе. Милая, дорогая Соф. Петр., напишите вы мне пожалуйста, я боюсь утруждать бисерный почерк, а по очереди. Милая моя, дорогая, я слышала, что вы похудели? Крепко вас целую и крепко жму руку дорогого Л. В.

М. Ермолова.

Это письмо писала на-скоро, все время или занята, или нездорова.

¹ М. Н. Ермолова не любила широкой импрессионистической манеры письма К. А. Коровина (род. в 1861 г.), первые декоративные работы которого появились в московских казенных театрах в сезон 1901—1902 гг. (балет „Конек-Горбунок“). М. А. Врубеля (1856—1910) Ермолова подозревала в неискренности его исканий. Впоследствии Ермолова изменила свое мнение о Врубеле. Познакомившись по монографии С. П. Яремича (М. 1910) с его фресками в Кирилловской церкви, она полюбила его произведения и свое прежнее отрицание Врубеля приводила своему внуку в пример опрометчивости суждений, основанных на поверхностном знакомстве с предметом (неизданные воспоминания Н. В. Зеленина). Творчество Л. Н. Андреева осталось навсегда чуждо Ермоловой.

111. А. М. КОНДРАТЬЕВУ

[28 ноября 1904 г.]

Дорогой Алексей Михайлович, прошу вас и В. А. Нелидова снять завтра „Боркмана“.¹ Я чувствую себя до нельзя скверно, не сплю, не ем и ослабла до того, что трудно передвинуться с места на место. Вчера играла через силу — и результаты вы видели! Завтра может быть еще хуже. Дайте мне оправиться до пятницы. Простите за беспокойство, мне самой это страшно неприятно, вы знаете, что только крайняя необходимость заставляет меня отказаться от спектакля.

Уважающая вас

М. Ермолова.

¹ Первое представление драмы Ибсена „Джон Габриэль Боркман“, где М. Н. играла роль Эллы Рентгейм, состоялось 19 ноября 1904 г.; третье, о котором идет речь в письме М. Н. — 27 ноября. Назначенное на 29-е 4-е представление „Боркмана“, за болезнью М. Н., было заменено драмой Шницлера „Одиноким тропой“. В четвертый раз М. Н. выступила в „Боркмане“ 7 декабря. Роль Эллы принадлежит к наиболее совершенным созданиям М. Н. последнего периода ее творчества. Глубокая сосредоточенность чувства и внутренний драматизм образа заключены в тонкую форму, поражающую своей мудрой простотой и строгой красотой.

112. Г. Н. ФЕДОТОВОЙ¹

[Ноябрь 1906 г.]

Ах, дорогая Гликерия Николаевна,
как я без вас соскучилась! Если бы вы знали, как вас не достает в театре! Вы ушли, и точно последний свет погас. С вами ушло искусство, с вами ушло серьезное, строгое отношение к делу, а теперь что-то стало совсем другое. Как

будто никому ни до чего нет дела! Все валится, и пускай, валится! Когда вы были, вы спорили, говорили, возражали, и вас слушали, а теперь некому ни говорить, ни слушать. Я на это, вы знаете, никогда не была способна. Чувствую, что я совсем ослабла, не могу играть больше, и подумываю о том, чтобы уйти. Нынешний год очень идет вяло. Сейчас репетируем „Зиму“,² которую мне не надо было играть совсем. Сделала глупость и, конечно, хорошего ничего из этого не может выйти. Ну, кажется, я на вас тоску навела своим письмом, а ведь просто хотела с вами поделиться, по привычке, впечатлениями. Если можете, напишите о себе, очень хочется знать о вас, если нельзя видеть.

Покойны ли вы, и как ваше здоровье! [...] Крепко, крепко вас целую, и желаю вас видеть бодрой и здоровой. Дай вам бог всего, всего хорошего.

Ваша

М. Ермолова.

¹ Настоящим письмом открывается вереница писем М. Н. к Федотовой, вызванных ее уходом со сцены. Весною 1906 г. Федотова заболела параличом ног и поселилась в своем имении на берегу Оки близ г. Каширы. М. Н. с этих пор, вопреки своей нелюбви к писанию писем, становится деятельною корреспонденткой Федотовой. В своих письмах М. Н. старается посвящать Федотову в жизнь Малого театра и поддерживать в ней убеждение, что она исключительно нужна театру и что возвращение ее на сцену станет вскоре возможно. Письма М. Н. к Федотовой необыкновенно ярко рисуют высокий нравственный облик Ермоловой. Читая их, можно подумать, что начинающая актриса пишет их к знаменитой артистке, бесконечно превосходящей первую талантом и значением в театре. А между тем в указанную эпоху историческое место М. Н. в русском театре определилось уже со всей несравнимой высотой, ему принадлежащей, что особенно ярко сказалось в общественном чествовании М. Н. в 1907 г.

² Сезон 1906—1907 г. был временем крайнего ущерба Малого театра, упадка художественного и материального. Малый театр почти лишился зрителя: средний сбор за этот сезон — 620 р. является самым низким из сборов за последние 25 лет дореволюционного Малого театра. Премьера пьесы П. П. Гнедича „Зима“, в которой М. Н. играла Людмилу, состоялась 30 ноября 1906 г.

113. Г. Н. ФЕДОТОВОЙ

[Середина декабря 1906 г.]

Дорогая Гликерия Николаевна!

Простите, что так долго не писала, много пришлось играть это время, сильно уставала. Как я бранила себя, что

послала вам такое унылое письмо, и вместо того, чтоб развлечь вас в вашем уединении, расстроила вас, — простите, дорогая: так хотелось поделиться с вами моими горями, которые, знаю, близки вам. Спасибо вам, что зовете меня к себе, с удовольствием бы сейчас уехала, но — сами знаете, невозможно. Говорят, вы скучаете, что меня страшно радует: я именно так себе и представляла вас в деревне, и завидую вам от души. А что бы вам заняться мемуарами? Сколько прошло в вашей жизни интересного, сколько лиц! Какое время, богатое талантами! Подумайте, с каким бы восторгом вас читали.

Сыграли мы „Зиму“: ничего, успех средний; я думала будет хуже. Дорогая моя, горячо вас благодарю за вашу любовь и внимание ко мне. Будьте здоровы, веселы и не забывайте всегда вас любящую

М. Ермолову.

114. Г. Н. ФЕДОТОВОЙ

[Начало января 1907 г.]

Дорогая Гликерия Николаевна, пользуюсь случаем послать вам с Алексеем Михайловичем мой сердечный привет и поздравление с 45-летием.¹ Будем желать, чтобы имя Федотовой вновь воскресло и заблестело на нашей сцене!

Дорогая моя, милая, дай вам бог здоровья и всего хорошего! Вы опять едете в Саки и это очень хорошо. Может быть, и отвяжется наконец несносная болезнь.

Наконец у нас стало тепло, я все еще в Москве, уеду в конце мая в Висбаден. Сколько ни отдыхаю, но чувствую, что силы уж не вернутся. Я собственно ничем не больна, но чувствую страшный упадок сил. Еще раз желаю вам всего лучшего и дай бог нам с вами дождаться лучшего будущего и в России, и в нашем театре, который так дорог нам обоим.

Крепко, крепко обнимаю вас и целую. Если у вас А. А. и Н. Н.², поцелуйте их от меня, и девочек и милую Александру Александровну и тетю Сашу.

Ваша всегда

М. Ермолова.

¹ Г. Н. Федотова дебютировала в Малом театре 8 января 1862 г. в роли Верочки в пьесе П. Д. Боборыкина „Ребенок“.

² Сын Федотовой, артист Малого театра (1893—1903) Александр Александрович Федотов (1863—1909) и его жена Наталия Николаевна, игравшая в Малом театре под фамилией: „Васильева 2-я“ (1886—1906). Александра Александровна — Заблоцкая, переводчица, друг Федотовой.

115. Г. Н. ФЕДОТОВОЙ

[Начало марта 1907 г.]

Дорогая Гликерия Николаевна, не могу выразить, как меня тронула ваша телеграмма.¹ Ваше внимание было для меня всегда дорого, но дороже всего ваши теплые, сердечные слова, доказывающие ваше дружеское ко мне отношение. За это сердечно вас благодарю, глубоко ценю и отвечаю тем же от всей души. Молю бога, чтоб вы до конца моих дней сохранили ко мне ваше расположение, постараюсь его не утратить, так как сама люблю вас и уважаю от всей души. Сколько б нам ни осталось, но пойдем вместе рука об руку до конца. Дай вам бог сил и здоровья на много, много лет! Спасибо, дорогой товарищ и друг!

Ваша

М. Ермолова.

~~1~~¹ Г. Н. Федотова приветствовала М. Н. телеграммой 4 марта 1907 г., когда, уходя в длительный отпуск, М. Н. в последний раз выступала в „Измене“ Сумбатова.

116. Г. Н. ФЕДОТОВОЙ

[5 марта 1907 г.]

Дорогая моя, милая Гликерия Николаевна!

Я до слез была тронута вашим милым, сердечным письмом. Вчера я целый день думала о вас и больно мне было, что вы не со мной, вы, мой друг и товарищ, вы артистка так высоко держали всегда знамя искусства. Молю бога, чтобы он послал вам здоровья и возвратил вас сцене. Без вас она осиротела. Что касается меня, вы знаете, я уйду на год. Это мне предложил Теляковский, говоря, что уйти вы всегда успеете. Я приняла это и обещаю вернуться через год. Я смертельно устала и право не могу больше играть слишком сильных ролей.¹ Через год, если бог даст, я опять

М. Н. Ермолова в роли Кручининой
„Без вины виноватые“ Островского
1908

М. Н. Ермолова в роли княжны Плавутинной-Плавунцовой

«Холопы» П. Гнедича

1908

примусь за работу, но надо, чтобы она была не так тяжела, как прежде.²

Вчера все прошло очень хорошо, я была счастлива, видя столько любви ко мне, и не уйди вы потихоньку по случаю болезни, вам бы было то же самое.

Крепко и от всего сердца вас целую, дорогая моя, не пишу вам подробно обо всем, потому что вся еще разбита и измучена, и не могу собраться с мыслями.

Одно знаю, что люблю вас всем сердцем!

Не забывайте всегда вас любящую

М. Ермолову.

¹ „Годовой отпуск“ Ермоловой справедливо рассматривался общественностью как вынужденный уход ее из театра. В силу этого последнее выступление Ермоловой в „Измене“ Сумбатова 4 марта 1907 г. превратилось в величественное чествование артистки. „Переполненный сверху донизу театр, весь спектакль — одна сплошная, все разрастающаяся трогательная овация — так провожала Москва свою любимую артистку. Спектакль был оттеснен на второй план: его заслонили проходы. После III действия энтузиазм зрительного зала перекатился за сцену. М. Н. Ермолова вдруг оказалась в середине аплодирующей труппы. Был подан золотой венок, и артистку тут же им увенчали. Поддерживаемая Ленским и Южными, сильно взволнованная, Ермолова подошла к рампе и произнесла несколько благодарственных слов. Высказанное в заключение предположение о возможности снова появиться на сцене Малого театра было встречено взрывом аплодисментов и криками „Браво“ („Русские ведомости“, 1907, № 52).

² Длительный отход М. Н. Ермоловой от театра (март 1907 — март 1908 г.) был обусловлен не одною усталостью и не одним ее желанием перехода на новые роли: вернувшись в театр в 1908 г., она продолжала играть сильные роли („Без вины виноватые“, „Ричард III“, „Привидения“, „Израиль“ и др.). К уходу из театра Ермолову вынуждал бюрократический режим в Малом театре, усиленно поддерживаемый управляющим московской конторой императорских театров Н. К. фон Боодем, при котором Малый театр, в сезон 1906—1907 гг., дошел до весьма низкого художественного уровня. Ермоловой пришлось в этот сезон выступать в пьесах „Зима“ Гнедича и „Над жизнью“ Шкляра, которые отталкивали ее своей нехудожественностью. В то время как общественность видела в Ермоловой великую артистку, чьим именем увенчана целая эпоха русского театра, для театральной бюрократии Ермолова была одним из лиц „управляемых“. Своей полной независимостью художника и высоким благородством личности Ермолова всегда стояла поперек дороги казенным вершителям судеб театра. Управляющий труппой Малого театра камер-юнкер В. А. Мелидов вел прямую травлю против Ермоловой, добиваясь ее ухода из театра.

На банкете 11 марта от лица Союза драматических писателей было заявлено:

„Марии Николаевне приходится в полном расцвете творческих сил оставить те подмостки, которые она более тридцати пяти лет озаряла очарованием своего творческого гения; невыразимо больно, что в стенах славного своими художественными традициями Малого театра могут возникнуть условия, ничего общего с искусством не имеющие и влекущие за собою потерю лучшего украшения этой сцены. Несомненно, однако, что никакой грубой руке не удастся разорвать творческую цепь, связавшую Марию Николаевну с ее отчим домом, Малым театром“.

117. А. И. ЮЖИНУ

[12 марта 1907 г.]

Дорогой Александр Иванович, благодарю вас за все, за все, за все! Сергеенко я сама напишу. Нелидову будьте милы передать, что я буду очень рада и т. д. ... И уж будьте милы до конца: распорядитесь, чтобы мне прислали из Кружка все адреса и телеграммы. Их мне вчера не дали, а я была в таком состоянии, что забыла спросить. И пожалуйста передайте Обществу Худ. Лит. Кружка мою глубокую сердечную благодарность за вчерашний вечер. Он так чудно был устроен и мне доставил глубокую радость. Еще раз спасибо, дорогой друг и товарищ.¹

Ваша всегда

М. Ермолова.

Мой крепкий поцелуй младшей сестре Орлеанской Девы.²

¹ 11 марта в Литературно-художественном кружке состоялся банкет в честь Ермоловой, на котором присутствовало свыше 300 человек. Артисты, художники, писатели, ученые, общественные и политические деятели в адресах от множества организаций и в своих речах характеризовали Ермолову, как великого художника и искреннейшего трибуна освободительных чувств. Эта многоустая хвала Ермоловой, как „вечному протесту, вечному воплощению правды в искусстве“ (выражение одной из прочитанных телеграмм) вызывала неумолкающие овации присутствующих. „Только одной телеграмме не посчастливилось. Ее даже не читали, о ней лишь доложили, что она прислана управляющим конторой казенных театров Н. К. фон Бооль. В ответ на это публичкой был устроен кошачий концерт. Шиканье и свист продолжались минут пять“ („Русское слово“, 1907, № 58, от 13 марта). Сама М. Н. Ермолова со свойственной ей скромностью отнесла все чествование не к себе, а к Малому театру, сказав в кратком благодарственном слове: „Я горжусь, что в моем лице чествуется сегодня Малый театр“ („Русские ведомости“, 1907, № 58, от 13 марта).

П. А. Сергеенко (1854—1931) — беллетрист, автор книги „Как живет и работает Л. Толстой“.

² Супруга А. И. Южина, М. Н. Сумбатова, под псевдонимом Вронская, исполнила роль Алины, сестры Иоанны, на первом представлении „Орлеанской девы“, 9 января 1881 г.

[1907 г.]

Многоуважаемый Александр Иванович!

Позвольте просить вас передать совету Литературно-Художественного кружка мою сердечную благодарность за честь, которой почтили меня, выбрав в Почетные члены Общества.

Крепко жму вашу руку и желаю всего хорошего.

До свидания осенью

М. Ермолова.

119. А. В. СРЕДИНУ

[13 марта 1907 г.]

Дорогой Леонид Валентинович, как вы обрадовали меня вашим письмом, с какой радостью я увидела опять ваш бисерный почерк. Вот уж спасибо от всей души! Я не уйду из театра, я беру отпуск на год затем, чтобы покончить с сильными ролями, которые мне не под силу, и перейти на другие, менее тяжелые. Вот и все. Я бесконечно тронута такой любовью ко мне, которая проявилась 4 марта и на обеде 11 марта, и это еще более вышло трогательно, что мы живем, как вы совершенно верно выразились, в дикое время. Да, вы правы во всем, и я счастлива, что в вашей душе нашла отголосок всего, чему я верю и молюсь. Я вижу, что вы сохранили в себе чувство прекрасного, не поддались мутным и грязным волнам упадочного искусства, которыми мы залиты теперь со всех сторон: трудно и тяжело разбираться во всем, что теперь у нас делается, но я вместе с вами верю, что жив бог земли русской!

Ужасный кошмар коснулся и вас! У вас, говорят, отняли всех друзей и знакомых!¹ Что же делать, будем терпеть и молиться, чтобы снова проглянуло солнышко. Хотелось бы вас видеть, да сама не знаю, что будет дальше, вероятно, уеду за границу. Крепко целую С. П. и вас. Ваша всегда, не забывайте.

М. Ермолова.

¹ М. Н. Ермолова имеет в виду бесконечные аресты, высылки и административные расправы, которым подвергалась в Ялте демократическая интеллигенция со времени утверждения там временным генерал-губернатором Думбадзе, славившегося своей жестокостью.

[Декабрь 1907 г.]

Дорогая Гликерия Николаевна.

Поздравляю вас с наступающим праздником Рождества! Крепко вас целую и от всего сердца желаю вам здоровья и радости. Я слышала, что вам получше и очень радовалась этому. Вам с вашим живым умом и энергией, может быть и скучно в вашем уединении, но такая теперь сумасшедшая жизнь, что право приходится иногда вам завидовать. Я хоть и не принимаю участия ни в какой жизни, да уж очень больно даже видеть и слышать что делается. И ни откуда не видать еще просветления.¹ А, главное, наше дорогое милое искусство, что с ним теперь?! Все на выворот, порнография, безумие, вот литература и театр наших дней! Ну, да что об этом говорить! Я все еще сижу и, по правде сказать, со страхом думаю, что надо опять идти на сцену! Зачем? Что делать? То, что бы я хотела, сил нет, а то, что хочет мода, я не хочу! Простите за эти печальные размышления; вовсе не хотела бы доставить вам ни одной неприятной минуты, а хотела бы видеть вас снова здоровой и счастливой. У нас холод лютый! Как вы живете, не очень у вас холодно? Милая, дорогая, будьте здоровы, крепко, крепко вас целую, когда-нибудь, от нечего делать черкните словечко.

Любящая вас

М. Ермолова.

¹ М. Н. в предыдущих словах имеет в виду мрачную эпоху стоыпни-ской реакции с ее полевыми судами, смертными казнями, ссылками и т. д. М. Н. верно связывает реакцию политическую с реакцией в области искусства: с засильем внешнего эстетизма, порнографии и т. д.

[Февраль 1908 г.]

Дорогая Гликерия Николаевна! Не могу выразить вам, как вы обрадовали меня вашим милым письмом. Я, конечно, все время волнуюсь, во всем сомневаюсь, прежде всего в себе, а тут ваше письмо... точно благословение матери, так меня растрогало и подбодрило. Я чувствую всем своим существом, что там, далеко, „на Кашире“, есть нам всем

близкий человек, душа которого всегда с нами и страдает, и любит, и сочувствует. И так хорошо стало на душе. И знаешь, что, пока есть Федотова, жив еще добрый гений Малого театра, который если не участвует сам в работе, то молится за него, а это так отрадно при настоящем положении дел.

Иду на сцену не создавать что-нибудь, а по мере сил быть полезной: не знаю, что выйдет из этого. Должна была играть перед масляницей, да, кажется, отложено до 2-й недели поста.¹ А пока скоро будем репетировать.

У всех сердца забились надеждой увидеть вас на сцене. А. П. Ленский уже сияет и строит планы.²

Дай вам бог скорей сил и здоровья! Не важно теперь, что вы будете играть, а важно, чтобы наш добрый гений возвратился на свое место и придал бы энергии и жизни делу.

Голубушка моя, не сердитесь, что я не могла собраться: то холодно, то нездоровится, всю зиму просидела у себя за печкой и редко выезжала. О юбилее Южина³ конечно все знаете, письмо ваше произвело фурор, он его поцеловал, вышло очень трогательно. Ну, будем ждать и надеяться (без надежды нельзя жить) на лучшее будущее. Привет А. А.⁴ Пьеса, переведенная ею, мне очень, очень понравилась.

М. Ермолова.

¹ С осени 1907 г. во главе Малого театра стал А. П. Ленский и по его настоянию М. Н. Ермолова решила вернуться в театр, выбрав для первого выступления роль Кручининой в „Без вины виноватые“ Островского.

² В мае 1908 г. А. П. Ленский писал Г. Н. Федотовой: „Поправляйтесь, дорогая наша, порадуйте нас, любящих и глубоко уважающих вас друзей и товарищей, появившись снова на родной вам сцене. Я надеюсь, нет, я твердо верю в ваше возвращение в родную семью артистов, в дорогие стены нашего Малого театра“ (А. П. Ленский, Статьи, письма, записки, М.—Л. 1936, стр. 131).

³ В юбилейный спектакль, по случаю 25-летия сценической деятельности, А. И. Южин выступил в „Отелло“ (24 января 1908 г.). Приветственное письмо Г. Н. Федотовой, обращенное к Южину, было прочтено М. Н.

⁴ А. А. Заблочкина — переводчица драмы Г. Зудермана „Да здравствует жизнь!“, где играли М. Н. и Федотова.

122. Г. Н. ФЕДОТОВОЙ

[5 марта 1908 г.]

Дорогая, родная любимая Гликерия Николаевна! Я была в таком горе, что без вашего благословения буду играть

4 марта. Саша изнемогла, ехать не могла, послать было некого, телефон не работает, и вдруг вчера, перед самым выходом на сцену, я получаю ваше благословение через Александру Александровну Яблочкину.¹ С моей души точно камень свалился, все стало легче! Какими же словами, я могу поблагодарить вас! Все дорого мне было — и ваше письмо, и венок, но ваше благословение, никогда не забуду!

Целых полгода вас не видала, но все время думала о вас и рвалась к вам, но ничего не могла сделать. Как и что, приеду — все расскажу, сейчас устала так, что еле двигаюсь; как только приду в себя, хочу вас видеть, мою родную, любимую и [...] на этой неделе доберусь до вас, если вам можно!

Милая Гликерия Николаевна примите мою посылочку, с любовью вам посылаемую.

Ваша всегда

М. Ермолова.

¹ 4 марта 1908 г. М. Н. впервые, после годового перерыва, выступила в Малом театре в „Без вины виноватых“. Появление М. Н. в роли Кручининой было подлинным событием не только в жизни Малого, но и всего русского театра того времени.

123. Г. Н. ФЕДОТОВОЙ

[Март 1908 г.]

Дорогая Гликерия Николаевна!

Поздравляю вас с наступающим праздником светлого Христова воскресения! Дай бог увидеть вас опять на русской сцене, пусть и я, и вы представляем теперь собой только по половинке того, что было, но соединившись вместе, может быть, и удалось бы когда-нибудь достигнуть цели. Дорогая Гликерия Николаевна, я опять играю, как вам известно, „Без вины виноватые“, очень устаю, сил совсем нет, но удовлетворяет одно, что публика с удовольствием смотрит и плачет и смеется: видно, что ей наконец надоела испорченная пища и она рада, что ее угостили здоровой. О вас доходят хорошие вести, надеюсь, что это лето окончательно поправит вас. От всей души желаю, дорогая, вам здоровья и радости быть опять на ногах, сил и энергии у вас еще пропасть, и бог даст еще поиграем!!!

Ваша всегда

М. Ермолова.

[1908 г.]

Дорогая, милая Александра Александровна, от всей души поздравляю вас с днем вашего 20-летия. Дай вам бог счастья, славы, радости! Обнимаю и крепко целую милую артистку и дорогого товарища!

М. Ермолова.

¹ Александра Александровна Яблочкина, ныне народная артистка СССР, дебютировала в Малом театре в 1898 г., весной в роли Софьи в „Горе от ума“. 4 сентября она была зачислена в труппу. М. Н. в глазах А. А. Яблочкиной всегда была идеалом артистки и человека. В свою очередь М. Н. высоко ценила А. А. Яблочкину как человека и товарища по сцене.

125. Г. Н. ФЕДОТОВОЙ

[Октябрь 1908 г.]

Да, дорогая Гликерия Николаевна, смерть Ленского — это страшное горе, это окончательный удар прошлому Малого театра.¹ Как бы он ни ошибался, это все-таки был человек, всю душу положивший в Малый театр! Вечная ему память!

Я боялась вам писать раньше, чтоб не испугать вас, но теперь, когда вы уже знаете, пишу вам. Я знаю, как это тяжело вам и как вы глубоко чувствуете это горе. Человек сам себя сжег из любви к делу, нельзя упрекать его, можно только жалеть, что он давно не отказался от управления и тем не сохранил себе несколько лет сценической деятельности. С такой болезнью, как у него была, так работать нельзя было. Что дальше будет? Теперь вся надежда на А. И. Южина, сумеет он справиться Малый театр, может быть, и воскресит...

Да, дорогая моя, горькое время мы переживаем. Теперь театр представляет басню об умирающем льве, которого ослы лягают со всех сторон.

Горько еще то, что мы с вами не можем уже поддержать своими силами падающее здание. Ничего не поделаешь. Когда будет можно, черкните два словечка о себе, о вашем здоровье. Я играю совсем мало, и не могу больше. Слабость и пот, вот все мое занятие. Ну, будет пока, все так печально,

что лучше скорей кончить. Поправляйтесь, дорогая Гликерия Николаевна, дай вам бог сил и здоровья, крепко целую вас.

Ваша всегда

М. Ермолова.

¹ Письмо вызвано внезапной кончиной Александра Павловича Ленского (1847—1908), с 1876 — артиста, с 1907 г. — художественного руководителя Малого театра. А. П. Ленский был любимым артистом и партнером М. Н. Ермоловой, выступая вместе с нею в „Гамлете“, „Ричарде III“, „Уризле Акосте“, „Звезде Севильи“, „Марии Стюарт“, „Дон-Карлосе“, „Графе де Ризоор“, „Цене жизни“, „Измене“ и т. д. „О Ленском Мария Николаевна всегда говорила не только как о великом актере, но как о личности разносторонней и высокоодаренной; как актера она ставила его выше всех—своих русских современников как в трагических, так и в характерных ролях“ (Воспоминания внука Ермоловой, Н. В. Зеленина, рукопись).

В 1907—1908 г., взяв на себя задачу художественного возрождения Малого театра, А. П. Ленский буквально сгорел в работе и в безнадежной борьбе с казенной рутинной и чиновничьим произволом. В сентябре 1908 г. Ленский писал В. Я. Брюсову: „Убедился вполне, что ничего не могу сделать для него [Малого театра], да и никто ничего не сможет при этих условиях. Я совершенно одинок... Я так устал... Не могу больше терпеть, ухожу. Ухожу из театра, которому я отдал половину моей жизни и всю мою душу. Ухожу не только как режиссер, но и как актер“ (А. П. Ленский, Статьи, письма, записки, М. 1937, стр. 136). 15 октября Ленский в последний раз вышел на сцену Дудукиным, играя вместе с М. Н. в „Без вины виноватых“, 22-го с ним случился первый сердечный приступ, а 26-го он скончался.

126. А. В. СРЕДИНУ

[21 октября 1908 г.]

Дорогой мой, ваша чистая, прекрасная душа так тепло отозвалась на великое горе, постигшее Малый театр! И если что может теперь дать утешение, это сознание, что там, в прекрасном далеке, есть горячее сердце, всю жизнь бившееся любовью к прекрасному. Не могу сказать, как тронуло меня ваше милое письмо, грустное, печальное, но полное светлых чудесных воспоминаний. Да, дорогой Леонид Валентинович, остались только воспоминания! С Ленским умерло все. Умерла душа Малого театра.

Не говорите, что я осталась; я — развалина некогда чудного здания! Я больше не жрица искусства, а так, бледная тень, изредка напоминающая о том, что когда-то было!

С Ленским умер не только великий актер, а погас огонь на священном алтаре, который он поддерживал с неутомимой

энергией фанатика. Он всю жизнь и душу положил в искусство, и чем же отблагодарило его „благородное потомство“! Его обливали помоями, его травили свои же, его изводила контора... Он умер — и больше ничего нет. Теперь Южин берет на себя поднять Малый театр. Дай бог! Горька, горька его смерть, и все время, какое мы теперь переживаем, какой-то горячечный бред! Полная разнузданность, грабежи, убийства, безумие, вот что осталось от освободительного движения!¹

Долго мерцал светлый огонек искусства, и тот погас, и осталась только „Синяя птица“,² электротехническая пьеса, как они сами ее называют, или по-просту: синематограф... Я пробовала уйти из театра — не пускают, а у меня нет никаких сил!³ Если, бог даст, будем живы, то одна у меня мечта: поехать весной в Ялту, забраться к вам на террасу и вместе с вами вспомнить все то хорошее, что мы пережили. Вы не пишете о здоровье и вообще о вашей жизни, а хотелось бы узнать, как вы живете. Когда-нибудь, черкните слова два, буду очень рада. Большое спасибо за письмо, милый, чуткий человек, будьте здоровы. Может быть, увидимся и вместе погорюем или порадуемся.

Жму вашу руку. Крепко целую дорогую С. П., не забывайте меня!

М. Ермолова.

¹ Мысль Ермоловой — та, что после разгрома революции 1905 г., в жизни, наряду с разгулом реакции (ср. ее слова о кошмаре реакционных преследований и кар в письме к Средину от 15 марта 1907 г.), остались бандитизм, убийства, грабежи („экспроприации“), прикрывающиеся громкими эсеровскими и анархическими лозунгами.

² „Синяя птица“ была поставлена в Художественном театре 30 сентября 1907 г.

³ Смерть А. П. Ленского убила в Ермоловой надежду на обновление Малого театра. Эти слова Ермолова почти буквально повторила через восемь лет в 1916 г.: „Охотно совсем ушла бы из театра, но не позволяют. А у меня нет сил отстоять свое решение от противящихся ему“ („М. Н. Ермолова“, сборник изд-ва „Светозар“, Л. 1925, стр. 104).

127. Г. Н. ФЕДОТОВОЙ

[Декабрь 1908 г.]

Дорогая, милая Гликерия Николаевна!

Поздравляю вас с праздником и с наступающим Новым Годом! Дай то бог, чтоб он принес нам всем хоть немного

утешения, уж очень тяжело было до сих пор. Дай вам бог здоровья и радости в новом году, приезжайте скорей в Москву, как бы хорошо все было. Вы и теперь могли бы смело играть „Холопов“, а то я мучаюсь с этой княжной, чувствую себя не в своей тарелке.¹ Я тоже почти всю зиму прохворала, только что кончилась инфлуэнца. Ну, будем надеяться на то, что бог даст в будущем году с нашим новым начальником А. И. Южиным.² Пока до свиданья, родная Гликерия Николаевна, будьте здоровы и не забывайте всегда горячо вас любящую

М. Ермолову.

¹ Пьеса П. П. Гнедича „Холопы“ была поставлена впервые 27 декабря 1908 г. с М. Н. Ермоловой в роли княжны Плавутиной-Плавунцовой. Благодаря гениальному исполнению М. Н., пьеса Гнедича продержалась на сцене вплоть до революции и еще в 1921 г. М. Н. выступала в роли княжны.

² А. И. Южин-Сумбатов 31 марта 1909 г. назначен управляющим труппой Малого театра.

128. А. В. СРЕДИНУ

[2 февраля 1909 г.

Дорогой Леонид Валентинович, не знаю, какая добрая фея прислала мне ваш чудный портрет, и до сих пор не знаю, кто прислал, сказали — от доктора Средина... Но это все равно, я очень благодарю эту добрую фею, и была ужасно рада видеть ваш портрет, такой хороший, милый, и обстановка моя любимая: кошка, цветы; очень я была рада ему! Поскорей бы усовершенствовали телефон, в который можно видеть и говорить, ведь уж и это в недалеком будущем... Дорогой мой, как вы поживаете? Наверно скучаете?.. А мы все хороним, хороним без конца! Сейчас приехала с похорон Федотова. Это 7-й покойник Малого театра с весны...¹

Бедная мать приехала на похороны... я ее еще не видала. Ужасная жизнь стала во всех отношениях, не говорю уже про общие беды, а в частности, нет дома в Москве, где бы не было болезней или смерти... Ну, вот, я вам глупости пишу, унылые вещи. Нет, дорогой мой, все же есть еще и радость, и будет, пока будет солнце светить!

Спасибо вам за то, что вы меня не забыли и, пожалуйста, вперед не забывайте, а я всегда помню и благодарю за то хорошее, что я получила от знакомства с вами.

М. Ермолова.

¹ В сезон 1908—1909 г. из видных артистов Малого театра скончались: А. П. Ленский, Ф. А. Парамонов, А. А. Федотов, только что взявший на себя некоторые роли покойного Ленского.

„Общие беды“ — аресты, ссылки и казни, вызванные торжеством столыпинской реакции.

129. Н. В. ЗЕЛЕНИНУ ¹

[1909 г.]

Темна авдотинская ночь,
Туманно небо, спички блещут. ²
По грязи дачники бредут
И все от холода трепещут:

Собаки лают на террасе,
Вдали чуть слышен коростель.
Дрожа от сырости холодной,
Ложатся дачники в постель.

Подушки мокры, ветер свищет,
Покоя нет в сыром жилье,
Голодный клоп по стенам рыщет,
Не мало блох в сыром белье.

Но вот затихла непогода,
Забылись люди жарким сном:
Во сне им грезится природа
И солнце в небе голубом.

Проснулись, наконец, бедняжки..
— Васильевна! Что, дождь все льет?
— Вставайте! Солнце! Уж дворняжки
На нищих лают у ворот.

— А Коля что? Все спит? — Да где уж!
Давно на дерево залез.
— Артушка высох? — Он под креслом.
Скорей гулять ступайте в лес.

Пошли. Артушка, мама, Коля —
Все веселы, как майский день.
Нет туч на небе, ветра в поле,
В прохладную вступили тень.

Гуляют, рвут себе цветочки,
Артушка лает на жуков,
А мамочка плетет веночки
И Коля уж без башмаков.

Недолго счастьем наслаждались,
На травку сели, гром гремит...
И туча с поездом курьерским
На всех парах на них летит...

— Ах, ах, где Коля? где Артушка?
Надень скорее башмаки!
Скорей, скорей домой бегите,
Скорей! Вон едут мужики!

Попросим их подвезть немного,
Ведь не итти же в эту грязь?
А дождик с шумом разразился,
Скорей в телегу нам попасть.

Попали. Мамочка, Артушка,
Колюшка вымокли насквозь.
Свалили их на кухню. Море
От них по даче понеслось.

Такое лето без просвета.
То девятьсот девятый год!

¹ Николаю Васильевичу Зеленину (ныне врач-психиатр), единственному внуку М. Н., было в это время 8 лет.

² Пародируя стихи Пушкина:

Тиха украинская ночь;
Прозрачно небо; звезды блещут —

М. Н. рисует Авдотьино, имение под Москвою, в котором, на даче у М. Н. Зелениной, любила бывать М. Н. Далее в стихах упоминаются: „Васильевна“ — няня Н. В. Зеленина, „Коля“ и „Колюшка“ — Н. В. Зеленин, „Артушка“ — собака дворняжка. Письмо послано из Висбадена, где лечилась М. Н.

[Лето 1909 г.]

Дорогая моя Гликерия Николаевна, какое грустное письмо! Как бы мне хотелось хоть чем-нибудь утешить вас и развеселить... Вы, такая всегда бодрая, утешающая других, вы затосковали. Это всегда производит ужасное впечатление, когда сильный человек падает духом: кто всю жизнь ноет и плачет, того не жалко, а вы... с каким героизмом вы выносите все время тяжелые удары судьбы, вам все удивляются и еще больше любят вас за это.¹ А теперь... я думаю, что нынешнее лето неудачно для вас сложилось с самого начала [...], и все-таки вы меня вспомнили, вот за это низкий поклон! Про себя скажу, что летом я очень довольна до сих пор. О каком холоде вы пишете? Мы от жары не знали, куда деваться, дождей было много, но тепло, тепло все время. Сейчас я в Москве, еду послезавтра в Крым. В деревне чудно хорошо, но чувствую, что там раскисаю, слабею и хочется ваннами подкрепить себя, если придется еще играть в сезоне. Приеду к 1-му сентября, не раньше, только на месяц. И в деревне были, конечно, разные передряги, Коля хворал, но поправился. И не хочется ехать, и как будто надо. Ну, что бог даст, то и будет. Спасибо вам дорогая, еще большее спасибо за то, что вы мне написали в грустную минуту. От этого вы еще ближе мне стали! Крепко целую милую А. А. и Екатерину Ивановну.

Ваша всегда

М. Ермолова.

¹ Подразумевается неизлечимая болезнь Федотовой и смерть ее единственного сына — артиста А. А. Федотова. Упоминаются: Е. И. Большакова, А. А. Заблудная — друзья Федотовой.

[1909 г.]

Дорогой Александр Иванович, несомненно, лет 25 тому назад роль Авфисы сильно бы заинтересовала меня.¹ К сожалению теперь и думать об этом нечего, у меня нет ни моло-

дости, ни сил. Пьеса конечно написана талантливым человеком, хотя и многое мне не нравится.

Возвращаю с благодарностью

М. Ермолова.

¹ А. И. Южин предлагал М. Н. выступить в главной роли в драме Леонида Андреева „Анфиса“, готовившейся к постановке в Малом театре в сезон 1909—1910 гг. Пьеса была снята по приказу цензуры еще до спектакля.

132. А. И.

[1911 г.]

Дорогой Александр Иванович, поздравляю вас с праздником.

Пьеса не годится. Слишком она парижская, действия мало, роль хорошая, но молода для меня.¹

Будьте здоровы, желаю вам всего хорошего.

М. Ермолова.

¹ По указанию М. Н. Сумбатовой, речь идет о пьесе М. Доннэ (Donna) „Patronne“.

133. Н. А. НИКУЛИНОЙ¹

[6 декабря 1911 г.]

Дорогая, чудная несравненная!

Какими словами, не знаю, выразить вам любовь мою! Поздравляю от всего сердца, дай вам бог еще 100 лет светить ярким лучом нашей родной сцене! Драгоценный алмаз русского искусства,

Надежда Алексеевна да здравствует на много лет!!!

Мария Ермолова,

ваша всегда горячая почитательница.

¹ Надежда Алексеевна Никулина (1845—1923) — знаменитая артистка Малого театра (1861—1914), первая исполнительница целой вереницы ролей в репертуаре Островского (Верочка — „Шутники“, Купава — „Снегурочка“, Глафира — „Волки и овцы“, Смельская — „Таланты и поклонники“ и др.), лучшая „Городничиха“ русской сцены, справляла 6 декабря 1911 г. 50-летие своей сценической деятельности („Большие и маленькие“ Н. Персианиновой).

[8 января 1912 г.]

Дорогая Гликерия Николаевна!

Крепко вас обнимаю и целую и поздравляю с таким радостным и хорошим днем в вашей жизни артистки.¹

Дай вам бог всего хорошего, а главное хоть немного спокойствия к вечеру. Будьте спокойны, счастливы и веселы, и все будет хорошо.

Крепко целую.

М. Ермолова.

¹ 8 января 1912 г. исполнилось 50-летие деятельности Г. Н. Федотовой, которая уже в течение семи лет (с 1905 г.) не выступала на подмостках, прикованная болезнью к креслу. На просьбы А. И. Южина, как руководителя Малого театра, появиться в этот день в торжественном спектакле Федотова ответила отказом. М. Н. взяла тогда на себя уговорить Федотову согласиться на празднование ее золотого юбилея: „Я никогда в жизни ни о чем вас не просила, а вот теперь прошу сделать это ради меня“, — произнесла М. Н. и готова была опуститься на колени пред маститой артисткой. Федотова сдалась на просьбу М. Н. и 8 января в торжественном спектакле в последний раз явилась на сцене инокиней Марфой в 5-й сцене хроники Островского „Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский“. На чествовании Федотовой М. Н. прерывающимся от слез голосом прочла приветствие от труппы Малого театра. Сама М. Н. исполняла в спектакле роль Хлестовой в 3 акте из „Горя от ума“.

135. Е. К. ЛЕШКОВСКОЙ¹

[1 января 1913 г.]

Дорогая Елена Константиновна.

С новым годом, с новым счастьем, с новым здоровьем и праздниками! Как я рада, дорогая Елена Константиновна, что нынешнее 1-е января дает мне право сказать вам, как сердечно я вас люблю и как глубоко уважаю. Не смейтесь, я знаю, что такие письма пишут или в юности, или... в старости. В старости они надежнее, не обманут, потому что это результат нашего совместного служения искусству в Малом театре. Много раз мне хотелось сказать вам, как я вас ценю и люблю, да не было случая, а теперь он есть, ваш юбилей, хотя вы его и не хотите. Это ваше дело, но запретить думать и говорить о вас вы не можете. — На моих глазах вырос ваш чудный талант; без шума, без крика, спокойно и серьезно

шли вы вашей дорогой; никогда ни малейшего эффекта, рисовки, одна правда, искренность и глубина чувства, вот состав вашего чистого, как хрусталь таланта! Но я люблю вас и как человека — умного, чуткого, милого, скромного (что теперь большая редкость). И весь ваш образ — хрупкий, красивый, обаятельно женственный, ну как же не любить вас?.. Видите, сколько любви накопилось у меня к вам за 25 лет, что я даже не могу ее скрыть.

Одно мое желание, чтобы вы остались такой, как вы есть, на многие, многие годы.

Берегите себя и будьте счастливы.

Любящая вас

М. Ермолова.

P. S. Это письмо не для интервьюеров.

¹ Елена Константиновна Лешковская (1868—1925) — знаменитая артистка Малого театра на роли *grande coquette* (Глафира в „Волках и овцах“, Лидия в „Бешеных деньгах“, герцогиня в „Стакане воды“ и др.), была зачислена в труппу Малого театра 1 января 1888 г. Отказавшись от публичного чествования по случаю 25-летия деятельности, Лешковская согласилась лишь выслушать приветствия товарищей за спущенным занавесом. Но, когда на представлении „Ассамблеи“ Гнедича (16 января 1913 г.) в зрительный зал донеслись аплодисменты из-за кулис, публика, покрыв их рукоплесканиями, потребовала поднятия занавеса и чествование Лешковской поневоле стало публичным.

136. А. А. САНИНУ

[Лето 1913 г.]

Дорогой Александр Акимович!

Не сердитесь!

Конечно, просьба! Если только возможно, ради бога, примите эту актрису. Алек[андра] Ник[олаевна] Репина, провинциальная актриса, играла роли, хороший голос, может петь. Осталась в нищете, я ее вытащила и вернула к Незлобину,¹ но он закрывается, и она опять на улице.

Дорогой мой, не пугайтесь, дело идет о каких-нибудь 50-ти р. в месяц. Конечно, не играть роли, а делать все, что прикажете. Репертуар обширный — няньки, кухарку, королев, и графинь в случае надобности. Ради бога, если возможно!

*М. Н. Ермолова в роли фру Альвинг
„Привидения“ Г. Ибсена*

1909

*М. Н. Ермолова в роли герцогини де Криси
„Израиль“ А. Бернштейна
1911*

Если надо, я попрошу вашу хозяйку Елену Михайловну.² Дорогой, ответьте, можно ли надеяться?

Ну, еще раз простите! Я знаю, как приятны подобные просьбы.

М. Ермолова.

¹ К. Н. Не злобин держал в Москве драматический театр с 1909 г.; слух о закрытии театра был неверен: театр просуществовал вплоть до революции.

² Е. М. Суходольская финансировала вновь открывающийся „Свободный театр“ (1913—1914), одним из режиссеров которого был А. А. Санин.

137. А. И. Ю ЖИНУ

[Гурзуф, 22 августа 1913 г.]

Дорогой Александр Иванович, отвечаю вам на все вопросы. Прежде всего на главный, ради которого я и получила ваше милое письмо. Нет, нет и нет! „Макбета“ я играть не могу.¹

Поверьте мне, дорогой товарищ, не начальник, как тяжело и больно мне отказаться от этого, но не могу, сил нет. Кто бы что вам ни говорил, что я в цветущем состоянии здоровья, это неправда. Конечно у меня есть силы встать в 7 часов, взять ванну, обойти Гурзуфский парк, затем лежать днем во время жары с книгой и лечь спать в 9 часов. Помните, что в нынешнем году мне минуло 60 лет. Что же вы от меня хотите? Ведь я знаю, что вы отлично понимаете меня: вам еще нет 60 лет, вы мужчина, а и вам подчас тяжело приходится. Что нам вспоминать о Саре Бернар, о Сальвини!² Мы отдали уже все, что имели, театру и больше ничего нет. У меня по крайней мере, т. е. для такой роли. Итак, дорогой мой товарищ, не обращайтесь со мной, как с институткой, которая сама не понимает, что говорит. Не смотря на все огорчения, которые я вам причиняю, поверьте, что мне очень больно, я не могу ответить вам иначе. Не могу!

Остальные вопросы: я приеду в конце августа, играть скоро совершенно не могу. Вы помните: я вас просила—до 15-го сентября,—ну, хоть до 12-го оставьте, дайте мне отдохнуть. Я очень ослабла, может быть отчасти от жары, я много потеряла в весе, надо мне еще отдохнуть от отдыха. Выйди все равно или „Без вины“ или „Истории брака“, только не

„Израиль“ и не „Обрэ“, ³ об этом уж надо забыть. Дорогой мой Александр Иванович, я вас очень люблю и желаю вам всего лучшего, но увы, себя еще больше. Хотя это и эгоизм! Ведь вы в душе согласны со мной. Будьте здоровы, дай вам бог сил и терпения! Целую мою любимую Марию Николаевну.

М. Ермолова.

¹ Возобновляя „Макбета“ в сезон 1913—1914 г., Южин предложил М. Н. выступить в роли лэди Макбет, в последний раз игранный ею в 1902 г. (сцена 5-го акта, в бенефис вторых режиссеров и суфлеров, 20 апреля). Роль лэди Макбет в 1913—1914 г. играла Н. А. Смирнова.

— ² В своем письме Южин, предвидя возражения М. Н., указывал на Сару Бернар, выступавшую в преклонных годах в „Орленке“ (гастроли в России в 1908—1909 гг.) и на Томазо Сальвини, в семьдесят лет игравшего „Отелло“ (гастроли в Москве в 1901 г.).

³ В пьесе Вл. Александрова „История одного брака“ (преьера — 15 ноября 1912 г.) М. Н. играла роль Артыновой; в драме А. Бернштейна „Израиль“ (преьера 17 ноября 1911 г.) — роль герцогини де Круси, в пьесе А. Дюма-сына „Идеи г-жи Обрэ“ (5 марта 1912 г.) — роль г-жи Обрэ.

138. Е. Т. ЖИХАРЕВОЙ ¹

[Сентябрь 1913 г.]

Дорогая Елизавета Тимофеевна! Сердечно благодарю вас за цветы и за ваше милое ко мне отношение. Я так жалею, что не могла вас принять. Я все время хворала прострелом, но еслиб я знала, что вы ко мне зайдете, я бы не посмотрела на то, что не одета и валяюсь на диване: вы—свой брат, артистка, и попросила бы вас зайти.

Но, может быть, когда вы будете свободны и вздумаете еще захватить ко мне, я буду очень, очень рада вас видеть. Застать меня лучше всего часа в 4.

Еще раз сердечно вам спасибо, крепко вас целую и желаю всего лучшего.

Я не успела сказать в тот вечер ничего Асланову. Будьте добры, дорогая Елизавета Тимофеевна, передайте ему мою благодарность за его прекрасную игру.

Очень была довольна, что попала к вам в театр, только не выдержала последней сцены, убежала: очень уж тяжело. До свиданья, еще раз благодарю и целую прекрасную Настасью Филипповну.

М. Ермолова.

¹ Елизавета Тимофеевна Жихарева, ныне артистка Ленинградского Государственного театра драмы им. Пушкина (б. Александринский), была в 1913 г. артисткой театра К. Н. Незлобина в Москве, где в сезон 1913—1914 г. выступала в двух прославленных ермоловских ролях — Настасья Филипповна в „Идиоте“ Достоевского и в „Орлеанской деве“. В неизданных воспоминаниях о М. Н. Жихарева пишет:

„Я познакомилась с М. Н. на одном торжественном спектакле в Малом театре. За кулисами я была представлена М. Н.

М. Н. спросила, что я буду играть, и сказала, что хотела бы посмотреть меня в роли Настасья Филипповны. Я, не отрываясь, смотрела на ее прекрасное лицо и пригласила ее притти к нам в театр на следующий спектакль „Идиота“. М. Н. дала свое согласие и приехала к нам в театр. Это было событием для театра: она редко выезжала. За кулисами началось волнение, слышались возгласы: „Ермолова в театре“, „Ермолова смотрит спектакль“.

В этот вечер она не зашла за кулисы, и я не знала ее впечатления, поехала к ней через несколько дней. Она была не совсем здорова и не могла меня принять. На следующий день я получила от нее письмо...“

Упомянутый в письме М. Н. артист Н. П. Асланов играл в „Идиоте“ роль князя Мышкина.

В том же сезоне Жихарева выступила в роли Иоанны д'Арк. „Русское слово“ писало по этому поводу: „Давно уже москвичи не видали своей „Орлеанской девы“, а другой кто же решится поднять на свои плечи эту роль? после нее? И вот театр Незлобина решил поставит трагедию Шиллера. Многим это казалось смелым, многим это казалось дерзким. — Кто же Иоанна? — Жихарева. — Ермолова и Жихарева! Н нужно ничего объяснить, чтобы было понятно все трагическое положение артистки“. При почти общем хоре недоумений и порицаний одна М. Н. поддерживала Жихареву: прислала ей в день премьеры „Орлеанской девы“ приветственное письмо, присутствовала на одном из спектаклей „Орлеанской девы“, дважды заходила в уборную Жихаревой, а затем, пригласив ее к себе, много беседовала с нею об Иоанне, читая наизусть ее монологи (Неизданные воспоминания Жихаревой).

139. А. И. ЮЖИНУ ¹

[10 августа 1913 г.]

Да поможет господь нашему театру сохранить навсегда славные традиции и заветы родного нам великого Щепкина — веру, любовь, правду и работу в искусстве. Шлю сердечный привет.

Ермолова.

¹ Телеграмма А. И. Южину, как художественному руководителю Малого театра, по случаю исполнившегося 50-летия со дня смерти М. С. Щепкина (1788—1863), скончавшегося в Ялте 11 августа 1863 г. М. Н. в то время жила в Гурзуфе.

[Сентябрь, до 21-го, 1913 г.]

Дорогой Александр Акимович!

Прошлым летом я видела Камскую в „Трагедии любви“, на экзамене Халютиной и пришла от нее в полный восторг.¹ Знаю, что у вас все полно, что уже поздно, и все-таки посылаю ее к вам — хоть только посмотрите на нее, и поговорите с ней. Это, по моему, будет крупная драматическая артистка. Лицо экзотическое, иногда некрасивое, иногда красавица! Ну, простите и не ругайте меня! Она говорит, что могла бы раньше к вам поступить, но опоздала к экзамену. И позы у нее хороши...

Я ни о чем не прошу, но думаю, что вы сами, как артист, почувствуете артистку, и, может быть, она вам и пригодится.

Крепко жму вашу руку.

М. Ермолова.

¹ Пьеса Гуннара Гейберга „Трагедия любви“ шла в экзаменационный спектакль студии артистки Художественного театра С. В. Халютиной. Роль Карен исполняла Софья Исааковна Камская (род. 1888), ныне артистка Драматического театра в г. Калинин.

[21 сентября 1913 г.]

Ах, дорогой Александр Акимович, а вы как меня обрадовали вашим письмом. Тем, что с таким экстазом разругали этого „мерзавца“ — ваше выражение, — автора „Трагедии любви“!!! и всех ему подобных. — Я была счастлива во-первых, потому, что я согласна с каждым вашим словом, а во вторых, значит жив тот молодой Санин, поклоняющийся свету, свету, свету, а не тьме, черной тучей покрывающей в настоящее время и искусство и жизнь!

Ломанье, шарлатанство, оплевыванье идеалов, которым мы молились!.. Страшно, страшно теперь жить, Александр Акимович...

И среди этого хаоса я почувствовала родную душу... Желаю от души вашему театру успеха. Раз вы так чувствуете, то не допустите в ваш театр нечистой струи какого-нибудь шарлатанства, а потому, приветствую от души!!¹

За Камскую спасибо, что посмотрели все-таки на нее, может быть, когда-нибудь...

М. Ермолова.

*М. Н. Ермолова в роли 1-жи Обрэ
„Идеи 1-жи Обрэ“ Ал. Дюма-сына
1912*

М. Н. Ермолова в роли королевы Анны

«Стакан воды» Э. Скриба

1915

А. И. Южин в роли лорда Болдинброка

¹ Возникший с осени 1913 г. „Свободный театр“ пытался быть синтетическим театром драмы, оперы, оперетты, пантомимы. Во главе театра стоял К. А. Марджанов, привлечший к режиссерству А. А. Санина и А. Я. Таирова. Театр просуществовал всего один сезон.

142. А. А. САНИНУ

[9 октября 1913 г.]

Александр Акимович!

Спасибо!!!¹

Светло, ясно, радостно! За это и спасибо! Декорации очень хороши, без декадентства, актеры и певцы прекрасные, попович очаровательно хорош! Постановка чудная! Музыка красивая! Теперь недостатки по моему. — Но я уже стара и меня слушать нечего, но не могу вам их не высказать. Начнем с конца: надо его долой. Это нехорошо. Это выходит чтение, а не внезапно зазвучавшая струна грусти, еслиб ее можно сделать на подобие эоловой арфы, другое дело. Она режет конец. Затем, если бы можно было сократить сцену одной Хиври? Она очень хороша, актриса, но это длинно, длинно и делается скучно. Тоже самое можно сказать и о сцене, когда врываются гости и начинают по музыке пугаться. Это очень хорошо сделано и смешно, но так как это повторяется раз 20, то надоедает; рассказ кума идет прекрасно, его слушаешь с удовольствием. Конечно эти длинноты зависят от музыки, и вряд ли можно их изменить... Во всяком случае, я страшно довольна и от души еще раз говорю спасибо!!!

М. Ермолова.

¹ М. Н. дает разбор первого спектакля „Свободного театра“ (8 октября 1913 г.) „Сорочинской ярмарки“ Н. В. Гоголя с музыкой М. П. Мусоргского, в постановке А. А. Санина с В. В. Макаровой-Шевченко (ныне — заслуженная артистка республики) в роли Хиври.

143. Н. А. ЧАЕВУ¹

[16 ноября 1913 г.]

Дорогой Николай Александрович!

вам совсем не нужно просить меня об этом, а только сказать мне, я с удовольствием готова исполнить ваше желание.

Я поговорю с А. И. Южиным и когда только будет можно, скорей всего на праздниках, это можно будет сделать. Сейчас я очень занята новой ролью,² и пока я ее не кончу, я не могу думать ни о чем другом, а теперь каждый день репетиции до конца ноября и я очень устаю. Когда это кончится, если бы вздумали ко мне приехать, я всегда буду очень рада вас видеть. Зачем вы пишете на конверте „Превосходительству“? Ну, какое же я „превосходительство“? — не хорошо с вашей стороны так окрестить меня! Это я смеюсь, конечно. Затем желаю вам всяких благ, и всегда очень рада служить вам чем могу.

Жму вашу руку.

М. Ермолова.

¹ Николай Александрович Чаев (1828 — 1914) — драматург и археолог, был автором хроники „1613-й год“, готовившейся к постановке в Малом театре; М. Н. играла в ней роль инокини Марфы (премьеры — 21 февраля 1913 г.).

² М. Н. готовила роль Веры Чарлыгиной в пьесе Н. И. Тимковского „Тени“ (премьеры — 29 ноября 1913 г.).

144. А. А. ЯБЛОЧКИНОЙ

[6 февраля 1914 г.]

Дорогая Александра Александровна! Приветствую и сердечно радуюсь вашему светлому празднику!¹ Он по истине заслужен вами! Посылаю вам свою любовь, как талантливой артистке, свое уважение, как чудному товарищу, и преклоняюсь перед дочерью Малого театра с таким достоинством носящей великое звание искусства и ни разу не изменившей ему, всегда грудью стоящей за свой родной театр. Честь вам и слава, дорогая артистка! Дай бог, чтобы ваш пример зажег в сердцах нашей молодежи желание подражания, тогда не погибнет Малый театр! Люблю вас, горячо целую и от всего сердца желаю успеха. Да хранит вас господь на долгие, долгие годы!

Мария Ермолова.

¹ 6 февраля 1914 г. состоялся юбилейный спектакль А. А. Яблочкиной по случаю 25-летия ее деятельности в Малом театре, для которого шла „Василиса Мелентьева“.

[Вторая половина июля 1914 г.]

Дорогая Гликерия Николаевна!

Как давно я не имею от вас известий! Сама не писала, жара была такая, что я совсем изнемогала, и к тому же мы были все время окружены густым дымом от горящих лесов и болот. Сначала все восхищались чудной погодой, а вот что из этого вышло: засуха, значит—голод впереди... Кончилась жара—еще хуже: война. Это уж ни с чем—несравнимое бедствие! Я знаю, как вы это все тяжело переживаете и хотелось бы чем-нибудь развлечь вас, да нечем, только одно горе впереди. У нас всю прислугу забрали. Василий Яковлевич¹ уезжает на войну, племянника моего Петю, сына Александры Николаевны, тоже куда-нибудь пошлют, боюсь очень за нее и т. д. Не знаю, где вы и что с вами? по слухам, в Москве? Для вас, т. е. для вашей болезни, лето должно бы быть полезнее. Может быть Александра Александровна или Екатерина Ивановна мне напишут, как вы живете. Мне уж просто скучно стало, не зная о вас.

Пробуду должно быть весь август в деревне, если не выгонит какое-нибудь несчастье...

Крепко вас целую, моя дорогая, хорошая, и буду ждать какой-нибудь весточки.

Ваша *М. Ермолова*.

Адрес: Тверской губернии, почтовая станция Троица Нерль, имение Калабрево, мне.

¹ Доктор Зеленин, муж дочери М. Н.; далее упоминается — П. П. Кречетов, ее племянник.

146. А. И. ЮЖИНУ

[14 августа 1914 г.]

Если роль небольшая, сыграю.¹ Приеду среду вечером. „Светочи“ не могу так скоро.

Ермолова.

¹ Речь идет о роли Жихаревой в одноактном драматическом этюде А. Ф. Писемского „Ветеран и новобранец“, включенном в репертуар Малого театра в связи с начавшейся войной. Премьера драмы А. Батайлы „Светочи“, с М. Н. в роли г-жи Бусэ, состоялась 4 декабря 1914 г.

[3 октября 1914 г.]

Дорогой Александр Акимович!

Меня бесконечно трогает ваша верность святым идеалам и вечным идеалам искусства. Дорогой и верный рыцарь Орлеанской Девы, спасибо вам за ваше отношение ко мне! Я понимаю, что ваше поклонение принадлежит не мне, не М. Н. Ермоловой, и не принимаю его на свой счет, а той прошлой Орлеанской Деве, которая сама есть идеал красоты и истины, и которую я пыталась воплотить некогда. Да, это прекрасно, дорогой мой, нельзя жить бы теперь на свете, копясь в омерзительном тряпье, если б у нас не было прошлого, и в этом все!

Особенно для меня, когда я уже стою „у края вечности“. Радуюсь бесконечно, если вам удастся освободиться от „кровавого ужаса!“ Дай вам бог! Сестра¹ конечно была одной из жертв войны. Ее слабое сердце не вынесло. Сын на войне, а муж вернулся только, когда ее похоронили. Страшно жить теперь от этого сплошного кошмара и пока нет просвета. Я конечно устала, ослабела, но еще жива и даже, хотя с трудом, но учу новую роль без малейшей охоты играть что бы то ни было.²

Ну, дай бог всего, всего хорошего, и сердечное спасибо за все!

М. Ермолова.

¹ Александра Николаевна Ермолова-Кречетова — бывшая артистка Малого театра.

М. Н. готовила роль г-жи Бусэ в пьесе А. Батайля „Светочи“.

[31 января 1915 г.]

Дорогой мой Александр Иванович, я знала, что от вас я получу сердечный привет.¹ Вы для меня были не только товарищем-артистом, художником, но и другом. Во все трудные и серьезные минуты моей жизни, вы всегда были моей опорой и поддержкой, и с вами всегда тяжелое бремя сценического искусства казалось легче. Как благодарить за такое отношение? Слов не найдешь. Когда я играю „Светочи“, последний акт, и когда вы говорите: „Вспомним нашу моло-

дось...“, я неизменно вспоминаю нашу молодость с вами, и от этого навертываются слезы на глаза... Вы слишком много придаете, мне значения и умаляете себя, и хоть я знаю, что так пишут в разных торжественных случаях, но это не хорошо. Ваше значение для театра не меньше моего, и если от меня остался только кусочек старого изорванного знамени, но когда-то дорогого, то вы еще неизменно идете вперед, дальше и дальше... Какое богатое разнообразие таланта обнаружили вы последние годы, как вам удаются эти роли комедии с драмой! — Ну, довольно, я не хочу перечислять всех ваших достоинств. Сердечная моя благодарность и дружба к вам навсегда!

Правда, я — счастливый человек. Господь много мне дал и в числе прочих даров, любовь ко мне моих товарищей артистов. Драгоценный дар, которым я пользовалась ровно 45 лет. Сердечное спасибо и низкий поклон всем!

М. Ермолова.

Передайте мою любовь вашей жене.

Письмо не показывайте интервьюерам.

¹ 30 января 1915 г. исполнилось 45-летие сценической деятельности Ермоловой. От всякого ознаменования этой даты М. Н., в виду войны, категорически отказалась.

149. М. Н. СУМБАТОВОЙ

[26 июля 1915 г.]

Дорогая Мария Николаевна, крепко целую и поздравляю с ангелом! Дай бог вам дожить до того времени, когда наш день ангела не будет омрачен великой скорбью.¹ Будьте здоровы; надо быть бодрыми все равно. Сердечный привет Александру Ивановичу.

М. Ермолова.

Привет запоздалый, но сердечный!

¹ „Великая скорбь“ — война с ее ужасами.

150. Г. Н. ФЕДОТОВОЙ

[Июля 23—24, 1915 г.]

Дорогая и горячо любимая Гликерия Николаевна, сейчас получила ваше дорогое письмо, оно пришло как раз 22-го,

но почту подают у нас утром. Так рада, читая ваши милые слова, вижу ваше дорогое лицо и так хочется обнять вас и от всего сердца расцеловать. Так таки и осталась на своем месте дорогая моя в домике Маргариты!¹ А я-то думала, что вы у Каютовых! Ну, значит так надо.

Лето хорошее, урожай хороший, сена много [...]! Но вся радость летней жизни отравлена войной, которой конца не предвидится.² Ничто не радует, как бывало прежде: выйдешь гулять — и мир и тишина так и охватит, а теперь та же тишина, но в сердце камень, и не дает дышать свободно. О театре и-думать не хочется! Относительно пьесы совершенно согласна с вами, она неинтересна. Она остроумна в разговорах, но драма очень банальна. Но пьес абсолютно нет, и право не знаю, что дальше будет. Я буду стараться совсем ничего не играть, это самое лучшее для меня. Я с ужасом думаю о том, что надо что-то играть! Лето к концу и даже не жалко, пролетело оно как один день.

Благодарю вас, дорогая моя, за вашу память; как хорошо, что вы прислали письмо, а не телеграмму.

Александру Александровну и Екатерину Ивановну сердечно приветствую и благодарю и целую. [...] С радостью думаю, что еще недолго, и увижу вас.

Неизменно вас любящая и преданная вам

М. Ермолова.

Минуло 62!!! Куда же играть! Маргарита вас целует. Т. Л.³ передам ваши слова.

¹ М. Н. Зеленина — дочь М. Н.

² М. Н. необычайно тяжело переживала время империалистической войны. В зиму 1914—1915 г. она, не щадя себя, участвовала во всех концертах и спектаклях, устраивавшихся в пользу раненых, беженцев, семей призванных и т. д., но чувствовала, что эта помощь — лишь капля в море неисчислимого народного горя, вызванного войной. На концертах М. Н. постоянно читала стихотворение Н. А. Некрасова „Внимая ужасам войны“:

Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы:
То слезы бедных матерей.
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве!..

Эти строки „поста мести и печали“ звучали в устах М. Н. страстным протестом против войны, истребляющей лучшие силы народа.

Переживая боль от каждой газетной страницы с вестями о „кровавой ниве“, М. Н. испытывала в ту же пору полное отвращение к театру, где

шли в то время шовинистические пьесы и легкие комедии для развлечения героев тыла. В зиму 1915—1916 г. Ермолова делала новые попытки уйти из Малого театра, художественная и идейная немощь которого была ей очевидна.

³ Т. А. Щепкина-Куперник — писательница.

151. А. И. ЮЖИНУ

[Вторая половина 1910-х гг.]

Дорогой Александр Иванович!

Позвольте высказать вам мои соображения относительно посылаемой вам пьесы. По моему это очень красивая поэма в духе Альфреда Мюссе, хотя вторая картина — настоящая драма. Вы это увидите сами. Что касается меня, если я буду жива, то я с удовольствием прочла бы эти красивые стихи, сидя на кресле как и полагается в пьесе. И думаю, что это единственная вещь, в которой я могла бы выступить в следующем сезоне в начале его. Но эту пьесу можно только играть при непременно условии вашего участия. Без вас ее постановка не имеет смысла. Нужно, чтобы все лица были играны только первыми актерами. Отец и сын, два главные лица и принц Уэльский, третий. Но все это, конечно, вы увидите и поймете лучше меня. Но, дорогой Александр Иванович, я никогда не скажу: „поставьте это для меня“!

Если вам это понравится, то, может быть, это и будет хорошо, а без вас ни за что... Ну, увидимся, вы мне скажете как вы решите.

Крепко жму вашу руку.

М. Ермолова.

Телефон наш пока работает хорошо.

152. А. И. ЮЖИНУ

[Август 1915 г.]

Дорогой Александр Иванович.

Прежде всего поздравляю вас с наступающим днем вашего ангела, да сохранит он вас от всяких бед и зол! Будьте здоровы и бодры и не теряйте вашей энергии, она так нужна для Малого театра.

Вы едете к директору,¹ еще раз прошу вас: сделайте для Алексеевой все, что от вас зависит. А директору скажите от меня, что я не верю, чтобы он не мог сделать для меня то, о чем я его просила. Лично ко мне он всегда был так добр и любезен, что я не могу примириться с его отказом. Скажите, что я не часто беспокоила его своими просьбами, и немного уже остается беспокоить его вперед. 47 лет я прослужила и если господь поможет дотянуть до 50-ти лет — и конец! Он действует во имя справедливости, но она уже нарушена принятием Берс, принятием Гундунова.² Еще скажите, что я лишаюсь самой лучшей своей роли, которая, как вы знаете, всегда имела и сбор, и успех, т. е. „Без вины виноватые“.³ Если найдете возможным, прочтите ему это письмо. Или как хотите. Относительно Шекспировского дня, я попрошу поставить сцену 3-го действия „Генрих VIII“.⁴ Сцена с кардиналами и девушками. Думаю, что Айдаров будет пригоднее всех для Вольсея. Но об этом поговорим, когда вернетесь. А пока желаю от души всего хорошего, быть здоровым и спокойным.

Любящая и уважающая вас

М. Ермолова.

¹ В. А. Теляковский проводил в это время большое сокращение труппы Малого театра. Под „увольнение“ подпадала и артистка К. И. Алексеева (ныне — заслуженная артистка республики).

² Артистка Е. Д. Берс и артист Д. Э. Гундунов, подпавшие было под „увольнение“, были оставлены в труппе.

³ Начав играть „Без вины виноватые“ в 1908 г., М. Н. всегда выступала только в трех последних действиях пьесы, играя лишь артистку Кручинину. Роль молодой девушки Отрадиной (Кручинина до поступления на сцену) в 1-м действии пьесы с первого же спектакля исполняла К. И. Алексеева.

⁴ В утре, устраиваемом по поводу 300-летия со дня смерти Шекспира, М. Н. желала исполнить роль королевы Екатерины, сыгранную ею впервые 11 января 1903 г. Роль кардинала Вольсея, врага королевы, которую тогда играл А. П. Ленский, М. Н. назначает его ученику — С. В. Айдарову (ныне — заслуженному деятелю искусств).

153. А. Ф. КОНИ¹

[1915 г.]

Дорогой Анатолий Федорович, меня очень тронуло ваше внимание. Спасибо вам, я только жалею об одном, что не была знакома с вами 40 лет тому назад.

М. Н. Ермолова
1915

De Zoba kinty ege
Marwin' meampse n. d. 42
no sig. p. d. n. u. d. e. d. n. i. n. g.
u. d. h. a. l. l. e.

Apoll. Ep. No. 1000

Вы не знали артистку Ермолову, когда она играла свои лучшие роли, а теперь она представляет только жалкие остатки. Но я не огорчаюсь этим и не жалею ни на что — так должно быть и я очень счастлива всю мою жизнь. Спасибо за ваши статьи, они мне всегда доставляют истинное наслаждение. Вы человек, сохранивший сердечное тепло. Это в наше время почти аномалия! Теперь у всех только больные нервы, как же не дорожить вами и вашим талантом! Еще раз сердечное спасибо за память.

Искренно и глубоко уважающая вас

М. Ермолова.

¹ Анатолий Федорович Кони (1844—1927) — известный судебный деятель и писатель. „Статьи“ Кони, о которых говорит М. Н., — его известные воспоминания: „На жизненном пути“ (2 т., М. 1913).

154. А. Ф. КОНИ

[1915 г.]

Спасибо вам за ваше милое письмо, Анатолий Федорович! Когда я вам послала первое письмо, вы не ответили, и я, после того, как вы прислали „Горбунова“, ¹ не решалась еще писать, а послала только телеграмму, и приятно была удивлена и обрадована вашим письмом. Очень жалела, что не видала вас в Петербурге и с удовольствием думаю, что вы в ноябре приедете. Конечно встреча с таким человеком, как вы, не может оставить только мимолетное впечатление. Вот вам, за ваши комплименты в письме! Кроме шуток, мне кажется, что мы бы должны быть давно с вами знакомы... Я все чувствую себя очень плохо, много играю, очень устаю, оттого так поздно собралась вам написать. Пожалуйста только не думайте, что и вы должны мне писать, нет, нет. Знаю как вы заняты, и еще больше ценю ваше письмо. Спасибо.

Крепко жму вашу руку.

М. Ермолова.

¹ Известный очерк Кони об актере и рассказчике И. Ф. Горбунове (1831—1895), много раз печатавшийся в сборниках Кони и при „Собраниях сочинений“ Горбунова.

[Март 1917 г.]

Дорогой Александр Иванович, очень прошу извинить меня, я не могу быть на заседании, я играю вечером „Светлый путь“¹ и мне совершенно не под силу выезжать и утром и вечером. Я чувствую себя довольно плохо, и боюсь очень к вечеру. Простите.

Заранее соглашаюсь с тем, что вы скажете или напишете.²

Жму вашу руку.

М. Ермолова.

¹ Пьеса С. Д. Разумовского „Светлый путь“ с М. Н. в роли Марианны была представлена в первый раз 27 ноября 1916 г. Письмо, вероятно, относится к весне 1917 г.

² В эпоху реорганизации Малого театра из „императорского“ в „Государственный академический“ М. Н. всегда видела в А. И. Южине-Сумбатове истинного выразителя лучших художественно-общественных традиций этого театра и признавала его единственным человеком из состава труппы Малого театра, которому подобает стоять во главе художественного и административного руководства театром. На всех заседаниях и совещаниях по поводу судеб Малого театра, происходивших в революционное время, М. Н. объединялась мнением и суждением с Южиным. Своим высоким авторитетом М. Н. поддерживала Южина в его деятельности „комиссара государственных театров“ (1917), „председателя временной организационной комиссии Малого театра“ (1917), „председателя совета Малого театра“ (1918), „председателя дирекции Малого театра“ (1919) и, наконец, „директора Малого театра“ (1923—1926). В дальнейших письмах М. Н. к Южину это ее отношение к его художественно-административной деятельности в Малом театре в эпоху революции находит себе яркое отражение.

156. Е. Т. ЖИХАРЕВОЙ¹

[19 апреля 1917 г.]

Дорогая Елизавета Тимофеевна, не пишу потому, что не знаю наверное, где вы? Спасибо за письмо; увидимся, поговорим! Очень огорчена тем, что вам Малый Театр доставил тоже огорчение. Я по прежнему вам симпатизирую, да и не я одна, многие, например Лешковская. Крепко вас целую. Дай бог вам всего, всего лучшего.

М. Ермолова.

¹ Е. Т. Жихарева с 1 сентября 1915 г. была принята в труппу Малого театра, где пробыла до весны 1917 г.; не найдя творческого контакта с труппой Малого театра, Жихарева ушла в периферийный театр. «Я никогда не забуду, — пишет Жихарева в неизданных воспоминаниях, — как во время репетиции пьесы Немировича-Данченко «Цена жизни», в которой я выступила в первый раз на сцене Малого театра, вошла М. Н. и, протянув мне руки, сказала: «Добро пожаловать» и обняла меня. Годы, проведенные мною в Малом театре, еще больше укрепили во мне глубокую любовь, преданность и уважение к М. Н.»

157. В. Н. РЫЖОВОЙ ¹

[4 декабря 1917 г.]

Дорогая моя имянинница, милая Варюша! Поздравляю и крепко целую! Да защитит вас ангел ваш от всяких врагов видимых и невидимых. Будьте здоровы и счастливы, бодры духом...

Хотела бы лично расцеловать вас, мою дорогую, да ноги почти совсем не ходят, никуда не хожу и не выезжаю.

Я не жалею, все это в порядке вещей. Уж пора. Не забывайте меня и когда-нибудь загляните.

Милый Иван Андреевич, я его давно не видала. Чай, устает, бедный. Колюшу моего дорогого крепко целую и поздравляю с наступающим ангелом. Дай бог дожить мне до того времени, когда он будет в Малом театре. [...] Всех вас люблю и горячо желаю радости, она так нужна нам всем, хоть немного!!!

Будьте здоровы, мои дорогие ...

М. Ермолова.

¹ Варвара Николаевна Рыжова — с 1893 г. артистка Малого театра, ныне народная артистка СССР. Далее упоминаются ее муж — артист Иван Андреевич Рыжов (1866—1932) и их сын — Николай Иванович.

158. А. И. ЮЖИНУ

[1918 г.]

Дорогой Александр Иванович, вполне доверяю вам, и буду с вами, что бы вы ни решили! Конечно, наш театр должен быть национальный или государственный, т. е. назва-

ние его, и конечно, управлять им должны те, кто всю жизнь и силы отдает ему (только не я, конечно). Во главе с вами!¹

Простите, не могу притти, я сильно ослабла.

М. Ермолова.

¹ Письмо относится к 1918 г. (первые месяцы), когда комиссия актеров Малого театра, во главе с А. И. Южиным, выработывала проект „Временного положения Малого театра“ для представления его на утверждение Советского правительства. Проект этот с некоторыми изменениями был утвержден наркомом по просвещению А. В. Луначарским в мае 1918 г. Письмо важно для характеристики взгляда М. Н. на Малый театр, как на театр всенародного значения. Ни в одном письме великая скромность великой артистки не обнаружила себя с такой силой, как в этом письме: себя одну из всей труппы устраняет она от участия в управлении автономным Малым театром.

159. Н. И. РЫЖОВУ¹

[1918 г.]

Да благословит тебя господь, дорогой Коля, с началом твоего служения в Малом театре. Я ужасно рада за тебя, там твое место, дорогой мой, а не скитаться по разным театрам. [...] Люби всем сердцем искусство и Малый театр, работай и трудись изо всех сил. Не огорчайся, если что и потерпеть придется. Все мы прошли через это. Не раздражайся, не волнуйся, думай только о искусстве и все будет хорошо. Прости за советы, люблю тебя всей душой и желаю от всего сердца успеха и счастья, так же, как я желаю и своему Коле.

Отца и мать горячо целую, обоих сердечно люблю и спасибо дорогой Варюше за ее ласковое письмо. Не волнуйся очень при дебюте.

Любящая от души

М. Ермолова.

¹ Николай Иванович Рыжов (род. 1900 г.) — ныне заслуженный артист республики — был принят в труппу Малого театра в 1918 г.

160. А. И. ЮЖИНУ

[28—29 марта 1919 г.]

Дорогой Александр Иванович, хотела начать с радости, а пришлось начать горем! Умер А. А. Ленский!!¹ Господи ты,

боже мой, что же это! Сейчас узнала. Опять у вас с М. Н. горе, дорогой мой, милый, всей душой разделяю его с вами...

А радость это — автономия нашего театра, и этим он обязан вам.²

Дорогой Александр Иванович, если будет возможность завтра приехать, я приеду. Пишу „приеду“ потому, что больше ходить пешком я совершенно не могу. Я совсем разбита. Ноги у меня еле двигаются, я совсем, совсем обесилела, а сегодня опять в доме переполох; не знаю еще, чем кончится. Девушка, ходившая за Марией Петровной,³ слегла, опять волнения, хлопоты, хотя еще не решено что с ней.

Ох, как трудно жить стало на свете! И все-таки радость есть, и слава вам, слава, дорогой друг и товарищ! От всего сердца поздравляю, за вас всегда и всюду мой голос, куда бы вы ни пошли!.. А если не смогу приехать, не сердитесь, и прошу Алекс. А. Яблочкину, чтобы она мне завтра позвонила из центра.

Господь с вами, и Марье Николаевне и Лидии Николаевне мой привет.

М. Ермолова.

¹ Александр Александрович Ленский (1887—1919) — талантливый скульптор, сын А. П. Ленского, по матери своей Лидии Николаевне Ленской (рожденной Корф) приходился племянником М. Н. Сумбатовой-Южиной.

² 25 марта 1919 г. наркомом просвещения А. В. Луначарским было утверждено „Основное положение Государственного Малого театра“, выработанное комиссией из актеров в составе А. И. Южина, О. А. Правдина и С. А. Головина. Согласно § 9 „Основного положения“, „управление Малым театром принадлежит дирекции из пяти лиц. Малому театру предоставляется право избрания председателя и остальных четырех членов с тем, что все они подлежат утверждению Отделом Государственных театров в своих должностях“. Председателем Дирекции автономного Малого театра был избран А. И. Южин.

³ Шубинская — свояченица Ермоловой.

161. А. И. ЮЖИНУ

[6—7 июля 1919 г.]

Дорогой Александр Иванович, если я вам нужна, то могу сыграть в Эрмитаже 14-го, 15-го или 16 июля, один из этих дней.¹ Потом уеду на дачу до конца августа. Ответ скажите

моему племяннику Кречетову,² который передаст вам это письмо.

Думаю приехать в Москву 9-го. Еще должна ехать на Сходню играть 10-го или 11-го „Без вины виноватые“.

Крепко жму вашу руку и буду ждать ответа от вас.

М. Ермолова.

¹ Летом 1919 г. М. Н., вместе с другими артистами Малого театра, участвовала в спектаклях, организованных в летних театрах „Эрмитаж“ и „Аквариум“ в Москве и в подмосковных дачных театрах.

² Артист П. П. Кречетов.

162. А. И. Ю Ж И Н У

[Август, 1919 г.]

Дорогой Александр Иванович, если вы настаиваете, чтобы сыграть мне еще раз в Эрмитаже, то очень прошу вас назначить это в последние дни или даже в последний день закрытия сезона, значит 29-го или 30-го.

Если можно, сцену 3-го акта „Марии Стюарт“, непременно в начале спектакля, или если вам удобней, то опять-таки, „Стакан воды“. ¹ Осип Андреевич ² предложил мне играть „Правда хорошо, а счастье лучше“. Мне нравится, но не знаю, что у меня выйдет из этого, боюсь, что будет скучно...

Ответьте мне: какой день назначите играть мне в Эрмитаже, а если без меня обойдется, тем лучше.

Крепко жму вашу руку.

Ваша

М. Ермолова.

Ответ на московский адрес.

¹ В „Стакане воды“ Скриба М. Н. играла роль королевы Анны (преьера в Малом театре 1 декабря 1916 г.). „Чистое и ясное мастерство М. Н. в „Стакане воды“ давало очень большую и светлую радость“ (Вл. Немирович-Даниченко, Ермолова, „Красная нива“, 1928, № 14).

² Осип Андреевич Правдин (1849 — 1921) — один из крупных актеров Малого театра на характерные роли (с 1879 г.), предложил М. Н. выступить в новом амплуа, взяв на себя роль Мавры Тарасовны в комедии Островского „Правда хорошо, а счастье лучше“, в которой сам играл Грознова.

[Первые месяцы 1920 г.]

Дорогой Николай Ефимович!

Сердечное спасибо за гильзы. К сожалению, я не могу доставить вам такого же удовольствия, как вы мне — гильзами, и совершенно не знаю, что мне делать и где искать что-нибудь для вас интересного.¹ Все перерыла, все сожжено, что имело хоть какой-нибудь интерес. В дневнике остались только школьные глупости, которых никому не покажу² — остались два-три письма — совершенно ничтожные по содержанию. Как-нибудь на этой неделе после среды зайдите и поговорим, покажу вам эти письма, может быть вы меня что-нибудь спросите и может быть я вам что-нибудь отвечу.

Но остаюсь при своем твердом убеждении, что этого ничего не нужно, не интересно и для меня не желательно.

Только у меня есть одно желание — сделать что-нибудь приятное для вас.

Пока до свидания.

Жму вашу руку.

М. Ермолова.

¹ Н. Е. Эфрос, готовя в связи с 50-летним юбилеем М. Н. очерк ее жизни и деятельности (издан Малым театром), обратился к М. Н. с просьбой сообщить ее дневники и письма.

² Эти отрывки школьных записок М. Н. печатаются ниже, в приложении.

[Начало января 1920 г.]

Дорогой Александр Иванович, умоляю, отложите юбилей до весны,¹ то есть до тепла, — невозможно играть, да еще в свой праздник, когда все внутри дрожит, нет ни чувств, ни силы, ни голоса, — все заморожено. По необходимости, конечно, играешь в казенные спектакли, но ведь это ужасно, чувствовать себя так, что нельзя даже от игры согреться. Ради бога! кажется, для этого ведь нет препятствий? Не все ли равно: 30 января

переносится на май,—вот и все! Право, лучше будет. Все измучены. Да? Или позвоните, или скажите ваше решение.

Ваша

М. Ермолова.

¹ По желанию М. Н., празднование ее 50-летнего юбилея было перенесено с 30 января (вечер ее первого выступления в „Эмили Галотти“, в 1870 г.) на 2 мая 1920 г.

165. А. И. Ю Ж И Н У

[Апрель 1920 г.]

Дорогой Александр Иванович, очень и очень прошу вас поставить 3-й акт „Горе от ума“ в мой бенефис, если уж суждено ему быть. Ничего другого мне не хочется. Я хочу только одного, чтобы в этот вечер все мои товарищи были со мной вместе. Я есть только единица, а надо чтобы было целое, чего мы и достигнем, поставив 3-й акт и сцену из „Марии Стюарт“.¹

Что мне до того, что все выйдут на сцену для приветствия! Это не то; надо, чтобы все вышли на сцену для своего дела, а не для юбилея. Я, может быть, слишком думаю о себе, желая заставить вас всех играть, но таким образом я не буду чувствовать себя отчужденной от всех, буду чувствовать приехавшей как и все, для нашего общего дела, а не для выставки.

Простите, если я что-нибудь не так сказала. Но мне бы этого очень хотелось.

Ваша

М. Ермолова.

¹ Это желание М. Н. было исполнено: в программу ее юбилейного спектакля, кроме сцены 3-го действия „Марии Стюарт“, в которой явилась сама великая артистка, было поставлено при участии всей труппы Малого театра 3-е действие „Горя от ума“; после этих сцен началось грандиозное, не имеющее себе равного в истории русского театра, юбилейное чествование Ермоловой (см. описание его в статье Н. Е. Эфроса в сборнике „Ермолова“, изд. „Светозар“, Л. 1926).

[2 мая 1920 г.]

Друзья и товарищи, мне хочется еще сказать: родные мои братья и сестры, только теперь я почувствовала всю глубину вашей любви ко мне и всю горячую любовь мою к вам и привязанность к Малому театру. Когда живешь в семье, ведь не замечаешь, как дороги тебе отец и мать, еще иногда сердиться на них, но когда случится что-нибудь, нарушающее порядок обыденной жизни, радостное или горькое, тут только начинаешь чувствовать, как они дороги, как близки и как без них жить нельзя. Так и день 2-го мая заставил меня почувствовать всю радость, все счастье этой огромной, связывающей нас навеки любви. Не в криках восторга, не в словах „великая“, „гениальная“ я почувствовала это, но в той сердечной теплоте, в тех заботах обо мне, в тех слезах, которые мелькали на ваших глазах. Подумайте, как велико и свято, значит, то дело, которому мы служим, как велик тот божественный дух, соединивший нас в одно целое!

Вы все так чутко и снисходительно отнеслись к моим слабостям, недостаткам... Благодарю бога, что он дал мне силы пережить этот день, и теперь сколько бы дней или месяцев не осталось мне жить, вся моя душа и те остатки моего таланта, если они еще могут быть полезны, принадлежат вам, т. е. Малому театру.

Всем, всем и каждому мой низкий поклон и сердечное спасибо.

Мария Ермолова.

¹ Письмо написано глубокой ночью со 2-го на 3 мая, после юбилейного торжества М. Н. в Малом театре, отличавшегося не только необычайной величием, но и удивительной сердечностью и полнейшей искренностью.

167. А. И. Ю Ж И Н У

[30 августа 1920 г.]

Милый Александр Иванович. Три — увы! — пожилые женщины поздравляют вас со днем ангела и, всеми тремя, ослабевшими сердцами горячо желают по этому случаю чего-нибудь хорошенького.

Одна из них.

[1920 г.]

Спасибо, дорогой Александр Иванович, спасибо вам!
Я очень счастлива, что спектакль вчерашний в Художественном театре прошел блестяще!¹

Ваша

М. Ермолова.

В помещении Художественного театра состоялся спектакль в пользу Всероссийского театрального общества, в котором, впервые за все существование этих театров, объединились труппы Малого и Художественного театров. Актерами Малого театра были представлены отрывки из „Дмитрия Самозванца“ Островского, с М. Н. — инокиней Марфой, и из „Ричарда III“ — с Южиным в главной роли. Артисты Художественного театра исполнили одно действие из „Царя Федора“ с И. М. Москвиным и „Провинциалку“ Тургенева с К. С. Станиславским. Внутренней целью спектакля было единение сторонников реалистического театра.

169. А. И. ЮЖИНУ

[Март 1921 г.]

Дорогой Александр Иванович,

спасибо за надежду, хотя и смутную, что бог даст все обойдется. Конечно, начать спектакли необходимо! И это будет хорошо.¹ Дорогой, мне очень трудно приехать, ноги еще меня не держат как следует. Да ведь, мое мнение — ваше мнение, когда оно касается театра. А на разговоры, вы знаете, что я неспособна. Подождите еще. Потом поговорим.

Ваша

М. Ермолова.

¹ Из-за капитального ремонта, затянувшегося на много месяцев, Малый театр мог открыть сезон 1920—21 гг. только тогда, когда в других театрах сезон уже кончался, — весной 1921 г. Вопреки многим советчикам, рекомендовавшим вовсе не начинать спектаклей, М. Н. поддержала Южина в решении открыть сезон — и это совершилось 5 апреля 1921 г. (возобновление „Горе от ума“).

170. МАЛОМУ ТЕАТРУ¹

[2 апреля 1921 г.]

Малому театру.

Примите мой сердечный привет, дорогие мои друзья и товарищи в радостный день открытия нашего Малого

театра. Горько мне, что я не с вами сегодня, но мой ремонт еще не закончен.² Тело мое еще очень слабо, но дух посылаю вам. Он радуется вместе с вами. Молю бога, да поможет он приступить к великому делу просвещения народа и работать всем вместе без разделения, колебания и сомнения.

Дорогой Александр Иванович, примите мой низкий поклон и горячую благодарность за ваши статьи о традициях Малого театра.³ Желая от всей души, чтобы наша молодежь поняла и почувствовала смысл этих статей и вошла в эти традиции и душой и умом! Мне кажется, что у некоторых слово традиция смешивается со словом рутина, почему иногда и относятся к ним полупрезрительно. Но ваши статьи совершенно ясно разъясняют, что такое традиции Малого театра, и что они со словом „рутина“ ничего общего не имеют. Да здравствует Малый театр и все его служители, и большие, и малые!

Мария Ермолова.

¹ Настоящее письмо М. Н. было прочитано А. И. Южиным труппе в день открытия сезона 5 апреля в перерыве между 2 и 3 действиями „Горя от ума“.

² М. Н. оправлялась в это время от тяжелой болезни. „19-го января М. Н. играла в „Колизее“, где Малый театр дает районные спектакли, „Без вины виноватые“. Еще днем она чувствовала недомогание и домашние уговаривали ее отказаться от спектакля. М. Н., всегда предельно добросовестная в исполнении актерских обязанностей, все-таки приехала на спектакль, с трудом довела его до конца. Врач констатировал рожистое воспаление. Воспаление с лица распространилось на голову. Созванный консилиум, в котором участвовали проф. Шервинский и Герден, признали положение очень серьезным. Во вторую неделю болезнь приняла особенно сложную форму. Так длилось несколько мучительных дней. В помещении школы Малого театра, где собираются для репетиции актеры, ежедневно вывешивались бюллетени о ходе болезни. Весь коллектив Малого театра был в самой напряженной тревоге. Пережив в начале марта рецидив воспаления, М. Н. только к концу месяца окончательно встала с постели“ („Культура театра“, 1921, № 3, стр. 52—53).

³ В № 3 журнала „Культура театра“ за 1921 г. А. И. Южин поместил статью „Малый театр в его подлинных традициях“. Статья была вызвана ожесточенными нападками на Малый театр со стороны формалистов, конструктивистов и других сторонников условного и внешне-эстетского театра, прикрывавшихся в своей борьбе против реализма внешне „левацкими“ лозунгами и этикетками. Отвечая на упреки Малому театру в „традиционализме“, который сознательно смешивался левацкими формалистами с реакционностью в искусстве, А. И. Южин писал:

„Главная традиция Малого театра, по отношению к исполнению, заключается в требовании жизненной правды, внутренней силы и оригинальности исполнения. Вторая традиция — жизнь на сцене, в исполняемой

артистом роли, должна заменять личную жизнь артиста... Третья традиция — создание подлинного коллективного творчества, слияние в одно сплоченное и единое целое всех отдельных крупных индивидуальностей... Традиция Малого театра никогда не была и не будет традицией ложнопонимаемого музезима.

Малый театр — прежде всего живой и жизнеспособный, вечно обновляющийся организм... Целый ряд стойких борцов за свободу театра создал из его труппы это объединенное целое, перед которым часто должна была отступить власть всемогущего произвола" (стр. 4—6).

171. А. И. ЮЖИНУ

[Апрель 1921 г.]

Дорогой Александр Иванович, очень прошу вас снимите с воскресенья сцену Марфы.¹ Дорогой мой, простите, не сердитесь, я доставляю вам только неприятности, но сделайте это, как бы это ни было вам неприятно: я совсем ослабла, и нервы расстроены и т. д. Нужно, чтобы прошел мороз и я смогу без страха выехать на воздух. А сейчас при каждом дуновении холода я сейчас же заболеваю...

Дайте еще недели две просидеть дома. Ну, пожалуйста, если возможно.

М. Ермолова.

Телефон не звонит у нас. Черкните два слова в ответ.

Первый выход М. Н. после тяжелой и долгой болезни состоялся 15 мая в 6-й сцене из „Дмитрия Самозванца“ Островского в роли инокини Марфы.

172. А. А. ЯБЛОЧКИНОЙ

[Весна 1921 г.]

Дорогая, милая, спасибо за вашу любовь и ласку, за поздравление и пожелание. С своей стороны посылаю вам мою любовь и пожелание сил и здоровья! Хоть и жалко мне вас, а все-таки рада, что вы будете в комиссии голодающих, это дело святое... Я на даче нисколько не поправилась, может быть, оттого, что прямо приехала на скверную погоду, только недавно началась хорошая. Сил у меня нет, дорогой мой друг, ноги так слабы, что иногда совсем не двигаются, и я лежу день-два почти не вставая. Глаза тоже хуже. И я со страхом думаю об осени и о театре. Играть больших

ролей нечего и думать, это кончено. А что же я буду делать, не знаю. Но не думайте, я не отчаиваюсь и не жалуясь... Столько любви я вижу и от друзей, и от товарищей и, наконец, от моих близких, которые со мной. Вы знаете, недавно я схоронила и Анну Николаевну.¹ Осталась Маргарита и Коля² только. И только для них хотелось бы протянуть еще немного жизни... И в вас я не хочу возбуждать сожаления, вы тоже мой друг и знаете, что я счастлива и довольна всем, и вы радуйтесь со мной!

Передайте дорогой Гл. Н. Федотовой и Н. А. Никулиной мою горячую благодарность за память и любовь! Бог даст, увидимся. Хотела ехать в Москву, но погода хорошая и стало жалко! Целую вас, дорогая Александра Александровна, крепко, крепко и Тиночку³ мою милую благодарю и целую.

Не забывайте.

Ваша

М. Ермолова.

¹ Шереметевская — сестра М. Н.

² Дочь и внук М. Н. — М. Н. и Н. В. Зеленины.

³ Тина Гавриловна Арминина (Сундукьян) — артистка и суфлер Малого театра.

173. А. А. ЯБЛОЧКИНОЙ

[1921 г.]

Дорогая моя, вся моя речь к вам вот в чем: меня так трогает ваша доброта ко всем людям, нуждающимся в какой бы то ни было помощи, которую вы и оказываете не задумываясь, тратите свои силы, здоровье и не спрашиваете себя, могу ли я, хочу ли я, а просто делаете все что нужно! Это самая благородная и высокая черта вашего характера, за которую я и люблю вас сердечно. Не говорю уже о вашем славном служении театру — с каким достоинством и твердостью держите его знамя в руках! За это бесконечно люблю и уважаю вас! Оставайтесь всегда такой, какая вы есть, — вот и вся моя речь...

М. Ермолова.

Не подумайте, что платок, который я вам дала, выражает мои чувства. Это так, пустячок, кстати или некстати — не знаю.

[Осень 1921 г.]

Дорогой Александр Иванович!

Просьба принять в Малый театр Евгению Щепкину.¹ Конечно, вы об этом знаете, и как бы это ни было „сверх сметы“, дорогой, ведь это последний и прямой отпрыск имени Щепкина, которое так дорого для Малого Театра. Вы конечно, это понимаете лучше меня. Дорогой мой, что касается меня, я еще совсем в беспомощном состоянии. Меня только что спустили с постели и пока не предлагайте мне вопросов, когда я могу играть. Но как-нибудь заедете ко мне поговорить и тогда увидим. Знаю только твердо, что играть я ничего не могу... Там увидите...

Сегодня у вас начало?! Дай бог! Дай бог!

Ваша

М. Ермолова.

¹ Евгения Петровна Щепкина — внучка знаменитого М. С. Щепкина, артистка Малого театра с 1893 по 1911 г. М. Н. добивается возвращения Щепкиной в труппу Малого театра.

[Октябрь 1921 г.]

Дорогой Александр Иванович, звонила несколько раз, нужно поговорить с вами, а теперь телефон не отвечает. Знаю как вы заняты, чтобы заехать ко мне, можно бы и по телефону. Вот в чем дело: я больна: и бронхит, и насморк, все заложено, выйти нескоро придется. Но главное насчет пьесы Островского.¹ Что хотите, ничего не могу сделать. Роль мне не дается ни с какой стороны... Я только мучаюсь с ней, раскаиваюсь, что связалась с ней. Вот что хочу предложить вам. Пока Елена Константиновна не играет, дайте мне „Холопы“² не совсем, а изредка, что вы предлагали мне раньше и очень жалею, что я отказалась. Но мне надо время, чтобы выучить ее, я совсем не помню ничего. Но, может быть, недели через три я в состоянии буду ее сыграть.

Репетиции одной, я думаю, довольно. Третий раз выучиваю Островского, и каждый раз заболеваю. Может быть весной, если мы будем живы, я как-нибудь слажу и с Маврой

Тарасовной. Простите за вечные хлопоты, которые я доставляю... И скажите мне в телефон хотя, как вы на это смотрите. А „Правда хорошо“ может итти пока без меня. Кажется, играла Турчанинова.³

Желаю от души сил и здоровья и жду ответа.

М. Ермолова.

¹ М. Н. имеет в виду роль Мавры Тарасовны в комедии „Правда хорошо, а счастье лучше“, сыграть которую ей подал мысль О. А. Правдин еще в 1919 г. В этой роли М. Н. никогда не выступала.

² При возобновлении пьесы Гнедича „Холопы“ весной 1921 г. роль княжны Плавутиной, исполнявшаяся М. Н., перешла к Е. М. Лешковской. М. Н. выступила в „Холопах“ 21 декабря 1921 г.

³ Артистка Малого театра Е. Д. Турчанинова, ныне народная артистка РСФСР.

176. А. И. ЮЖИНУ

[1920—1922 гг.]

Дорогой Александр Иванович, очень прошу вас обратите внимание на пьесу молодого драматурга Ив. Мих. Саркисова.¹ Название „Якобинец“. Прошу вас очень, дорогой, просмотрите эту пьесу. Очень рада, что вам лучше. Мне получше тоже, только кашель еще не позволяет выходить. Когда будете здоровы позвоню вам.

Жму вашу руку.

М. Ермолова.

¹ Иван Михайлович Саркисов-Серасини — ныне профессор медицины.

177. А. И. ЮЖИНУ

[1922—1923 гг.]

Дорогой мой друг и товарищ Александр Иванович, знаю и вижу вашу неустанную тяжелую борьбу за театр и наше искусство. Не могу помочь уже ничем, примите хотя от меня мои сердечные пожелания вам и здоровья и сил... Только не падайте духом и не отчаивайтесь. Как бы ни окончилась борьба, вы боретесь за нашу святыню.

М. Ермолова.

Послание к студенту З.

Передо мной лежит письмо...
 Но кем написано оно?
 Мурзилка ль лапой то писал?
 Иль Димка мух на нем гонял?
 Иль муж ученый, одержимый
 Недугом в пальцах и в уме,
 Со смелостью непобедимой
 Писал то ночью при луне?!
 О нет! То будущий известный доктор,
 Ума палата, философ,
 Писал как малые ребята,
 Не зная каллиграфических основ.
 Послал старухам он письмо такое,
 Что день и ночь трудились над ним
 И бабушка, и мать, и друг,—такое,
 Что только мать чутьем своим
 Слова немножко разбирала.

„Пушкин“.

Писать неразборчиво не только скверно, но писать так к старым людям, просто неприлично. Был писатель хороший, Нефедов,¹ письма которого рвали, ругали его все, посылали назад, требуя объяснений! Еслиб тебе понадобилось писать к Кони, например, что бы он сказал? Теперь на досуге обрати на это внимание, и займись этим.

Все это, конечно, не уменьшает моей любви к тебе, и желания, чтобы ты, дорогой мой, был счастлив и здоров в твоём отдыхе и после. Скучаю и часто желаю, чтобы ты был со мной. Но невозможное невозможно!! [...] Крепко целую тебя.

Представь, что с самого переезда моего, погода ужасная, холод, дождь, и ветер по очереди. А как было бы хорошо—иногда проглянет солнце и все просветлеет и в душе. Вообще все есть, в даче тепло, поживем увидим.

Скоро твое рождение [...] Люблю тебя и крепко целую. Не забывай меня. Жалею, что нет тебя с нами, Димка даже

скучает о тебе и удивляется, что тебя нет. Мама твоя недавно была, погода была не очень зверская.

Бабушка.

За то какая зелень чудная, сколько цветов!

¹ Ф. Д. Нефедов (1848—1901) — известный беллетрист-народник, отличавшийся отвратительным почерком.

179. А. И. ЮЖИНУ

[15 июня 1923 г.]

Дорогой мой, Александр Иванович, хотелось бы сказать чтонибудь утешительное, — ничего нет! Сердце болит за вас больше, чем за себя! ... Ведь вы точно в котле кипите, страдая за всех! Ваш ум велик, но сил нужно больше, больше, а помощников вам нет. Их надо искать где бы то ни было, театр наш только критикой занят! Простите, голубчик, я тоже первая в театре не могу принести ему ни на грош пользы, а представляю только лишнюю обузу для театра! Горько и больно! Что делать, не знаю... Еду завтра на дачу, доктора только говорят: воздух, велют иод пить. Говорят: организм еще жив и нет органических повреждений, хотя ноги очень слабы, и одержима вечной паникой, что и называется „психостения“. Доктор Довбня предлагает лечиться внушением. Не хочу. Для меня все уже кончено, но вы, вы, дорогой и любимый Александр Иванович, в вас все спасение и надежда! Но берегите свои силы, берегите, театр погибнет, если вы уйдете, ваша голова еще вывезет его. У вас только один недостаток: много иногда упрямства! Простите, ведь я не умею ни говорить, ни писать; пишу сама не знаю что; бросьте в корзину и не сердитесь на меня.

Не умею утешить вас... Будьте здоровы. Если давно не читали „Консуэлло“ Жорж Занд, прочтите. Останетесь довольны.

Спасибо за все.

М. Ермолова.

180. А. А. ЯБЛОЧКИНОЙ

[15 февраля 1924 г.]

От всей души сердечно приветствую со всеми товарищами дорогую, милую заслуженную,¹ да вы уже давно, Александра

Алекс. заслужили более, чем вам могут дать люди. Вы заслужили редкие дары: пламенную любовь к искусству и всем страдающим несчастным людям. Скольким вы помогли, устроили, утешили и облегчили их жизнь! В вашей чистой душе нет фальши, нет лжи и у вас есть сила и энергия творить ваши подвиги. Это ли не высочайшие дары ваши? Это не фразы, не похвалы, это — то, что велит мне сказать вам мое сердце! За последнее время мы больше сошлись с вами и я поняла вас лучше. Будьте счастливы, и оставайтесь всегда такой, какая вы есть, милая и дорогая моя!

М. Ермолова.

¹ 15 февраля 1924 г. А. А. Яблочкина, по случаю своего 35-летнего юбилея, получила звание заслуженной артистки Республики.

181. И. С. ПЛАТОНУ¹

[1924 г.]

Дорогой Иван Степанович!

С чувством глубокой радости посылаю вам мой сердечный привет и поздравление в ваш бенефис! Благодарю за выбор „Юлия Цезаря“. Это благородно, это показывает, что жив дух Малого театра, и это все почувствуют и поймут, что этот дух даст силу и сыграть хорошо пьесу. Нечего бояться за какие бы то ни было промахи или недостатки. Артисты почувствуют, что они стоят перед великим. Душа артиста чувствует это. И великое завоевывает его.

Прибавлю еще одно слово не мое: „Любви не угашайте и духом пламенейте“.

¹ Иван Степанович Платон [1870 — 1935] — режиссер Малого театра, в свой юбилейный спектакль поставил впервые на сцене Малого театра „Юлия Цезаря“ Шекспира.

182. А. И. ЮЖИНУ

[1924 г.]

Дорогой Александр Иванович, молю бога, чтобы он послал вам здоровья и сил! Надо, чтобы вы берегли себя, надо прежде всего отдых. Не ездите играть!!!! Дорогой мой,

нельзя вам так себя мучить. Простите за советы, только любовь к вам и беспокойство о вас вызвало их.

М. Ермолова.

183. А. А. ЯБЛОЧКИНОЙ

[26 июня 1924 г.]

Дорогая моя, милая, удивляюсь, отчего не дошла моя открытка? Я послала ее на другой день после вашей открытки!! Милая моя, сейчас получила ваше письмо. Я просто пришла в ужас от вашего лечения.¹ Это пытка! 39 гр. Не замучайте себя и не доводите до слабости, в этакую-то жару!! Сколько же вам нужно будет отдыхать потом? Конечно, доктора лучше меня знают, что делать, но все-таки страшновато. [...] А. Ив. уехал, говорят, уже туда к вам. Он уехал один и не взял даже Марьи Николаевны—такой упрямый! И говорят еще, поехала сама по себе Муся.² Я уж очень рада, что вы там и, вероятно, будете видеть его и знать о нем. Если-б вам удалось удержать его от игры на сцене, и всякой другой! Он, конечно, не терпит возражений, но вас все-таки любит, а иной раз даже и послушает. У нас почти все время стояла жара. Сегодня 1-й день заходило. Я все также; жара еще хуже оказалась для слабости, — ну, это в порядке вещей! Погода хорошая, даже у нас цветов очень много. Если вы видите Дуничку Турчанинову,³ скажите ей, дорогая, что очень благодарю за письмо и за память. Целую вас крепко, крепко, от всей души и дай бог во всем всего хорошего, а главное в лечении. Будьте здоровы, бодры и счастливы и Дуничку целую и всем желаю всего хорошего.

М. Ермолова.

¹ А. А. Яблочкина лечилась в Эссентуках.

² Южин, также поехавший лечиться в Эссентуки. М. Н. Сумбатова — супруга Южина. Муся — племянница А. И. Южина.

³ Е. Д. Турчанинова, народная артистка РСФСР.

184. А. И. ЮЖИНУ

[3 августа 1924 г.]

Дорогой друг Александр Иванович!!

Вы до глубины души тронули меня вашим письмом! Я так счастлива, что вам лучше, и что вы написали мне. Ведь вы

для меня олицетворение Малого театра, т. е. всего самого дорогого, что было у меня в жизни. Один дух жил в нас с вами и, несмотря на разницу наших натур, все-таки один и тот же дух, т. е. дар божий, и я понимаю, что вы не забываете меня, и верю, как вы цените прошлое. Вы одарены больше меня, у вас и талант, и энергия, и воля, у меня никогда этого ничего не было, кроме таланта, за который я всегда благодарю бога, а также и за друзей моих, которых он посылает мне в конце моей жизни и которые помогают мне во всем, во имя прошлого. Горюю только об одном, что не могу больше принести пользы Малому театру: друзья мои работают и на меня. [...] Будьте же здоровы, дорогой, мой любимый друг. Того же желаю и А. А. Яблочкиной, моему неизменному другу. Прошу вас прочтите ей это и прибавьте мою горячую благодарность.¹ Мне трудно писать, я уж буду ждать ее в Москве, если бог приведет. Я очень слаба и уж ничего не действует на меня, ни воздух, ни солнце, которое очень милостиво к нам в нынешнем году. [...] Привет моим товарищам Е. Турчаниновой, В. Рыжовой, всех люблю и желаю всего хорошего.

М. Ермолова.

¹ На письме имеется приписка рукой М. Н. Ермоловой: „копию послать А. А. Яблочкиной“.

185. А. И. ЮЖИНУ¹

[7 сентября 1924 г.]

Дорогой друг и товарищ, примите мое сердечное поздравление с началом сезона и мое горячее желание, от всего сердца моего, сил и бодрости духа и здоровья!!

Приветствую и всех моих товарищей и дай бог всем успеха и полного благополучия!

Ваша любящая всех вас

Мария Ермолова.

¹ Приветствие А. И. Южину и в его лице всему Малому театру по случаю начала юбилейного, 101-го сезона Малого театра.

[Октябрь 1924 г.]

Дорогой мой друг Александр Иванович, вы, конечно, поймете меня, чего мне стоит отказаться от мысли быть со всеми вами на юбилее, и поймете, что только абсолютная невозможность заставляет меня отказаться от этого!!¹

Вы сами артист и я хочу остаться артисткой до конца моих дней, а не являть перед публикой немощную жалкую фигуру!! Вы понимаете меня, может быть, вы один! Что конечно, так конечно, и не будете сердиться на меня за то, что я не могу, а не не хочу. Если-б вы знали в каком смятении я нахожусь все это время! Посылаю с В. В.² что я хотела бы, чтобы вы прочли, а, если не годится, бросьте. Это приветствие Малому театру короткое.

Прощайте мой друг, да пошлет вам господь сил, которые вам так нужны, особенно теперь.

М. Ермолова.

¹ По нездоровью и крайнему упадку сил М. Н. не могла присутствовать на торжествах по поводу столетия Малого театра.

² В. В. Федоров — секретарь дирекции Малого театра.

187. А. А. БРЕНКО¹

Дорогая Анна Алексеевна!

[1924]

Милый старый товарищ и человек, отдавший всю свою жизнь на пользу родного искусства, воспитавший столько молодежи из народа в горячей любви к идеалу и честному отношению к искусству, как выразить вам мою горячую симпатию и уважение к вам? Хочется и мне присоединить свой голос к сегодняшнему вашему празднику. Примите же, дорогая, мой искренний, сердечный привет и поздравление и мою любовь! По нездоровью не могу придти вас поздравить и посылаю вам эту записку. И прошу еще передать эти две карточки вашим двум ученикам Чалмаеву и Зенкину. Крепко вас целую и дай вам бог сил еще долго продолжать вашу полезную деятельность!

Ваш старый товарищ

Мария Ермолова.

¹ А. А. Бренко (1848—1934) в 1878—1882 гг. была артисткой Малого театра. В январе 1880 г. Бренко открыла общедоступный частный

театр в Москве. Чтобы поддержать начинание Бренко, рассчитанное на народного зрителя, М. Н. выступила в нескольких спектаклях ее театра. В 1880—1882 гг. Бренко держала в Москве Пушкинский театр. В 1900-х гг. Бренко явилась зачинательницей рабочего самодеятельного театра в Москве. В 1917 г. ею был организован в Москве „Первый рабочий театр“. Советское правительство присвоило Бренко по случаю 50-летия ее деятельности звание заслуженной артистки Республики.

188. А. Я. ТАИРОВУ¹

[Декабрь 1924 г.]

Дорогой Александр Яковлевич!

Примите мое сердечное поздравление с вашим праздником. Очень грущу, что не могу быть на нем сама по случаю крайней слабости моего здоровья. Я даже не могла быть на 100-летнем юбилее Малого театра и как скорбела об этом!

Но что делать! Свеча помаленьку догорает. Желаю от всей души, чтобы другие свечи горели ярким блеском, и наши, и ваши! Поздравляю от всей души мою милую, самую яркую вашу звезду А. Г. Коонен,² которой желаю всякого счастья и благополучия. И всему вашему театру!

Крепко благодарю за ваше постоянное ко мне внимание, — меня оно очень трогает, спасибо! — и будьте бодры и счастливы.

М. Е.

¹ Александр Яковлевич Таиров — народный артист РСФСР, основатель и художественный руководитель Камерного театра, десятилетие существования которого справлялось в 1924 г.

² Алиса Георгиевна Коонен — народная артистка РСФСР.

189. М. Н. СУМБАТОВОЙ

[24 марта 1925 г.]

Дорогая Мария Николаевна!

Крепко целую и благодарю вас за ваше обстоятельное письмо. Я так люблю ваши письма — ведь здесь каждая подробность мне дорога и понятна! Особенно об Александре Ивановиче!¹ Спасибо вам, что вы вспомнили обо мне. Как приятно, что вы чувствуете оба себя хорошо. И дай вам бог, чтобы было так всегда! Писать много не могу, знаю, что

у вас корреспондент гораздо лучше моего, т. е. Александра Александровна,² и она все напишет вам, когда что нужно будет. Я все в том же положении, пока угрожающего ничего нет... Жаль, очень бедную Гликерию Николаевну!³ Вечная ей память. Ну, дай вам бог всего лучшего, мой сердечный привет Александру Ивановичу. Да будет он счастлив во всех делах своих. Вас крепко целую.

М. Ермолова.

Все мои шлют вам привет и добрые пожелания.

¹ М. Н. Сумбатова сообщала М. Н. о ходе лечения А. И. Южина за границей.

² А. А. Яблочкина.

³ Г. Н. Федотова скончалась в марте 1925 г.

190. А. И. ЮЖИНУ и М. Н. СУМБАТОВОЙ

[28 апреля 1925 г.]

Дорогой мой друг Александр Иванович! Я счастлива и благодарю бога за вас и радуюсь, что вам все хорошо и вы можете отдохнуть сколько вам нужно! Очень рада, что вы приняли Владимирова;¹ все наши очень его хвалят. Он очень разумный. Вы знаете, дорогой мой, что я не могу владеть ни своими мыслями, ни словами, но радуюсь в сердце! Кончаю свое письмо, желая, чтобы все хорошо было в Малом театре. По моему нужен Санин в Малом театре: они что-то очень мудрят с постановками! Я еще жива, но... Спасибо, дорогие, что вы не забыли меня. Простите и будьте счастливы.

М. Ермолова.

¹ В виду болезни Южина, требовавшей длительного лечения, В. П. Владимирова был назначен директором Малого театра; Южин сохранил за собой звание почетного директора.

191. А. А. ЯБЛОЧКИНОЙ

[1 июня 1925 г.]

Дорогая Александра Александровна. Да здравствует Гомель!¹ Он хорошо себя вел! Спасибо ему! Я так была рада

вашему успеху, а мы-то очень боялись за него! Но слава богу! Дай бог и кончить также, и скорей за отдых. Как вы устали! Берегите себя, голубчик мой! Бог даст, все будет хорошо, но берегите себя; скорей домой! Крепко целую вас и пожалуйста всем вашим партнерам сердечный привет и поцелуй!!

Всего вам хорошего. . . .

М. Ермолова.

¹ А. А. Яблочкина гастролировала в Гомеле с артистами Малого театра.

192. А. И. Ю Ж И Н У

[21 августа 1925 г.]

Дорогой Александр Иванович!

Спасибо за ваше милое, дорогое мне письмо! За вашу память обо мне! Я счастлива, что так жизнерадостна ваша память обо мне. Спасибо, спасибо, дорогой мой друг! Счастлива, что вам лучше и лучше. Один вы только и нужны Малому театру и да сохранит господь вас надолго! Я еще жива, и благодарю его и за то, что он мне еще дает возможность чувствовать и горе и радость Малого театра.

Простите! я не умею писать, вы знаете это! Желая вам: будьте только счастливы и здоровы!! А все остальное не в наших руках!!

Может быть и увидимся еще. . . . Поздравляю с наступающим ангелом.

Передайте милой Марье Николаевне мою благодарность за память и желание всех благ! И радости, и здоровья!

М. Ермолова.

193. А. А. Я Б Л О Ч К И Н О Й

[18 октября 1925 г.]

Дорогая моя А. А. очень рада, что получила ваше письмо, но вижу, как там скверно! К счастью, Киев¹ взял хоть сборы, а то у меня душа замирает за вас. [. . .] Дела везде плохие, но надо надеяться. Только не заболейте там и поскорее воз-

вращайтесь. От всего сердца желаю, главное, чтобы вы здоровая и бодрая вернулась. Привет вашим спутникам!... У вас жара, у нас была она еще больше, все цветет, только люди завяли от жары! И мы только стонем и жалуемся, но пока еще живы, только глаза почти не видят. Ну, дорогая, берегите себя насколько возможно.

М. Ермолова.

¹ В Киеве гастролировала А. А. Яблочкина с артистами Малого театра.

194. И. А. РЫЖОВУ ¹

[1925 г.]

Дорогой мой товарищ Иван Андреевич!

Поздравляю вас от всего сердца с вашим праздником и от души желаю успеха в ваших трудах. Я очень часто и с удовольствием вспоминаю то доброе старое время, когда мы вместе играли, вы — прекрасный Лионель, а я — Орлеанская дева! А теперь осталось лишь о том светлое воспоминание, которое нам все-же очень дорого.

Желаю вам всего лучшего и крепко обнимаю вас.

Ваша старая Орлеанская дева

М. Ермолова.

¹ Иван Андреевич Рыжов (1866—1932) — с 1882 г. артист балета, с 1892 г. до конца жизни артист Малого театра. Начиная с сезона 1893—1894 г. И. А. Рыжов бесценно вплоть до последнего спектакля исполнял роль Лионеля в „Орлеанской деве“.

В 1925 в Малом театре было отпраздновано сорокалетие сценической деятельности И. А. Рыжова („Серебряная коробка“ Гельсфорси).

195. А. А. ЯБЛОЧКИНОЙ

[1926 г.]

Дорогая моя, милая, поздравляю с праздником, крепко целую! Дай бог вам сил, здоровья и радости.

Перифраз из Гамлета:

Король: „Цветы — цветку“

а я:

„Яблочки — Яблочкиной“ ...

Ваша

М. Ермолова.

[1926 г.]

Славная артистка и милая подруга моя по сцене и по духу
Вера Аркадьевна!

Мы обе с вами отдали всю нашу жизнь и силы на служе-
ние и пользу родной страны и как могли и умели, честно
исполняли свой долг!

Мое служение кончилось, сил у меня больше нет, и я не
могу быть полезна своему любимому делу: вы можете и вам
еще предстоит впереди много труда и работы! Да поможет
вам бог, сохранит ваши силы на многие годы! Спасибо сер-
дечное скажет вам русский народ. Горячо приветствую вас
в нонешний день.

Ваша

Мария Ермолова

¹ Письмо к артистке б. Александринского театра Вере Аркадьевне
Мичуриной-Самойловой, ныне народной артистке РСФСР, вызвано испол-
нившимся 40-летием ее сценической деятельности (с 1886 г.). В конце
письма М. Н. приводит строку из стихотворения Н. А. Некрасова „Сея-
телям“:

Сейте разумное, доброе, вечное —
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
русский народ!

ИЗ ЗАПИСОК М. Н. ЕРМОЛОВОЙ

Отрывки

2 „Кареты в Малый!“ — отрывистым басом прокричал швейцар. Сердце во мне так и упало, дрожа и спотыкаясь, я побежала одеваться. Это было 30 января 1870 г. Мой первый дебют, в тр. „Эмилия Галотти“. С детских лет я постоянно грезила и мечтала о театре; да и как мне было не мечтать о нем, когда я с трех лет уже сидела в суфлерской будке с своим отцом. Дома моя любимая игра была „в театр“. Затворясь где-нибудь в комнате, я бросалась на колени, припоминала слова говоренные на сцене, ломала руки и притворно плакала. Водевилем я никогда не увлекалась, это было не в моем духе, я любила драмы и притом самые чувствительные. Я хотя и очень горевала в школе, учась танцовать, но никогда меня не покидала мысль, что когда-нибудь я буду актрисой, даже и тогда, когда нам положительно запретили об этом думать. И вот через несколько лет исполняется моя заветная, любимая мечта. Первый мой дебют был просто случаем, я играла по болезни первой артистки.¹ Нечего говорить, как я боялась, репетируя эту трудную роль. Прежде этого я часто воображала себя, как я в первый раз выйду без робости на сцену и как с триумфом кончу свою роль.

Когда же это сделалось действительностью, вся уверенность меня оставила: „Боже! думала я, я не перенесу, если меня не вызовут ни разу! если я провалюсь!“ Перед выходом я молилась, робела и плакала... Нет! никогда в жизни не забуду этой страшной и вместе радостной, блаженной минуты... Я слышу: Сам[арин] кончает последние слова...² вот уж он уходит... еще несколько слов... и я на сцене... аплодисменты на минуту остановили меня, я не видела публики... я видела только мельком какое-то пестрое пятно... я почувствовала вдруг, что я не робкая девочка, а актриса... Первая сцена прошла, я уйду и слышу громкие аплодисменты и вызовы... дрожа, но уже не от робости, а от счастья, я вышла раскланяться с публикой... мне единодушно хлопали; убежавши за кулисы, я зарыдала. Меня поздравляли, целовали. О, как я была счастлива в эту минуту!.. Конец моей роли прошел так же, как и начало... Молитва моя была услышана, заветная мечта исполнилась... Я актриса!

Нет ничего хуже, как писать сочинения по приказу, да еще к экзамену, зная, что это сочинение предстанет на суд многих лиц, а не одного учителя. Ну что писать? Описывать природу? Надоело. Школьные сцены... тоже избито!

... Дождь перестал... О, поскорей бы, поскорей бы на волю! Нет, нет, хороша, хороша новая жизнь, она никогда, никогда не будет, не может быть скучна, пока я молода!.. Ах, какая чудная погода! Скоро все распухнет, зазеленеет... и пришла мне в голову нелепая мысль о смерти!.. Это все дождь сделал, навел на меня такое ужасное впечатление... Из противоположного окна отворилась форточка, и высунулась голова одной восп[итанницы] с сияющим лицом. Какова погода! Господи, скоро ли домой, просто смерть как гулять хочется, а тут извольте к экзамену готовиться!.. Тут она выставила из окна свою руку для того, чтоб на нее падали капли дождя с крыши: „Ах, Маша, еслиб ты знала, какая теплая вода... пойдем проситься в сад!“ — „Да разве теперь пустят, что с тобой!“ — „Мы калоши наденем“. — „Все равно нельзя“.

Вдруг раздался звонок. Ах, я забыла, что у нас сегодня география, я ведь еще не повторяла. С этими словами она соскочила с окна. К нам в класс входит учитель географии...³

„Ах, какое наказание, уж вы В. Н. никогда не можете класса пропустить!“ „Болен будет и то придет!“, говорит другая восп[итанница]. Начинается урок географии, учитель вызывает ученицу. А на первой лавке две восп[итанницы] ведут следующий разговор: „Ты все приготовила?“ — „Какое все, еще только к батюшке“... „Как врешь! я сама видела, что ты вчера историю зубрила“. — „Зубрила! во-первых, это вы можете зубрить, а я не зубрю“. — „Она не зубрит! Слышите, mesdames ха, ха, ха“. — „Г-жа М. тише-с!“ — говорит учитель географии. „Аннета, тебе какое платье делают к вакации?“ — „Два—одно баржевое, другое ситцевое. Ситец, прелесть какой, я сама на дешевых товарах покупала“. — „Сколько за аршин?— 22 коп. Голубенькая полоска, беленькая полоска, узенькие, узенькие. Прелесть какой хорошенький“. На второй лавке одна восп[итанница] рассказывает сон, четыре ее слушают.

— „Вдруг вижу я, что в лесу, только лес этот будто в комнате и все змеи, змеи громадные“. — „Г-жа С“, обращается учитель к той, которая рассказывала сон“, расскажите мне Южную Америку“. — „Извините, В. Н., я не готовила“. — „Отчего-с?“ — „У меня зубы болят“ — она спокойно садится на лавку и продолжает рассказывать сон, учитель незаметно вслушивается в ее рассказ: „Как же это вы говорите-с, что у вас зубы болят, а сами сны рассказываете?“ — „Ох, заныл, заныл!“ — вдруг вскрикивает восп[итанница], держась за щеку. Раздается общий хохот. „Тише-с, mesdames! Тише-с!“ входит начальница и все смолкает.

¹ Г. Н. Федотовой.

² И. В. Самарин играл роль Одоардо Галотти, отца Эмили, которую играла М. Н.

³ В. Н. Новиков.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ

(Цифры означают страницы)

- Александровой, Л. И. — 53
Арендсу, А. Ф. — 118
Артистам Малого театра — 165
Бренко, А. А. — 177
Вишневному, А. Л. — 123
Всеволожскому, И. А. — 52
Гридину, Ф. Д. — 41
Жихаревой, Е. Т. — 146, 158
Зелениной, М. Н. — 53, 69, 71, 73,
74
Зеленину, Н. В. — 139, 172
Кондратьеву, А. М. — 58, 81, 117,
119 — 122, 125
Кони, А. Ф. — 156, 157
Лаврову, В. М. — 61
Лаврову, М. И. — 94, 115
Лешковской, Е. К. — 143
Малому театру — 166
Мичуриной-Самойловой, В. А. —
182
Музилю, Н. И. — 51, 54, 81
Неизвестной — 64
Никулиной, Н. А. — 142
Платону, И. С. — 174
Плещееву, А. Н. — 47
Пчельникову, П. М. — 46, 61, 63,
64
Рыжовой, В. Н. — 159
Рыжову, И. А. — 181
Рыжову, Н. И. — 160
Садовскому, М. П. — 114
Санину, А. А. — 48, 121, 144, 148,
149, 152
Средину, Л. В. — 65 — 67, 70, 73,
75, 77, 78, 80, 82, 83, 85, 88,
89, 91, 93, 95, 97, 99, 103, 106—
108, 111, 113, 124, 131, 136, 138
Сумбатовой, М. Н. — 55, 124, 153,
178
Тапрову, А. Я. — 178
Федотовой, Г. Н. — 56, 110, 118,
125 — 128, 132 — 135, 137, 141,
143, 151, 153
Флерову, С. В. — 39, 106, 120
Чаеву, Н. А. — 149
Черневскому, С. А. — 42 — 45, 47,
49, 55 — 62, 77, 88, 105, 110
Шереметевской, А. Н. — 38, 40
Шпажинскому, И. В. — 39, 104
Шубинскому, Н. П. — 36
Щепкиной, К. П. — 31, 32, 35
Щепкину, М. П. — 34, 36, 48
Эфросу, Н. Е. — 105, 110, 119, 163
Южину, А. И. — 50, 116, 117, 123,
130, 131, 141, 142, 145, 147, 151,
152, 155, 158 — 166, 168, 170,
171, 173 — 177, 180
Южину, А. И. и Сумбатовой, М. Н. —
179
Яблочкиной, А. А. — 135, 150, 168,
169, 173, 175, 179 — 181

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
<i>С. Дурьлин</i> , Мария Николаевна Ермолова	5
Письма М. Н. Ермоловой	29
Приложение. Из записок М. Н. Ермоловой	183
Указатель писем	186

Редактор В. Л. Финкельштейн.
Художественный и технич. редактор Л. А. Рождественская.
Обложка работы художника С. Сенаторского.
Корректор Э. А. Старк. Сдано в набор 10/VII—
38 г. Подписано к печати 23/XI 38 г. Ленобл-
горлит № 4962. Зак. № 403. Тир. 3500 экз.
Автор. листов 10,5. Печати. листов 11³/₄
и 25 иллюстраций. Колич. печати.
знаков в 1 печати. листе 40000.
Бумага 62x94¹/₁₆. Типогра-
фия им. Ивана Фелло-
рова. Звенигород-
ская ул., д. 11.

